

МОСКОВСКИЙ

BAZAR

№ 4 (6) 2012

Журнал Московского Салона Литераторов www.mossallit.ru

***Tous les genres sont bans,
hors le genre ennuyeux.***

***Все жанры хороши,
кроме скучного.***

Журнал выходит в
рамках проекта
«МОССАЛИТ»,
руководитель проекта
Ольга Грушевская

Главный редактор
Светлана Сударикова
Редактор-корректор
Ирина Чижова
Художественный
редактор
Ольга Грушевская

Редакционный Совет
Анна Народицкая
Зинаида Кокорина

Для писем
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ

Колонка главного редактора

Дедушка Мороз, спасибо!

Не знаю, как у вас, а у меня новогодний праздник был самым любимым на свете: салат оливье, венгерская салями, запах мандаринов, «Голубой огонек», «Мелодии и ритмы зарубежной эстрады» и, конечно же, новогодняя елка. Накануне мы с мамой ездили в «Детский мир» на площадь Дзержинского (ныне – Лубянка), где весь последний этаж занимали новогодние украшения, а в центре магазина возводилась огромная праздничная инсталляция, каждый год разная. То ее обитателями становились герои фольклора, то жители волшебной страны, которые назывались Мультики, или просто Дед Мороз и его верная спутница, а по совместительству внучка, Снегурочка. С кем только я там не перезнакомилась! И с Бабой-Ягой, и с Иваном-царевичем и его распрекрасной Василисой, и с Чебурашкой, и с Зайцем из «Ну, погоди!» и другими обитателями сказок. Все они улыбались мне и говорили добрые слова. А потом мы набирали блестящих белочек, мишек, самолетиков, домиков, шариков всевозможных размеров и цветов, добавляли мишуру, огоньки и искрящийся дождик, и все это богатство я гордо несла в коробках или просто завернутым в коричневую плотную бумагу, ни за что не доверяя маме. Дома сокровища развешивались на душистые лапы елки – елка всегда была живая, ее заранее покупали на елочном базаре, а потом, связанная веревками, она висела за окном, дожидаясь своего часа. И вот елка украшена, стол накрыт, куранты бьют 12, и вся страна (в пределах своего часового пояса) поднимает бокалы с шампанским. Нужно обязательно загадать желание, пока бьют часы, иначе не сбудется. Все искрится и сверкает, все счастливые и радостные, никто не помнит обид, неприятностей, разочарований – они остались в старом году. А впереди новый. Он еще только начинается, еще не успел развернуться, он едва переступил порог дома и стоит, робко улыбаясь. Пока никто не знает, что скрыто за этой улыбкой – коварство или великодушие, неудачи или успех, горе или радость, любовь или расставание. Но все верят – только хорошее. Но вот звон бокалов стих, и наступила тишина, чтобы через мгновение взорваться шумом хлопушек, летящего серпантина, смеха, поздравлений, музыки...

А потом наступало утро. Оно тоже было счастливым. Самое тихое утро в году. За окном сияет солнце, отражаясь в морозных оконных узорах, или кружит снег, мягко опускаясь на оконный карниз. Я тихонько вылезаю из кровати и прокрадываюсь в большую комнату, где стоит елка. А там... там, под елкой, лежит подарок. И не простой - сам Дедушка Мороз принес его мне. Очень хочется показать подарок маме и папе, но они еще спят. И надо же, какой все-таки Дедушка Мороз умный, добрый, хитрющий и всезнающий, ведь как угадал и подарил то, о чем я мечтала целый год! Я поднимаюсь на цыпочки, смотрю на сверкающую звезду на верхушке елки и шепчу: «Дедушка Мороз, спасибо!»...

Ваша Светлана Сударикова

СОДЕРЖАНИЕ ВЫПУСКА

С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ!

В НОМЕРЕ:

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- **РОЖДЕСТВО – «ДНИ СЕМЕЙНОГО СБОРА»**
(история праздника, распространение, традиции)

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)

- **ИСТОРИЯ РОЖДЕСТВЕННОЙ (НОВОГОДНЕЙ) ЕЛКИ**

ЧТО ЕДЯТ В НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИКИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ

АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- **2013 ГОД – ГОД ЧЕРНОЙ ВОДЯНОЙ ЗМЕИ!**
(стихи)

5

100

117

126

ПРОЗА

ОЛЬГА МОИСЕЕВА (МОССАЛИТ, Москва)

- **Я ВЕРЮ В ДЕДА МОРОЗА!**

НИНА РОЖЕНКО (Кореновск, Краснодарский край)

- **ВОТ ВОЗЬМУ И ПРИСНЮСЬ!**

НАДЕЖДА ГУСЕВА (МОССАЛИТ, Москва)

- **МОТЫЛЕК ЖИВЕТ НЕДОЛГО**

СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (Мари Веглинская) (МОССАЛИТ, Москва)

- **ЗА 12 ДНЕЙ ДО НОВОГО ГОДА**

ВЛАДИМИР БОРИСОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- **КАПИТАН МИШКА**

КАРЕН АГАМИРЗОВ (Карелия)

- **ТРЕТЬ ФУНТА ШВЕДСКИХ ГВОЗДЕЙ**
- **КУПИТЕ ДЕДУШКУ**

ИГОРЬ БУРДОНОВ (МОССАЛИТ, Москва)

- **РАВЕЛА АКВАРЕЛИСТ (роман-миниатюра).**
Продолжение

14

21

27

40

49

56

60

63

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ

ОЛЬГА ГРУШЕВСКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)

- **КИНО НЕ ДЛЯ ВСЕХ: «Акварельные окна Игоря Бурдонова». Личные впечатления о романе-миниатюре И. Бурдонова «Равела Акварелист»**

74

ПОЭЗИЯ

- НИКОЛАЙ ХЛЕБНИКОВ (Москва)
ИГОРЬ БЕЛЯКОВ (И. Болшев) (Москва)
ОЛЬГА УВАРКИНА (МОССАЛИТ, Москва)
АЛЕКСАНДР СУХИХ (МОССАЛИТ, Москва)

79
88
90
95

СМЕХОТЕКА

- ВИКТОРИЯ ЛУКИНА (Харьков)
• СУСЛИК
ВЛАДИМИР ШЕСТАКОВ (Харьков)
• АФОРИЗМЫ

103
105

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

- ЗИНАИДА КОКОРИНА (МОССАЛИТ, Королев)
• С НОВЫМ ГОДОМ! (очерк)
ВИКТОРИЯ ЛУКИНА (Харьков)
• РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕРТЕП (рассказ для детей)

106
110

СТОЛИК У ОКНА

- Рубрику ведет АННА НАРОДИЦКАЯ (МОССАЛИТ, Москва)
• ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ, или ОТЛОЖЕННАЯ ЖИЗНЬ

114

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

- СВЕТЛАНА СУДАРИКОВА (МОССАЛИТ, Москва)
• РОЖДЕСТВО В АВСТРИИ (фото автора)

123

В оформлении журнала использованы репродукции картин
мировых художников из цикла «Рождество в живописи»
<http://blogs.mail.ru/mail/adelina60/362C238B06B7B7A2.html>,
а также М. К. Эшера, И. Бурдонова,
рисунки О. Зирка, А. Народицкой,
фото из личных авторских архивов.
На обложке
репродукция картины Бориса Кустодиева, 1919 г.

С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ!

*Ольга Грушевская
(МОССАЛИТ, Москва)*

РОЖДЕСТВО – «ДНИ СЕМЕЙНОГО СБОРА»

История праздника, распространение, традиции

*Отары легкие снежинок
гоняет по лесу метель
и, чая благости, как инок,
свой час священный чует ель.
И ветви в белую дорогу
из леса к Славе тянет прочь,
и ждет таинственно и строго
одну-единственную ночь.*

Райнер Мария Рильке «Адвент», 1897

Скоро наступит волшебный праздник – Рождество. Праздник сказочный, поскольку для детей он всегда связан с подарками, а у взрослых – с предвкушением осуществления планов и исполнения желаний.

Рождество - праздник значимый, поскольку его история - многовековая, переплетенная как с самим Евангелием, так и с историческими событиями и течениями.

Мы знаем, что люди разных христианских конфессий - католики, протестанты, православные - празднуют Рождество в разное время, 25 декабря и 7 января соответственно, но это ни в коей мере не уменьшает его значения. Давайте обратимся к истории и узнаем, что же это за праздник? Начнем с Евангелия от Матфея и Луки.

Рождение Христа по евангелистам Матфею и Луке (в кратком изложении)

В Евангелии от Матфея и Луки говорится, что Иосиф и Мария, которая была на последнем сроке беременности, отправились в город Вифлеем. Причиной их путешествия была перепись населения, которую в то время велел провести кесарь Август - каждый должен был прийти в то место, где родился он сам и его предки. В Вифлееме собралось великое множество народу, и найти ночлег Марии и Иосифу не удалось, поэтому в поисках ночлега они отправились за город и укрылись в пещере, где пастухи держали свой скот во время грозы.

Именно там начались у Марии ночью схватки, и Иосиф привел ей в помощь Саломею-повитуху, которая помогла Марии разродиться, а потом и спеленать младенца¹. Этот сюжет послужил основой для многих картин и фресок.

Иосиф Обручник и Саломея
(Мастер Хохенфурзский, ок. 1350 года)

Саломея помогает Богородице пеленать
Христа (деталь фрески Рождество Христово
в капелле Скровеньи, Джотто, 1266 год)

Затем Мария с Саломеей положили младенца в ясли для скота.

Здесь следует обратить внимание, что «ясли» в своем первоначальном значении обозначали и обозначают по сей день кормушку для скота, т. е. корыто, куда клали корм. Это слово настолько вошло в повседневный обиход, что сегодня даже стало обозначением детских учреждений для младенцев.

¹ Рассказ о присутствии при рождении Христа повивальной бабки Саломеи существует в двух апокрифических источниках: «Протоевангелии Иакова» и «Евангелии псевдо-Матфея» (прочие апокрифы упоминают о повивальной бабке, но не называют её имени и не сообщают о чудесном засвидетельствовании ею сохранения девственности Марии). Они оба упоминают о двух повивальных бабках, приведённых Иосифом к пещере, где происходили роды Девы Марии. Ни одна из них непосредственно не помогала Марии при родах: оба источника сообщают, что младенец вышел из утробы сам, а бывший при этом яркий свет не позволил никому подойти к Богородице. — (Источник примечания: Википедия).

Сразу после рождения младенца пастухам на поле близ Вифлеема явились ангелы и сообщили, что в мир пришел Спаситель. Узнав благую весть, пастухи поспешили в пещеру поклониться Марии и новорожденному Христу.

Джорджоне. Поклонение пастухов. 1505 (?)
Вашингтон, Национальная галерея

В это же самое время волхвы, восточные мудрецы, увидели, как в небе загорелась новая яркая звезда. Согласно восточным пророчествам, появление звезды возвещало о пришествии Божьего Сына, которого ждал иудейский народ.

Весть дошла и до царя Ирода, правившего в то время Иудеей. Он вызвал к себе волхвов, чтобы узнать у них время появления звезды, а стало быть, и возможный возраст будущего Царя Иудейского. Ирод опасался новорожденного как будущего соперника своему царствованию.

Ирод и волхвы. Мозаика в базилике Санта Мария Маджоре в Риме, сделана в середине V века.

Под предлогом того, что сам хочет поклониться будущему царю, Ирод попросил волхвов разведать и сообщить, где именно Младенец находится. Следуя за путеводной звездой, волхвы достигли Вифлеема, где поклонились новорожденному, принеся Ему дары от сокровищ Востока: золото, ладан и смирну.

Однако царю Ироду волхвы не сообщили о местонахождении Младенца, поскольку получили откровение от Бога не возвращаться в Иерусалим, а потому ушли в свою страну другим путем.

Узнав, что волхвы не послушались его, царь Ирод был сильно разгневан. Он велел своим солдатам отправиться в Вифлеем и предать смерти всех младенцев мужского пола до двух лет. Это событие нашло отражение в сюжетах множества полотен и фресок мастеров периода Возрождения, а также в более поздние века.

Иосифу же удалось спасти Иисуса – он получил во сне предупреждение об опасности и бежал с Марией и Младенцем в Египет, где Святое семейство находилось вплоть до смерти Ирода.

Джотто. Избиение младенцев. 1304-1306.
Фреска в капелле Скровеньи

Изображение Рождества

Джотто. Рождение Христа. 1304-1306
Фреска в капелле Скровеньи

На протяжении веков к евангельским сказаниям о Рождестве прибавились легенды, народные духовные стихи, предания. Народные представления нашли отражение в иконописи, фресках, в лубочных картинах, на которых запечатлены не только ясли со Святым Младенцем, но и животные - вол и осел.

В IX веке уже окончательно сформировалось изображение картины Рождества Христова, где изображена пещера, в глубине которой находятся ясли. В этих яслях лежит младенец Иисус, Дева Мария полулежит рядом, а Иосиф сидит по другую сторону от ясель, в дремоте или задумчивости.

Вол и осел изображены неспроста. Согласно апокрифическим источникам, на осле ехала в Вифлеем Дева Мария, а вола вел Иосиф с собой для того, чтобы продать, а на вырученные деньги уплатить царскую подать и прокормить семью в дороге и Вифлееме. На картинах и фресках животные изображаются стоящими рядом с яслями, они согревают Младенца в зимнюю ночь своим теплым дыханием. Кроме того, осел символизирует упорство в достижении цели, а вол - покорность и трудолюбие.

История праздника и его распространение

Точную дату рождения Христа сказать сложно – она не отражена ни в одном из источников. Это может объясняться тем, что на протяжении трех первых веков истории христианства церковь выступала против языческого обычая празднования дней рождения, хотя имеются указания на то, что чисто религиозное воспоминание рождества Христова было включено в чин праздника Богоявления.

Есть несколько предположений относительно точной даты Рождества. Например, первохристиане считали Христа «вторым Адамом», сыном человеческим, а потому пришли к дате 6 января (19 января по новому стилю). Иными словами Христос родился в тот же день, в который был сотворен и первый Адам – в шестой день первого месяца в году. Сегодня этот день отмечается как день Богоявления и Крещения Господня.

Позже пришли к мнению, что Рождество должно быть отнесено на отдельный день и предположение, что Рождество Христово связано с сотворением Адама, подверглось возражениям в том смысле, что первый Адам был виновником грехопадения рода человеческого, а второй стал Искупителем людей и источником спасения. Кроме того, в Церкви издавна существовало убеждение, что Христос существовал на земле полное число лет как существо совершенное. Ипполит Римский, блаженный Августин, святой Иоанн Златоуст и другие считали, что Христос был зачат в тот же день, в который пострадал, следовательно, в еврейскую Пасху, которая в год его смерти приходилась на 25 марта. Отсчитывая отсюда 9 месяцев, мы получаем для Рождества Христова дату 25 декабря (старого стиля).

Убеждение о полном числе лет Христа было принято на Западе ² быстрее, чем в Восточной церкви, и не случайно. Дело в том, что в Римской империи на 25 декабря выпадало особое торжество – День солнца. В этот день начиналось прибавление светлых часов в сутках, что олицетворяло обновление мира. Язычники весело праздновали этот день, пили, ели и поминали бога Митру. К ним часто присоединялись и христиане. И тогда, чтобы искоренить эту языческую традицию, духовенство перенесло Рождество на День солнца, чтобы христиане поклонялись не далекому светилу, а тому, что дарит душевный свет и радость, – Солнцу бессмертному, Иисусу Христу ³.

К середине IV в. Рождество пришло и в Восточную церковь. В то время были разные идеи и теории, которые считались опасными и вредными ⁴, и православное духовенство решило уделить особое внимание Рождеству как особому празднику и значимому событию.

20 декабря 388 года Иоанн Златоуст попросил верующих подготовиться к празднованию Рождества 25 декабря, сказав, что на Западе Рождество давно празднуется и пора всему православному миру перенять этот добрый обычай. Его речь победила все другие теории, и в последующие полвека Рождество стало повсеместно праздноваться в христианском мире. В

² После победы Константина Великого Римская церковь установила 25 декабря в качестве даты празднования Рождества Христова.

³ В Новом завете Христа называют «Солнцем правды».

⁴ Среди теорий была и такая, где Бог не принимал человеческого образа и Христос пришел в мир не во плоти и крови, а подобно трем ангелам у Мамврийского дуба, состоял из высших энергий.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Иерусалиме, например, в этот день вся община во главе с епископом отправлялась в Вифлеем, ночью молилась в пещере, а утром возвращалась праздновать Рождество домой. Торжества продолжались восемь дней.

Таким образом, с конца IV в. весь христианский мир начал праздновать Рождество именно в этот день (за исключением восточных церквей, где этот праздник отмечается 6 января в связи использованием Юлианского календаря).

Рождество на Руси

На Руси Рождество всегда праздновали и любили. В канун Рождества - Сочельник - до «вечерней звезды», то есть до вечерних песнопений «Волхвы же со звездой путешествуют», ничего не ели и не садились за стол. Родители рассказывали детям о том, как волхвы пришли поклониться новорожденному Иисусу Христу и принесли ему дорогие подарки.

В ночь на 25 декабря по всей стране, во всех церквях, совершалось рождественское богослужение.

Сочельник всегда справляли скромно и во дворцах российских императоров, и в избах крестьян. Зато на следующий день начиналось веселье - Святки. Святки это двенадцать дней после Рождества до Крещения Господня. Отмечать особо эти дни церковь начала с древних времен. Уже в уставе VI века преподобного Саввы Освященного пишется, что в дни Святки не полагается класть поклоны и совершать венчание. А в 567 году все дни от Рождества Христова до Богоявления были названы праздничными.

В первые дни Святки всегда посещали близких и друзей, дарили подарки - в воспоминание о дарах, принесенных Младенцу волхвами. Хозяйки красиво накрывали столы, готовили лучшие угощения.

Также на Руси всегда было принято в эти дни вспоминать о бедных и больных: посещать приюты, больницы и тюрьмы. В древние времена в Святки некоторые цари, переодетые в простолюдинов, посещали тюрьмы и раздавали заключенным милостыню.

Особой традицией Святки на Руси являлось колядование, или славение. В праздник Рождества сам патриарх со всем духовным синклитом приходил славить Христа и поздравлять государя в его палаты; оттуда все шли с крестом и святою водой к царице и другим членам царского семейства.

Считается ошибочным причислять к традициям празднования Рождества всяческие гадания и ряженых в медведей, свиней и разную нечисть. Эти традиции уходят корнями в язычество и не имеют ничего общего с христианскими традициями и с традиционным обрядом славения.

Обряд славления имеет древние христианские корни, например, его можно наблюдать в поздравлениях, приносимых еще императору Константину Великому его певчими. Народ издревле подхватил эту традицию, особенно дети и молодежь. Они наряжались, ходили по домам, пели для хозяев церковные песнопения, песни-колядки, славя родившегося Христа и желая хозяевам добра и благополучия. Хозяева всегда дарили детям конфеты, подарки,

дурным тоном считалось отказать славильщикам в угощении.

В Святки вечерами на Руси рассказывали о добрых и чудесных событиях, происходящих с людьми в Рождество, такие рассказы получили название святочных историй. Эти истории богато отражены в русской классической литературе и народном фольклоре.

Рождественский вертеп – что это?

Рождественский вертеп — это кукольный театр, изображающий сцены рождения Христа. Художественные средства, которые использовались для вертепа, могли быть различны – от скульптуры до театра. Однако изображения, являющиеся предметом религиозного поклонения (например, иконы или картины, изображающие Рождество) нельзя назвать вертепом.

На Руси вертепы стали неотъемлемой частью славления в XVI веке. Однако законами русского вертепа запрещалось изображать Богородицу и Младенца в форме кукол, и их заменяли иконы. С помощью кукол или даже актеров изображали волхвов и пастухов.

Барочный вертепный театр. Германия. 1704 г.

Вертепы как в Европе, так и на Руси, существовали в нескольких формах – в вертепных композициях (использование объемных фигурок, которые иногда приводили в движение скрытыми механизмами), вертепных театрах (кукольный театр с участием одного или двух актеров) и живых вертепах (представление силами актеров).

Вертепные композиции наиболее были распространены в странах католицизма, где они успели приобрести традиционные региональные особенности, и в некоторых протестантских странах.

В России популярность этого вида вертепов стала возрастать лишь в последние годы. Композиция обычно фиксирует совокупность событий, чаще всего поклонение пастухов и поклонение волхвов, которые, согласно христианской традиции, произошли в разное время. В обширных многофигурных композициях в качестве отдельных сюжетов могут присутствовать и другие сюжеты евангельской истории: Бегство в Египет, Избиение младенцев и др.

Размеры композиций могут быть различны - от крошечных до человеческого роста (в Европе), а количество персонажей – до нескольких десятков. Так, к Рождеству 2011-2012 года в брюссельской базилике Сакре-Кёр был сооружен, по утверждениям создателей, самый большой Рождественский вертеп в мире: композиция из множества полноростовых фигур занимает весь первый этаж этого здания, входящего в десятку крупнейших христианских церквей мира, а

иерусалимские стены поднимаются на высоту семи метров. Самым крупным по размеру фигур, согласно Книге рекордов Гиннеса, был Рождественский вертеп, сооруженный в Монтеррее (Мексика) в 1999 году. Фигуры Девы Марии и Святого Иосифа достигали в высоту 5,3 метра.

Как материалы, так и техника могут быть очень различны. Обычно используются резьба по дереву, керамика и т. п. В качестве материалов могут использоваться также воск, бумага, пластмасса, металл и др. Зачастую используются достаточно сложные и разнообразные методы. Так, в неаполитанских вертепах XVIII века лица фигур изготовлены из терракоты, глаза — из стекла, руки вырезаны из дерева, основой для туловища служит металлическая проволока, покрытая сшитой из различных тканей одеждой.

Популярны и механические вертепы, которые являют собой единую неразборную конструкцию, в которой часть фигур приводится в движение скрытыми механизмами под воздействием ручной силы или электромотора. Крупнейший, по данным Книги рекордов Гиннеса за 1998 год, механический вертеп — так называемые «Крызовы яслички» (чеш. Krýzovy jesličky), находится в музее города Йиндржихув-Градец в Чехии.

Кукольные вертепы были распространены на территории Польши, Украины, Белоруссии, России. Вертепные представления разыгрывались при помощи кукол в специальном ящике. Этот ящик также называют вертепом.

На территории России вертепы были очень распространены, особенно в XVIII-XIX веках. Однако после 1917 года вертепные представления подвергались гонениям и запретам, будучи фактически приравнены к религиозной пропаганде. В связи с этим вертепная традиция стала угасать. Последняя на территории СССР фиксация вертепных текстов от очевидцев была сделана в 1980-е годы. В последние десятилетия интерес к вертепам в странах бывшего СССР возродился. Начиная с середины 1990-х годов проводятся фестивали вертепных театров.

Вертеп, выполненный в русских традициях

Если же говорить о живом вертепе, то это живой театр, который представляют в декорациях, установленных под открытым небом. В качестве декораций используются обычно исторические здания или даже естественные пещеры; нередко в композиции присутствуют живые домашние животные. Иногда организуется целая «Рождественская (Вифлеемская) деревня», в которой многочисленные (до нескольких сотен) исполнители занимаются традиционными ремеслами и бытовыми делами. Зрители имеют возможность свободно перемещаться для осмотра вдоль композиции, а иногда и внутри нее. Обычай живых вертепов получил распространение в некоторых странах католической и протестантской традиции.

Возрождение традиции

В 1917 году в атеистическом советском государстве Рождество было запрещено не только праздновать, о нем даже запрещали упоминать. Вифлеемскую звезду заменили на пятиконечную и строго следили, чтобы у любой изображаемой звезды было только пять лучей. Зеленая ель как рождественский символ была подвергнута опале. А еловые ветки в рождественские дни ставили в комнатах, укрытых от посторонних глаз. В 1935 году специальным указом правительства ель все-таки вернули людям, но уже как новогоднюю. В годы репрессий Рождественские службы совершали тайно в домах, в лагерях, тюрьмах и ссылках. Рождество праздновали в самых невероятных условиях, рискуя потерять работу и свободу.

В 1991 г. Постановлением Президента РФ Рождество Христово вновь становится официальным праздником для всех народов РФ. И сегодня Рождество Христово полностью вернулось в Россию, опять став не просто важным православным праздником, но и праздником домашним, а Рождественские дни, по словам Федора Михайловича Достоевского, являются «днями семейного сбора», днями милосердия и примирения.

ПРОЗА

Ольга Мусеева

(МОССАЛИТ, Москва)

Я ВЕРЮ В ДЕДА МОРОЗА!

Я увидела мальчика, когда вышла собрать свежих тенёчков для завтрака, но удивительным было, конечно, не это, потому что увидеть аборигена самого нижнего мира – дело привычное. Бывает, эти застывшие создания торчат прямо там, где гнездятся тенёчки, и если бы наш мир, хвала Беспредельности, не плавал всегда сверху, то я бы иногда оставалась без нормального завтрака. Мальчик сидел прямо на снегу, на самом большом из сугробов, свесив ноги на ту сторону, куда не попадало солнце, поэтому самые сочные тенёчки скучковались под подошвами его ботинок, что, разумеется, тоже выглядело вполне обычно.

Ну, так что же тогда – возмутитесь вы моим долгим вступлением – было удивительным?! Терпение! – отвечу я, ибо должна же я вас подготовить к тому, что случилось дальше? Нас ведь как предтечи учили: все миры параллельны и пересекаться не должны ни при каких обстоятельствах!!! Именно так, с троекратным восклицанием, помните? И мгновенная смерть тому, кто попытается уравниваться с чужим миром в скорости! Нас учили держаться подальше от чужих миров и как можно реже открывать седьмое око, чтобы не видеть ничего, кроме своей предельности. Вот вы наверняка и не открываете, вам-то можно, но я – известная ученица – должна быть всегда начеку, когда путешествую, собирая сведения о природных свойствах всех предельностей и изучая границы нашего с вами мира.

И поэтому я, нырнув в синеватую прохладу сугроба за тенёчками, седьмоком продолжала следить за аборигеном самого нижнего мира. Вот тут-то и случилось поразительное: мальчик вдруг заколотил пятками по белому боку снежной горы, высекая фонтаны ярких световых брызг.

– Ай! Перестань! А-я-а-ай! – завопила я, с ужасом понимая, что теперь уже при всём желании не могу закрыть забитое жгучими бликами седьмоко.

– Ой! – сказал мальчик. – Киса! Прости!

– Какая ещё, замкни тебя в вечное кольцо, киса? – пробормотала я, вычищая седьмоко. Мальчика я из-за бликов не видела, но чувствовала – лупить сугроб он перестал. В тот момент меня так корёжило от резей в оке, что я позабыла про всё, чему учили предтечи, и потому даже не испугалась.

Понимание того, что я – высшей лёгкости ученица, и маленький дикарь самой тяжёлой предельности уравнились в скорости, пришло несколькими мгновениями позже, когда – о, это самое невероятное! – моя спина вдруг ощутила прикосновение мальчика!

Взвизгнув, я отпрыгнула в сторону, внутри всё тонко-тонко завибрировало, накрывая ожиданием немедленной и неминуемой смерти.

– Киса, киса, не бойся!

Последний блик наконец выскочил, и я увидела, что мальчик, оказывается, уже слез с сугроба и стоит рядом, подле гнезда тенёчков – они, надо сказать, совсем не выглядели напуганными, скорее, просто недовольными оттого, что кто-то топчется в непосредственной близости от их тушек.

– Киса! – повторил маленький дикарь и снова протянул ко мне руку.

Я увернулась и отступила, чувствуя, как внутренняя вибрация потихоньку спадает. Вы, наверное, удивитесь, что я не убежала подальше от этого жуткого мальчика, но поймите меня правильно – раз мгновенная смерть, обещанная предтечами, не наступила, то сама Беспредельность велела мне разобраться, что происходит, ведь я же не абы кто, я – опытная путешественница и смелая исследовательница!

Поэтому я храбро вытаращила седьмоко и заявила:

– Никакая я не киса! Я – Бассекасеттолла Пятая, высшей лёгкости учёница.

– А я Серёжа, – ответил мальчик и снова сел прямо на снег.

Вы помните уроки мироведения? Картинки с формами жизни параллельных миров? Обитатели низовья – четыре конечности (руки и ноги), туловище, голова, а на ней – два глаза... Так вот из этих глаз у маленького дикаря вдруг закапало что-то такое чистое и прозрачное, что если бы он затряс головой так же энергично, как бил ногами по сугробу – не избежать бы мне новых ожогов от бликов. Но, к счастью, сейчас он сидел в тени, опустил глаза.

Прыснувшие в стороны от плюхнувшегося прямо в центр их гнезда мальчика тенёчки сгрудились вокруг меня, заставляя ощутить то же, что и этот странный Серёжа, – страх.

Я, конечно, очень люблю тенёчков, но сейчас их способность расширять мою чувствительность не приносила ничего приятного, а только раздражала.

– Ты чего это? – я грозно придвинулась к мальчику, глядя, как он рукой размазывает вытекающие из глаз капли – позже я узнала, что аборигены нижнего мира называют их слезами.

– Ты-ы не ки-иса, – плакал Серёжа. – Я тебя боюсь.

– Не надо. – Рези в седьмоке прошли, и я смягчилась. – Не бойся. Только руками меня не трогай, ладно?

Мальчик, шмыгнув носом, кивнул, и я почувствовала, как спадает его страх и растёт новая эмоция – огорчение.

– Ты что, жалеешь, что я оказалась не этой твоей кисой? – догадалась я (ведь я же очень умная исследовательница, потому и приобрела такую широкую известность в нашем мире).

Серёжа снова кивнул.

– Но почему? – поразила я чужаковатым эмоциям аборигена.

– Потому что Волшебная Киса может отвести меня к Деду Морозу!

– А кто это? – поинтересовалась я, и мальчик, потрясённый моим неведением, выпучил глаза и затараторил про своего Деда Мороза, позабыв и страх, и огорчение.

Резюмируя его не слишком гладкую и последовательную речь, объясню вам, что Дед Мороз – это такое доброе существо, способное один раз в году (аборигены нижнего мира так время делят) принести в дар всё что угодно.

– Так зачем тебе к нему идти-то? – не поняла я, потому что из рассказа Серёжи выходило, что для получения подарка надо только хорошо себя вести, слушаться маму и сообщить ей, что тебе нужно.

– Я хочу попросить у него другой подарок!

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

– Ну так скажи об этом маме! – сказала я, строго следуя логике, как и полагается мудрой ученице.

– Я не могу, – грустно ответил Серёжа. – Она меня больше не слышит. Но я знаю, что Дед Мороз принесёт мне радиоуправляемый вертолёт, а я теперь уже не хочу вертолёт, я хочу, чтобы мама ко мне вернулась!

– А почему мама тебя не слышит?

– Не знаю, – мальчик пожал плечами. – Меня и дворник не слышит, я с качелей упал...

– С каких ещё качелей? – спросила я, озадаченная столь мудрёным хитросплетением причин и следствий этого дикого нижнего мира.

– Вот с этих! – Серёжа махнул рукой.

Я посмотрела в ту сторону и увидела неподалёку металлическое сооружение с подвешенной посередине доской – это и были качели, но самым интересным оказались вовсе не они, а стоявший на дороге ещё один абориген нижнего мира. Чем же он был так интересен? – спросите вы, и я с удовольствием удовлетворю ваше любопытство: тем, что при взгляде на него я наконец-то поняла, почему нас с мальчиком не постигла мгновенная смерть от пересечения лёгкой и тяжёлой предельности!

Дело в том, что абориген на дороге не двигался, ну, то есть двигался, конечно, только – как и полагается обитателю самого нижнего мира – крайне медленно, настолько медленно, что я, создание высшей лёгкости, смогла бы это заметить, только если бы глядела на него, не отрывая седьмока, в течение целого светлого цикла. Я повернулась к Серёже – он сидел на снегу в окружении тенёчков. Похоже, он только сейчас заметил их сотканные из влажного тумана тушки и тихонько щекотал им спины. Тенёчки тихо попискивали от удовольствия и уже были не против того, что мальчик сидит прямо в их гнезде.

– Ты не принадлежишь к этой тяжёлой предельности, – сказала я. – Кто ты?

– Я Серёжа, – мальчик перестал гладить тенёчков, посмотрел на меня с испугом и добавил: – Соколов.

– Как ты попал сюда, Серёжа Соколов?

– Я сильно-сильно раскачался, случайно упал и очень больно ударился обо что-то головой.

– И что? Расскажи, что было потом!

– Ну... потом... потом я увидел маму! Она сидела неподвижно с приклеенными слезами... А я лежал на кровати. Я сказал «Мама!», а она не ответила, я ещё что-то сказал, но она даже не пошевелилась. Тогда я встал и увидел, как я лежу на кровати с трубками во рту. Я кинулся к маме, но не смог до неё дотронуться и вдруг почему-то оказался сзади, а мама ко мне даже не повернулась... Я очень испугался, побежал к двери и вдруг оказался здесь, в нашем дворе. Я подошёл к дяде Мише-дворнику, – мальчик показал на аборигена на дороге, за качелями, – но он, как и мама, совсем не шевелится и ничего не отвечает... – Серёжа снова заплакал.

Тенёчки плотно прижались к нему, жалея. Их тушки мгновенно развеяли его боль по округе, мальчик быстро успокоился и продолжил:

– Я сел и стал смотреть туда, – он показал пальцем, и я увидела через дорогу высокое застеклённое строение, а перед ним – два небольших зелёных дерева, увешанных яркими шарами и огнями. – Я посмотрел на ёлочки, вспомнил про Новый год и подумал про Деда Мороза. Как было бы здорово найти его и попросить, чтобы вместо вертолёта он вернул мне мою маму!

Ну, остальное-то вы, наверняка, помните: перед Серёжей появилась я, и он решил, что я – Волшебная Киса, которая знает, где живёт Дед Мороз.

И вот тут, прежде чем излагать историю дальше, позвольте вам кое-что объяснить, дабы с присущей мне прозорливостью предупредить ваши вопросы и, возможно, осуждение. Прежде всего, я хочу честно признаться, что мой острый ум ученицы, равно как и многоцикловый опыт путешественницы, а также наметанный глаз исследовательницы говорили мне, что Дед Мороз этот – чистейшая выдумка, и что не может он приходить откуда-то из другой предельности, чтобы награждать послушных детей нижнего мира подарками. Но... понимаете... этот Серёжа... он смотрел на меня такими глазами! Да ещё эти тенёчки так и жались к нему, едва успевая развеивать по ветру боль и то и дело выстреливая в меня её разрядами... И слёзы мальчика... они были такими кристально прозрачными... а печаль его была так чиста и глубока...

В общем, я взяла и сказала:

– Хотя я и не Волшебная Киса, а Бассекасеттолла Пятая, но обещаю: найдём мы твоего Деда Мороза!

– Правда? – Серёжа бросился ко мне так резво, что я не успела увернуться, и он прижался щекой к моей спине. – Бассе... Бася!

От мальчика исходила такая великая радость, что она ясно чувствовалась даже без помощи тенёчков. Ладно, пусть будет «Бася», добродушно подумала я, аккуратно отстранила мальчика и ответила (куда уж тут было деваться?):

– Правда. Только давай-ка я сперва поем, а то я ещё даже не завтракала.

Я принялась быстро собирать тенёчков и складывать их в боковой карман.

– Зачем ты их ловишь? – осведомился Серёжа.

– Ну я же сказала: для завтрака!

– Ты будешь их есть?! – ужаснулся мальчик.

– Кого? – я посмотрела на него и удивилась, насколько широко у него могут открываться глаза.

– Их! – он показал натенёчков, тихо курлыкавших у меня в кармане.

– Фу-у. – Я рассмеялась. – Великая Беспредельность, а я и забыла, что ты вышел из низшего мира! Мы, жители самой лёгкой предельности питаемся не существами, а чистой энергией. Тенёчки мне нужны просто для компании – чтобы получить побольше удовольствия от завтрака.

– А-а, – облегчённо выдохнул Серёжа, и мы направились к моему пузырю для странствий.

После завтрака я выпустила тенёчков на волю и, пока возвращалась к ожидавшему меня в пузыре мальчику, всё пыталась сообразить, куда бы нам отправиться.

Искрунов, что ли, проведать? Там у них всё такое яркое, весёлое, где низ – верх, а где верх – низ, и все летают, играют, непонятно чем занимаются и неизвестно за счёт чего живут – почти чистое безумие, но мальчишка наверняка будет в восторге... Деда Мороза мы, конечно, не найдём, но, по крайней мере, развлечёмся... Или лучше к механоидам? Они, наоборот, серьёзные такие, сложные! Ну, вы сами знаете, как далеко они зашли в собственном усовершенствовании, и у них есть на что посмотреть... да, Серёжу эти машинарики точно поразят – глаза вдвое шире раскроются... А можно ещё навестить...

– Здесь нет руля, Бася! – перебил мальчик мои мысли, выглянув из пузыря.

– А что, тебя это удивляет? – спросила я, заходя внутрь.

– ...Нет, – немного подумав, ответил Серёжа, погладив внутреннюю стенку. – Он ведь живой... а живому руль не нужен!

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Мальчик подошёл к тому боку, где сходились звездой нервоусики пузыря и накрыл их сплетение ладошкой. По прозрачной стенке во все стороны побежала волна нежно-зелёного цвета.

– Смотри-ка, – изумилась я, – а ему приятно! Пузыри ужасно пугливы и редко принимают кого-то, кроме хозяина, а тут... не потемнел и даже не вздрогнул!

Я прикоснулась к верхним нервоусикам и ощутила добродушное приветствие своего старинного Друга-странника. За столько циклов, что мы вместе, я научилась безошибочно чувствовать состояние духа своегопузыря, и могу сказать точно, что в тот момент он находился в таком прекрасном настроении, какое я за ним замечала только на заре наших совместных путешествий, когда мы были молоды и переполнены исследовательским энтузиазмом. Я повернулась к Серёже:

– Аты ему явно понравился!

– И он мне тоже! Ой, щекотно! – Серёжа рассмеялся, но ладошку не отнял. – Очень, очень понравился!

И тут меня осенила идея, которая и послужила в конечном итоге причиной того, почему я выступаю сейчас перед вами.

– Положи вторую руку вон на тот толстый узел, – я показала Серёже куда, – и попроси Друга-странника отвезти тебя, куда ты хочешь.

Он коснулся второго узла и громко сказал:

– Отвези меня к Деду Морозу!

Пузырь расцветился зелёно-серебристыми волнами, я дотронулась до пульсирующих ходовых нервоусиков и ощутила его замешательство.

– Серёжа Соколов! – Я прижалась к стенке Друга-странника. – Закрой глаза и думай только одну мысль, ты понял?

– Да! – Мальчик закрыл глаза. – Дорогой Пузырик! Ты ведь знаешь, где живёт Дед Мороз?!

– Одну мысль, одну-единственную! – воскликнула я, чувствуя, как Друг-странник задрожал, прощупывая пространство.

– Отвези меня к нему, Пузырик, мнеочень-очень надо! – Серёжа прижался к ставшей полностью серебристой стенке. – Пожалуйста, – голос его упал до шёпота, – Бася разрешает...

Тонкий разряд кольнул меня, разбегаясь по нервам, и я, плотнее прижавшись к Другу-страннику, громко прошептала прямо в его вибрирующую, резко потеплевшую плоть:

– Я верю в тебя! И я верю в Деда Мороза!

Мир, в который привёз нас пузырь, был похож на тот, откуда Серёжа родом. Однако сходство оказалось только внешним, а при ближайшем рассмотрении стало ясно, что Предельность здесь совсем не тяжёлая. Это был верхний мир, по скорости не уступающий нашему!..

Тише, перестаньте, опуститесь на места! Я понимаю, это поражает невероятно, ибо мы с вами всегда полагали, что наша предельность имеет высшую степень лёгкости! Но послушайте и постарайтесь привыкнуть к следующей мысли: наш мир – не единственный такой...

Да не нужно так реагировать, я же ещё не закончила, послушайте!..

Я, Бессекассектолла Пятая, заслуженная ученица и известная путешественница-исследовательница, заявляю вам со всей ответственностью: есть в беспредельности миры, что ещё выше нашего... так... тихо, пожалуйста! Порядколюбцы, выставите вот тех двоих за

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

пределы сферы заседаний... Ну а вы-то куда? Будьте любезны опуститься на место! Порядко... да-да, их, вот их выведите, пусть остынут! Спасибо. Да тише же вы все! Прошу тишины!..

...Пожалуй, можно продолжать.

Я никогда не видела раньше той предельности, на границу с которой переместил нас с Серёжей мой Друг-странник. Здесь всё было настолько легким и быстрым, что, двигаясь, становилось почти бесплотным. Привыкнув к тому, что наш мир всегда плавает сверху, я не сразу осознала, что местные обитатели спокойно пролетают сквозь меня точно так же, как я делала это во всех знакомых мне мирах.

– Смотри, Бася! – Серёжа побежал вперёд по большой дороге, на которой высадил нас пузырь, – здесь и лето, и зима, а вон там яблони распускаются, как у нас на даче!

Я огляделась по сторонам. Природа здесь, на первый взгляд, действительно пребывала в хаосе, но это только на первый взгляд, ибо зоркие очи и живой ум бывалой путешественницы помогли мне быстро догадаться, что местность тут меняется в зависимости от желания проходящего по ней аборигена. Правда, признаюсь вам честно, я пока не разобралась, как местные обитатели поступают в случае, если, например, двое идут по одному полю, а хотят при этом разного.

– Серёжа! – Я догнала мальчика. – Ты знаешь, куда идти?

– Вон туда, туда! – радостно закричал он, показывая пальцем направо, куда отходила узенькая дорожка – почему-то я заметила её только сейчас, как и строение из толстых брёвен под заваленной снегом крышей, к которому она вела. Всё это каким-то образом словно вдруг выросло из-под земли неподалёку от большой дороги.

– Теремок! – Серёжа рассмеялся. – Дом Деда Мороза! Это он, точно! Смотри, а вон там, в лесу, стоит дедушкин олень... Ох...

Серёжа внезапно остановился.

– Что с тобой?

– Мне... – мальчик упал на колени, – нехорошо... – Он резко побледнел и задрожал.

Уходит! – поняла я. Глухая тяжесть низовья, да он же уходит! Контуры маленькой фигурки стали размываться.

– Нет! – Я бросилась к Серёже. – Как же так? Мы ведь почти пришли!

Я подняла мальчика с колен и потащила к теремку, но это было не просто. Где-то далеко, в нижнем мире, его тело умирало, и беспредельность рвала Серёжу к себе, отбирала у меня, тянула в свою ледяную, ненасытную утробу.

– Помогите! – крикнула я оказавшимся поблизости аборигенам, но они даже не затормозили, почти бесплотными тенями проскользнув мимо и сквозь нас.

Это несправедливо, подумала я, волоча мальчика, он же смог пройти в другой мир и найти это место, так почему же никто из аборигенов не может к нам выйти и помочь?! Осталось же всего несколько метров!

– Держись! Я тебя не отдам... – я увидела, как распахнулась дверь в терем, и удвоила усилия, чувствуя, как напрягается каждая жила моего тела, – ещё бы, ведь я сражалась с самой Беспредельностью!

Серёжа уже не пытался мне помогать, он больше не мог двигаться, и только огромные серые глаза ещё продолжали жить на бесцветном лице, глядя на меня с глубокой и чистой печалью.

– Держись, – прохрипела я, взваливая Серёжу себе на спину, чтобы заползти на ступени крыльца. – Волшебная... Ки...са... ведёт... тебя к Деду...

На пороге появился рослый человек в длинном ярко-синем тулупе, отороченном белоснежным мехом, и круглой, тоже синей с белым, шапке.

– ...Морозу, – прошептала я и упала без сил.

Человек протянул ко мне руки, и груз со спины исчез. И я увидела, как Дед Мороз поднял мальчика на руки и прикоснулся губами к его лицу. А потом всё пространство вокруг наполнило чистое белое сияние.

Очнулась я возле своего пузыря. Ни узкой тропинки, ни терема больше не было – только калейдоскоп природных изменений по обе стороны большой дороги да почти бесплотные тени, скользившие мимо и сквозь меня.

– Серёжа! – крикнула я, но никто не ответил.

Я забралась в пузырь, коснулась его узлов и спросила:

– Друг-странник, ты знаешь, где Серёжа?

Тёплые стенки завибрировали, и пузырь рванулся сквозь пространство.

Мы приземлились прямо в комнате, куда поместили Сёрежу после того, как он упал с качелей. Мальчик лежал на кровати в полном сознании и без трубок во рту, подле него сидела женщина и глаза её лучились счастьем, рядом стоял человек в белой одежде и улыбался.

– Серёжа! – воскликнула я, но он, конечно же, не ответил. Мальчик больше не мог со мной разговаривать, потому что вернулся в своё тяжёлое тело.

Увидеть меня он теперь тоже не мог, зато я посетила жилое пространство, где обитала семья Соколовых. Так просто, захотелось взглянуть, как у них там и что. Оказалось – хорошо! Чисто, тепло и уютно. А на стенах висят старые фотографии в рамке – Серёжины предки. И вы знаете, кого я среди этих предков увидела?..

Того рослого человека из терема! Только одет он был не в сине-белый тулуп, а в простую домашнюю одежду и, знаете, как-то необычайно живо, с хитрым прищуром, глядел мне в седьмоко с пожелтевшего от времени снимка...

И поэтому теперь я имею честь доложить вам, дорогие мои верхнемирцы, со всей возможной серьёзностью известной ученицы, путешественницы и исследовательницы, об открытии мною нового спектра предельностей превысшей и наивысшей лёгкости, среди которых, как подсказывает мне острый ум и прозорливость, наверняка есть и такая, где обитают души наших с вами навсегда ушедших в Беспредельность предков.

Григорий Гагарин. Поклонение волхвов

ПРОЗА

Нина Роженко

(Кореновск, Краснодарский край)

ВОТ ВОЗЬМУ И ПРИСНЮСЬ!

Труба в ванной опять подвела меня. Я уже заметила: трубы меня не любят. В моем присутствии они норовят протечь, лопнуть. Одна даже плевалась кипятком. Но дворник Фидель, которого все во дворе за глаза называли кубинцем, вовремя ее обезопасил. Кубинец - улыбочивый рыжий толстяк, глазки щелочки - на самом деле уродился чистокровным татаринцом, прижился в нашем дворе давно и даже стал любимцем всех окрестных старушек и одиноких женщин. Таких, как я. Он мог починить все! Начиная от стиральной машины с крутой электроникой, заканчивая подтекающим краном. И денег за ремонт не брал! Но охотно принимал угощение. Что не съедал сам, относил дворовым собакам Потьке и Мотьке. А к его истовой набожности все привыкли, и уже не удивлялись, если вдруг в разгар работы Фидель откладывал фен или очередную мясорубку в сторону, снимал бархатную зеленую жилетку, аккуратно раскладывал ее на полу, опускался на колени и начинал молиться. И ничто не могло его отвлечь от общения со своим богом. Ни гром, ни молния, ни участковый.

На мое счастье, труба взбесилась, когда Фидель уже совершил намаз, поэтому на вопли с балкона о помощи Фидель отозвался сразу. Хватаясь за сердце, он вскарабкался на четвертый этаж на счет три. И долго потом не мог отдышаться. Еще потом он лежал в ванной на боку и, сердито бормоча, что-то вытягивал, выкручивал, а затем закручивал. Ополоумевшая труба пришла в себя, кипяток укротили, и я опять почувствовала радость жизни.

И вот же несчастье! В тот день, о котором я хочу рассказать, опять потекла труба. Но я пребывала в счастливом неведении, потому что на этот раз никто не плевался кипятком, не фонтанировал в стенку. Вода коварно изливалась в щель в полу, пока я торчала в Агенте⁵, и по закону то ли физики, то ли подлости пролилась к соседу снизу.

Сосед в нижней квартире появился неожиданно. Оркестр по этому поводу не выставляли, красную дорожку не стелили, телевидение не приглашали. Поэтому его вселение в наш дом прошло незаметно. Для меня, по крайней мере. И когда в дверь забарабанили, я решила, что это Фидель - я просила его зайти посмотреть заснувший электромассажер. Но за дверью стоял незнакомый мужчина. Мужчины редко стучатся в мою дверь. Фидель не в счет. А если честно, моя дверь заинтересовала мужчину только однажды в жизни. Он попытался вскрыть ее ломиком или как там называется воровской инструмент? Но бдительный Фидель не растерялся. Он как раз на нашем четвертом этаже соседке кофемолку ремонтировал. Этой кофемолкой он и успокоил воришку. А потом вызвал милицию.

⁵ Агент – социальная сеть.

И вот событие - мужчина! И ко мне! Но лучше бы он вообще не стучался. Радость оказалась преждевременной. И... никакой, что ли. Ну, просто не за что глазу зацепиться, разве что за очки. Кстати, дорогие, в тонкой оправе. Про таких невзрачных моя мама говорит: без слез не взглянешь. И вот это «непонятно что» смотрело на меня поверх стильных очков с явно читаемым отвращением. Подумать только! Я оскорбилась и мельком глянула на себя в зеркало. Что же ему так не понравилось? Бигуди? Ну, не успела повязать платок. Так и гостей я, между прочим, не ждала. Не накрашена? И что теперь? Паранджу надеть? Или халат ему мой не понравился? Халат, конечно, не от Глории Вандербильт, а от швейного цеха № 7/2 нашей фабрики (так было написано на этикетке). Теплый байковый халат практичной серенькой с коричневыми разводами расцветки. Вечный, между прочим, халат! И вообще, чего надо?

Оказывается, я его затопила. Ну почему, почему мне сегодня приснились тараканы? Ведь чувствовала, что к неприятным хлопотам. И вот на тебе сюрприз! Сосед меж тем требовал пустить его в ванную. И немедленно! Да пожалуйста! Я распахнула дверь ванной - на полу ни капли. Ну просто великая сушь. Замечу, что мужчины, которые смотрят на меня, как на таракана, совершенно мне безразличны. Поэтому я злорадно ухмыльнулась:

- Под ванной смотреть будете?

Думала, что эта очковая зануда откажется. Черта с два! Полез! Фонарик зубами зажал, словно киношный американский полицейский. А носок на пятке протерся... Да уж! Чего тогда важничать? Самое смешное, что и под ванной воды не было. Но сосед все равно потребовал, чтобы я пригласила слесаря и проверила трубы. Ага! Щас! Но зануда не унимался, он так сердился, так гневался, щеки покраснелись, и мне показалось - очки на его носу вот-вот вспыхнут.

- Хорошо, хорошо! Если вы так настаиваете, я позову Фиделя.

- Да мне плевать! Хоть Папу Римского!

- А он причем?

- А Фидель причем?

- Фидель - это наш дворник, а по совместительству сантехник. Он татарин. По-татарски Фидель, значит, надежный.

Сосед посмотрел на меня странным взглядом, поправил очки, сползшие на кончик носа, развернулся молча и ушел.

Я вернулась к компьютеру. Слегка разочарованная. Конечно, опыт общения с таким экземпляром может разочаровать в сильной половине человечества любую женщину. И я бы непременно разочаровалась! Но радуйтесь, мужчины! И живите себе, живите с кем хотите и где хотите, стучите в любые двери. Хоть головой! Мне все равно! У меня есть Володя! Володечка! Самый лучший мужчина в мире!

Конвертик в углу экрана замигал. Володечка появился!

- Мариш! Как хорошо, что ты у меня есть! Вот такая вот!

- Какая? - немедленно отстукала я, предвкушая продолжение комплимента.

- Нежная, добрая. Словом, настоящая! Если бы не ты, я бы просто разочаровался в вашей женской братии.

- Ну, если женской, тогда уж сестрии, а не братии.

- Представляешь, сейчас имел удовольствие пообщаться с противной бабой. Слушай, это катастрофа!

- Расскажи!

- Да ну ее! Даже не хочу вспоминать! Бррр! Мегера. А страшна, как смертный грех.

- Ну, не всем же быть красавишнами.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Меня распирает от гордости. И поэтому я снисходительна к неизвестной мне страхолюдной мегере, на фоне которой я кажусь Володе ангелом. Я даже готова ее пожалеть, бедняжку.

Мы познакомились с Володей в интернете с месяц назад. Я тогда только что установила у себя новую версию Агента и решила начать новую жизнь. Хватит мотаться по аське, жизнерадостно лопотать с престарелым арабским шейхом о его гареме, учить туповатого австралийского менеджера готовить борщ, выслушивать сальные комплименты итальянского электрика, пучеглазого здоровяка, красовавшегося на фотографии в одних плавках. Специально, должно быть, надел размера на три меньше. То еще зрелище! И ведь всерьез, наверное, думает, что дамы впадают в восхищенное оцепенение при виде его выпрыгивающего из плавков достоинства. Электрик неплохо шпарил по-русски. Он сразу потребовал, чтобы я установила видеокамеру, и поинтересовался, как я отношусь к виртуальному сексу. Интересно, думаю, как секс может быть виртуальным? И меня одолело любопытство. Вспомнился нехстати американский фильм "Кокон". Там инопланетянка с американским мачо тоже занималась сексом на расстоянии. В бассейне. Мачо в одном конце бассейна, она - напротив. Инопланетянка тогда вся как-то встопорщилась и излучила из себя сгусток энергии, который, как взбесившийся солнечный зайчик, начал мотаться под потолком, молотиться об стены, как снаряд пролетать со свистом мимо уха. Наверное, так, по мнению режиссера, выглядит инопланетная страсть. Бедный мачо уже готов был нырнуть в бассейн, но тут страсть настигла его, как камень из пращи. Мачо дрогнул и отключился с идиотской улыбкой. Вот такой вот космический секс. Может, виртуальный секс сродни инопланетному? А вдруг технический прогресс, пока я тут с водопроводными трубами воюю, уже достиг космических высот? Тем более партнер - электрик. Я представила, как из экрана монитора вырывается комок электрической итальянской страсти, мечется по комнате, прожигая шторы и ковер, и впивается в меня, как дикая кошка. Что будет дальше, мое воображение отказывалось воображать. Но ведь мачо улыбался дурацкой улыбкой, изображая неземное наслаждение. Может, попробовать? Ну, чем я рискую? Вроде ничем. А вдруг - это что-то из ряда вон, а я еще не в курсе? И я рискнула.

Бог мой! К первому виртуальному совокуплению я готовилась, как к свадьбе. Прическа, макияж, черное кружевное белье, французские духи. Свет еще не видывал такой дуры. Сажу я перед монитором, и чувствую себя шлюхой за стеклом в квартале красных фонарей в Амстердаме. Жду. Волнуюсь. Когда же страсть начнет вскипать? А электрик тупо начал рассказывать, что он собирается со мной делать. Мама дорогая! Ничего более тошнотворного я в своей жизни не испытывала. Я представила, как на том конце света, в городе Турине, сидит перед экраном голый пузатый мужик и, потея от возбуждения, одной рукой тычет пальцами в клавиши, а другой подбадривает свое достоинство. Меня разобрал истерический смех. И я послала любителя виртуального секса к черту. К черту! Еще не хватало, чтобы сексуально озабоченный туринский электрик использовал меня, как конский возбудитель. Обойдется!

После случая с электриком я решила вернуться на родину, причем, именно в свой город. Поисковик Агента выдал мне с десятков кандидатов. Предложение пообщаться я на всякий случай послала всем. Словно бредень забросила. И села на бережку ждать улова. И все - заразы - отмолчались! Отозвался только Володя. Причем так остроумно. Я еще тогда подумала: судьба! Наш разговор я даже скопировала и сохранила. Так мне понравилось его нестандартное чувство юмора. Судите сами:

Я. Познакомимся?

Он. Владимир.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Я. Марина. Где вы работаете?

Он. Я бомж.

Я. Рада за наше правительство. Уровень благосостояния бомжей значительно вырос. А компьютер в сеть вы включаете в канализационной трубе?

Он. Почти. В подвале.

Я. Как же вы зарабатываете на жизнь?

Он. Прошу милостыню, а когда плохо подают - ворую.

Я. Комп вам кинул в шляпу добрый самаритянин?

Он. Не угадали. Я его украл. Вот сейчас чайку попью - и опять на дело.

Я. А меня чаем угостите?

Он. Из консервной банки будете? У меня тут в подвале чашек нет.

Я. Буду. Я люблю экстрим.

Оказывается, всех женщин, стучавшихся к нему с предложением познакомиться, Володя проверял на бомжа, как на вшивость. Испытывал. Хотел понять, он им нужен, или его кошелек. Представляете? И ни одна барышня испытания не выдержала. Услышав про бомжа, отключались сразу же. Все! Экзамен сдала только я.

Мне кажется, я влюбилась в него сразу. В первый же вечер. Еще когда пыталась на фотке-аватарке под черной, как у Боярского, шляпой разглядеть лицо. Я любовалась мужественным очертанием подбородка, твердым рисунком губ - не толстых и не тонких. Настоящих. Мужских. К сожалению, поля скрывали большую часть лица, и я фантазировала, дорисовывала серые глаза с чуть усталым прищуром, как у Ричарда Гира. Тонкий породистый нос, как у Бреда Пита, высокий умный лоб, как у Бандераса. Мне нравилось в нем все, но больше всего - его основательность, внимание к мелочам. Он интересовался, что у меня на завтрак, как я добираться на работу, надела ли я теплую куртку, потому что на улице ветрено, взяла ли с собой зонт? Он подробно расспрашивал меня о работе, о сотрудниках, с кем дружу, с кем не очень. Если бы на работу я добиралась не трамваем, а верхом, он, мне думается, с таким же вниманием расспрашивал, сколько овса я задала коню с утра, с аппетитом ли тот поел? Не страдал ли животом? Никто никогда не интересовался моей жизнью так детально, в таких подробностях. Никому в целом свете, кроме мамы, не было до меня дела. И вдруг он! Такой! Ну как же я могла не влюбиться? И даже розочку-смайлик он присылал не просто так, а всегда добавлял:

- Если цветок долетит, не забудь поставить в вазу.

Мы болтали обо всем на свете, и не надоедали друг другу. Мы часами обсуждали любимые фильмы. Оказывается, мы одинаково считали Раневскую гениальнейшей актрисой века, терпеть не могли фильм "Сибирский цирюльник", обожали чардаш Монти в исполнении Зинчука и картошку, жаренную со свиной.

Конечно, свинина с картошкой в качестве пищи более подходит портовым грузчикам, которые бегают по сходам с тяжелыми мешками. Современные стильные девушки должны презирать свинину с картошкой и томно сгрызать по капустному листику на завтрак. А уж про обед и ужин говорить нечего! Слово "ужин" из словаря современных стильных девушек вообще вычеркнуто черным фломастером.

Конечно, на первом свидании хотелось предстать перед Володей стройной газелью. Эфемерной, как подиумная красotka Наталья Водянова. Но я представляла шкворчащую сковороду с золотистыми стружками картофеля и поджаристыми свинными ребрышками - и стройная газель, цокая копытцами, грустно уплеталась в мечты к барышням, стойко хрустящим капустными листочками. А на ее место робко втискивалась другая. Тоже газель, но с более пышными формами. Кто сказал, что газели должны быть обязательно тощими? Я

представляла, как мы с Володей сидим рядышком в моей кухне за круглым обеденным столом. Плечом к плечу. И едим картошку прямо со сковороды. Вкусный чесночный дух витает над нами, сочная румяная картошка тает во рту. Володя подбирает кусочком хлеба густой ароматный соус, мы по очереди кусаем этот пропитавшийся соусом хлеб и целуемся, целуемся.

Опять барабанят в дверь! Теряя тапки, я бегу на стук. Надо же! Опять сосед!

- Вы что решили приударить за мной?
- С чего вы взяли? - возмущенно вскидывается сосед.
- А чего ж вы тогда ко мне таскаетесь каждые пять минут?
- Сто лет вы мне нужны! Но у вас же опять течет!
- У меня сухо, как в аду на сковородке.
- Или вы вызываете слесаря, или я вызываю участкового.

Я захлопываю дверь перед его носом и прислушиваюсь к шагам на лестнице. Ушел! Ну и тип! Я возвращаюсь в комнату. Настроение испорчено окончательно. Как это он сказал? "Сто лет вы мне нужны!" Собака страшная! Как он посмел так говорить обо мне. А сам-то, сам-то он кому-нибудь нужен? Чучело в дырявых носках. Я выхожу на балкон в надежде увидеть Фиделя и маякнуть ему, чтобы зашел. Но двор пуст.

Вернувшись за компьютер, я с нежностью рассматриваю фотографию Володи. Черная шляпа мне совершенно не мешает. Славный мой! Нежный, ласковый. Вчера, когда мы расставались, он пожелал мне спокойной ночи и попросил: "Приснись мне, пожалуйста!" А я подумала, как же я ему приснюсь, если на фотографии мое лицо закрывают волосы? Подружка сфотографировала меня на берегу моря. Я обернулась на крики чаек, волосы облепили лицо, объектив выхватил именно этот момент. Забавная получилась фотка. Вроде и видно лицо и не видно. Но вчера я остро пожалела, что не выставила в Агент нормальную фотографию. Надо обязательно сделать это сегодня же.

Рядом с Володиной фоткой засветилась зеленая ракушка.

- Радость моя, ты здесь?
- Я здесь, Володечка!

- Слушай, я сейчас пойду к мегере предъявлять ультиматум. Напомни мне, плииз, фразу Раневской о дерьме и повидле. Собираюсь подавить ее мощью своего интеллекта. Это чучело, небось, и о Раневской слухом не слыхивало.

Я быстро отстучала текст одного из любимых нами высказываний Фаины Георгиевны: "Вы знаете, милочка, что такое говно? Так оно по сравнению с моей жизнью - повидло."

Подумала-подумала и, набравшись смелости, пригласила Володечку в гости.

- Слушай, я поджарила картошку. С ребрышками, как ты любишь. Давай съедем ее вдвоем!

- Мариш, ты прелесть! Я как раз именно сегодня такой голодный! Весь день собачусь с соседкой и торчу в ванной. Наблюдаю за процессом. В холодильнике мышь повесилась. В магазин идти неохота. А тут еще эта сволочь меня заливает, а квартира не моя, я ее снимаю. Хозяйка просто озверевает. Еще заставит ремонт делать. Настроение - вешайся! Нет, я точно сейчас поднимусь и удушью эту заразу.

- А Раневская-то чем поможет тебе в борьбе с заразой?

- А я скажу ей: "Знаешь ли ты, мышь потная, что такое говно? Так вот, если ты не отремонтируешь трубу, говно по сравнению с твоей жизнью покажется тебе повидлом!"

Я хохотала до слез, представляя, как вытянется лицо заразы-соседки.

- Володечка, так ты придешь?

- Чтобы я да отказался от такого царского предложения? Ни в жизнь! Когда разрешается

прибыть?

- Через час. Только хлеба купи, пожалуйста!
- И хлеб куплю, и цветы, и вино! Какое предпочитаете?
- Шампанского хочу!
- Будет исполнено! Адрес, синьора! Где расположен ваш замок?

Я назвала адрес, хотела объяснить, как не заблудиться во дворе, но зеленая ракушка на мониторе покраснела. Должно быть, отключился интернет. Надо торопиться. Весь следующий час я, как взмыленная лошадь, носилась по квартире, накрывала стол, красилась, укладывала волосы. Ровно в восемь я замерла у двери, поджидая Володечку. Ни одна фотомодель в мире не могла в эту минуту сравниться со мной. Даже Водянова с ее неземной красотой. Уж я постаралась. И потом: где они, эти худосочные модели, злобно грызущие капусту? Далеко-далеко! А я рядом. Не модель, но из десятка не выкинешь. В духовке томится блюдо со свининой. Хрусталь и фарфор красуются на столе в ожидании дорогого гостя. Минут двадцать я нетерпеливо прислушивалась к шагам. Но за дверью стояла тишина. Я вышла на балкон: махну ему рукой, когда увижу. Но двор был пуст, только детвора возилась у песочницы с Потькой и Мотькой. Я включила компьютер. Володечка был по-прежнему отключен, и ракушка все так же светилась тревожным красным светом.

Я торчала на балконе до девяти часов. Уже ясно было даже дебилу, что Володя не придет. Не придет! Но я все надеялась. А чего надеяться? Надо идти смывать макияж, убирать со стола посуду, отнести свинину Потьке и Мотьке и никогда - никогда в жизни! - больше не есть эту любимую пищу портовых грузчиков. И вообще ничего не есть. Даже капустные листья. Заклеить рот пластырем и всю оставшуюся жизнь смотреть в телевизоре "Кривое зеркало".

По двору, сгорбившись, пробежал зануда с третьего этажа. Должно быть, в магазин ходил. Домовитый! Даже этому недотепа я не нужна. Впрочем, и он мне не нужен. Но Володечке я тоже не нужна. Как оказалось. Поиграл - и бросил. А все его слова о нежности, о любви - только слова. Пустые слова и не больше. "Приснись мне, пожалуйста!" Вот возьму и приснюсь! Представляю, какая там толчея в твоих снах, Володечка. Сколько женщин ты приглашал в свои сны, Володечка? И каждой говорил, что она - лучшая. Лучше всех-всех! Врал? Врал, Володечка, врал! Только зачем? Ну, почему? Почему мне так не везет? Человек не должен быть один. Одиночество - это пожизненное заключение без суда и приговора. Ну, кто и за что приговорил меня к одиночеству? Кто и за что приговорил меня к твоей лжи, Володечка? Я подошла к зеркалу. Надо же! Все труды даром пропали! А жаль. Как жаль. Из зеркала на меня смотрела грустными заплаканными глазами нарядная незнакомка. Нет, я не знаю этой дамы. Она из другой жизни. Из той счастливой жизни, где верно любят и не лгут. В моем зеркале живет толстая тетка в байковом халате. И жить ей там до скончания века.

Неуверенный звонок прервал мои грустные размышления. С бьющимся сердцем я распахнула дверь. На пороге опять стоял сосед.

- О Боже! Да оставите вы меня в покое или нет? Уходите! Уходите! Мне сейчас не до вас!

Все разочарование сегодняшнего несостоявшегося свидания и незадавшейся моей любви хлынуло слезами, и я зарыдала. В голос. Подвывая и всхлипывая.

Сосед откашлялся и, запинаясь, пробормотал:

- Моя жизнь по сравнению с вашим повидлом - абсолютное дерьмо.

Я растерянно утерла слезы и уставилась на него.

- Это ты?

- Это я, Мариш. Я! В сумке вино и цветы. И знаешь, давай уже, что ли, съедим эту твою картошку со свининой.

ПРОЗА

Надежда Гусева

(МОССАЛИТ, Москва)

МОТЫЛЁК ЖИВЁТ НЕДОЛГО

Ким Ильич

Анна Николаевна, младший научный сотрудник из функциональной диагностики, едва поднялась со стула для очередного сообщения по обсуждаемой теме, как рядом появился незнакомец. Он проявил галантность, ловко разместив её демонстрации. Наверно, он из другого НИИ, подумала докладчица. Когда научно-врачебное совещание закончилось, он вновь был рядом и говорил ей что-то приятное с непринуждённостью, свойственной людям, одаренным природным шармом.

Ким Ильич, так звали добровольного помощника, оказался их новым сотрудником, заняв недавно оборудованный кабинет бронхологии.

Энергичный и опытный бронхолог был на семь лет старше Анны Николаевны. Киму Ильичу исполнилось тридцать два, а на вид казалось больше. Плотные тугие золотисторыжие завитки его шевелюры успели заметно отступить на висках, а мягкую округлость щёк и подбородка скрадывала ухоженная борода клинышком. В целом, судя по комплекции, Ким Ильич представлялся Ане аккуратным медвежонком. А ей нравились атлетические мужские фигуры, как у её мужа Сергея. Тем не менее, он сразу располагал к себе, но было в нём то, что тотчас насторожило избранницу его интереса – слишком свободно и напористо вел он себя с ней. Инстинктивно Аня старалась держаться подальше от современных донжуанов.

Однако он был настойчив и в последующие дни то и дело появлялся возле неё. «Что ему надо? Неужели не заметил, что я жду ребёнка?» – вдруг занервничала она и наконец спросила в упор со свойственной ей прямоотой, внимательно глядя в его близко посаженные серо-стального цвета глаза, напоминавшие дула двустволки:

– Ким Ильич, к чему всё это?

– Что «это»?

– Ну, это избыточное внимание к моей персоне, скажем так. По-моему, только слепому не ясно, что вы из тех мужчин, которым женщины очень быстро надоедают, и вы тасуете их, словно колоду карт от скуки.

Нисколько не смутившись, он усмехнулся и ответил:

– Вы умница, Анна Николаевна, вы всё правильно понимаете.

– Тем более, Ким Ильич, я в такие игры не играю.

– Ну, что ж, нет так нет. Подождем до лучших времен, – спокойно ответил он.

Аня с облегчением вздохнула, хотя что-то в его словах и поведении явно не согласовывалось.

Прошло время, и Аня родила дочку, а уже спустя полгода вышла на работу.

Сергей и Аня

Серёжины родители недавно купили небольшой домик у воды между Дубной и Конаковым в вымирающей деревеньке из пятнадцати домов с привлекательным названием Новоселье. Там, со слов местных, даже летом народу мало, потому что дороги из ряда вон, на автомобиле без лебёдки после дождя можно и не выбраться. В первый раз сын с женой отправились на новое место в погожие летние деньки на выходные.

– Аня, приехали, выходи! – весело сказал Сергей, заглушив мотор.

В пути долгожданные гости взмокли от жары и наглотались дорожной пыли. После короткой бурной встречи вручили продукты Серёжиной маме. А сами живо переоделись для купания и босиком помчались короткой тропинкой к заливу через ржаное поле с васильками, отбиваясь по пути полотенцами от кусачей своры мух. С разгону влетели в воду, оставляя за собой фонтаны брызг. Вокруг ни души. Долго, как дети, резвились, наконец, не вытирая сбегавших с тел прохладных струек, они блаженно распластались на теплых серых досках старых мостков.

На другом берегу уходила вдаль в обе стороны узкая полоса луга, а за ним виднелся густой смешанный лес.

– Серёж, так это один из заливов Московского моря? А выглядит как река.

– Это потому, что спущенная вода затопила низины, оставив остров, на нём полно грибов и ягод, в отпуске будем собирать.

– Это я люблю, – улыбнулась Аня, заглядевшись на белые кувшинки, обычно именуемые в деревнях лилиями. – Серёжка, да ты только посмотри, какая красота, тут целые плантации водяных лилий.

– Угу, – сказал Сергей и повернулся на живот, подставив спину солнышку.

А Аниному восторгу не было предела. Ожерелья из круглых плоских темно-зеленых листьев на воде временами таинственно подрагивали. Иногда, будто тронутые вовсе не рыбами, а чьей-то рукой в глубине, они тихонько колебались вокруг цветочных чашечек. И тогда нежное касание воды чуть покачивало русалочьи цветки, сиявшие сказочной беломраморной чистотой, с желтым глазком, тонущим в хороводах резных лепестковых рядов. С другой стороны теснились заросли камышей. Их венчали известные всем удлинённые толстенькие коричневые соцветия из плотно собранного пуха. Как из стриженного меха, так и хочется проверить их на ощупь, ликовала романтично настроенная москвичка. А как их достать-то, да и кувшинку тоже? И Аня спросила об этом у мужа.

– Ты видишь лодку в прогалине камышей? – ответил он. – На ней добудем всё, что хочешь. Представь, отец купил её за две бутылки водки. Не веришь? Честное слово. Здесь всё оценивается на водку, потому что купить её тут целое дело.

– Отлично. Значит, утром будете с отцом рыбачить?

– Конечно, а кто у нас главный рыбоед, а? – Сергей хотел обнять жену, а она, кокетничая, увернулась, вскочила на ноги и чуть отпрыгнула.

– А тебе, Серёжа, всё только бифштексы подавай, а дразнилку хочешь?

– Валяй!

– И, пожалуйста: кто не любит рыбных блюд, будет вредным как верблюд! – и Аня, сбегав с мостков на берег, показала ему «нос», помахав растопыренными пальцами рук, и встала в соблазнительную позу, легонько поигрывая бедрами.

– Ну, Анечка, держись!

Сергей в два прыжка догнал жену, крепко обнял одной рукой за плечи, а другой прижал к себе чуть ниже талии и не отпустил. И оба упали в траву среди душистого лугового цветения...

– Серёжка, а ведь нас наверняка заждались, – наконец опомнилась Аня.

Они еще немного поплавали. И, подхватив полотенца, Аня вприпрыжку понеслась к задней калитке их нового дома.

– Догоняй! – услышал Сергей и кинулся следом.

– Ну что, дети, нравится вам у нас? Отдыхайте, – хлопотала Серёжина мама, подкладывая куски жареного лебса с хрустящей корочкой сыну и невестке.

– Скорее бы очередной отпуск! И для дочки здесь привольнее, чем у моих на подмосковной даче. Там нам даже купаться негде, а тут целое Московское море, – радовалась Аня.

Братья

У Кима Ильича была потрясающая интуиция, безошибочно указывающая ему верный путь к пленению женской души, ни больше, ни меньше. Он обладал прямо-таки магическим нюхом в любовных делах, но с некоторых пор секс в чистом виде начал наскучивать ему. Повидал он пылких нимфоманок на своём веку.

В двенадцать лет подруга его матери, опытная женщина, соблазнила его, подхлестнув мужскую потенцию понятливого мальчишки приятным откровением, что он даст сто очков вперед многим взрослым мужчинам. Поначалу Ким злоупотреблял плотскими наслаждениями. Его в то время устраивали любые женщины. Он желал иметь, и иметь, и снова иметь и бесстыдных и скромниц, и тупеньких и не очень, и худышек и в теле, чем их больше, тем лучше, пока в возрасте двадцати трёх лет он не встретил Веронику.

Ника влюбилась в него, как кошка, и желала женить на себе. Она настолько устраивала его, что он даже притормозил другие связи, но менять образ жизни не собирался. И он всячески уговаривал её оставить эту затею, объясняя, что не годится на роль мужа, и вообще ему рано думать о женитьбе. Тогда Вероника вдруг сообщила ему по телефону, что выходит замуж за отличного парня.

Неожиданно для себя Ким почувствовал азарт и сделал ход конём.

– Кто же возражает? Ника, если твой жених такой достойный, я рад за тебя и за него, – сказал он и положил трубку.

«Что, моя дорогая, проглотила горькую пилюлю? Представляла, как буду уговаривать, злиться? Можешь дурить кого угодно, думал он, только не меня, это ты сейчас ревешь белугой, понимая, что теряешь меня. Когда твой женишок явится к тебе, ты будешь тихо ненавидеть его. Ты сначала помучайся, пострадай, хлебни отчаяния, вот тогда я и появлюсь».

Перед началом свадебного торжества он отправился в ЗАГС, ожидая молодых. Увидев Кима с цветами, Вероника едва не лишилась чувств. Для него не составило большого труда увести невесту от жениха, сгоряча пообещав ей супружескую печать в паспорте без промедления. В подмосковном городе один его давний приятель помог Киму выполнить обещание, там же нашли милый уголок для медового месяца.

Однако недолгое наслаждение победой не столько над соперником, сколько над волей Ники быстро испарилось. Его угнетала беспросветно унылая повседневность. Ника не только не заводила его, её присутствие мешало ему быть самим собой, вгоняя в дурное настроение. Более того, Вероника сделалась для него неким укором, напоминая о собственном свинском

поступке, не давшем и ему ничего, кроме тяжкой обузы жить в браке по обязанности. Ну уж нет! Больше он так не мог! Да, он совершил ошибку, но зачем портить себе жизнь?

И Ким сбежал в Москву к родителям. Он подал заявление в милицию о потере паспорта, заплатил хороший штраф и получил прежнюю свободу.

Младший брат Кима, Евгений, а в обиходе Жека, относился к любви как к спорту. Сделав по телефону шесть, семь звонков, он назначал подружкам свидания у входов разных станций метро в одно и то же время. И девушки стояли, словно свечки, вспыхивая надеждой, постепенно таявшей. А Жека, сев за руль авто, приглашал Кима проверить, насколько стойко несёт свою службу его почётный караул. Ту, что ожидала дольше других, Жека поощрял встречей в ресторане «Арагви», придумав для своего опоздания достойный сочувствия предлог.

Братья соревновались в амурных похождениях, иногда обменивались партнёрами. И всё бы хорошо, но даже самые соблазнительные кошечки им быстро надоедали. Некоторые из зажигательных пассий, покинутые братьями, мстили им способами, доступными их фантазии: от почтовой посылки с дохлой крысой или анонимок начальству братцев до заказного избиения подлых изменников и прочего...

Но хуже всех переносили разрыв скромные неискующие девицы, которые будто спят до поры. По этой причине окружающие торопятся назвать их добродетельными и порядочными. Однако, когда братьям удавалось пробудить их от чувственной спячки, проснувшиеся нередко впадали в крайность от взрыва выпущенных на волю страстей, подобно шампанскому, фонтанирующему вслед за пробкой.

Братья часто даже не успевали толком разглядеть эту самую их сонную порядочность. Слишком лёгкие и быстрые победы над женской добродетелью навели их на мысль, а не является ли эта добродетель давно исчерпавшим себя признаком атавизма устаревшей морали? Между тем иные «добродетельные» простушки чертовски притягивали к себе. Особенно те из них, кто сдавался не сразу. Эти пугливые лани сильно раззадоривали. Братья почему-то окрестили их «небожительницами». От них при окончательном разрыве можно было ожидать чего угодно, вплоть до суицида, а такой исход встревожит любого, хотя братья всячески оправдывали себя патологическими реакциями обыкновенных истеричек, случайно принятых ими за «небожительниц». Потому что, насмешливо уверяли они друг друга, настоящие «небожительницы» всё же спасутся с Божьей помощью, не налагая на себя рук, поскольку самоубийц Бог не принимает. И всё-таки их держала в страхе возможность посмертной записки с указанием имени виновного. Благодаря дьявольскому умению выходить сухими из воды у них на двоих была только одна – Жекина – фальшивая «небожительница», ибо небо не спасло её, но она так и не выдала Жеку, и это её благородство тоже действовало им на нервы. Но даже после той жуткой истории братья ничего не могли сделать со своим вождленным влечением, они словно бы только для этого и были рождены.

Их родители, видя одержимость обоих сыновей блудом, увещевали деток поскорее жениться и указывали на достойных девушек из приличных семей среди своих знакомых. Но первый же опыт с Жекой показал, что вряд ли стоит это делать. Любую девушку младшенький тут же тащил в постель, но жениться не желал. Так можно было растерять всех приятелей. Но всё-таки хотя бы с Кимом, особо нежно любимым мамой, её усилия возымели успех. И двадцати семи лет отроду Ким женился на девятнадцатилетней Яночке, средней из трёх дочерей из приличного семейства их круга. Не всё получилось так, как бы маме хотелось, но она о том ничего не знала. Завидовать Яне не приходилось, так как Ким очень

скоро побывал в постели не только её замужней сестрицы, но и младшей – Бэлочки, школьницы, уж больно она сама того желала.

Ким нигде не учился науке обольщения. Это происходило точно так же, как с юмором, просто рождавшимся в нём по мере необходимости всегда в присутствии тех, кто мог оценить его. Когда же он был дома один, он нередко сникал от скуки и валялся на диване, включая музыку или читая книгу. Если он слышал новый анекдот, то сразу запоминал на веки вечные, не думая о нём ровно до тех пор, пока он не оказывался к месту, к слову, ко времени. Его таланты дополняли друг друга ради единой цели. Если бы он мог найти такую женщину, которой пришлось бы добиваться всю жизнь, может быть, он и излечился от вечной гонки, но женщины лишали его подобной возможности, сдаваясь рано или поздно на милость победителя. И он без конца высматривал очередных претенденток.

Медленно, но верно

После родов Аня явно похорошела, и фигурка стала что надо, и Ким тут же – ушки на макушке – вновь положил на неё глаз, теперь эта киска никуда от него не денется, решил он. К тому же её открытое сопротивление при первой встрече подстегивало его интерес.

Он помнил, как в детстве соседскому мальчишке отец привёз из Германии забавную заводную игрушку, и тот хвастался ею, но никому не давал, а Киму отчаянно хотелось иметь её, отнять, но что бы он ни придумывал, из этого так ничего и не вышло. А теперь Аня, как и другие замужние женщины, стала для него вроде той чужой игрушки. К тому же, наигравшись, не надо заботиться, куда её деть.

Во время обеденных чаепитий в кабинете ЭКГ Ким приходил к ним и садился напротив Ани. Он знал, что делает, тонко и незаметно перенимая Анины позы и жесты, и даже подстраивался под ритм её дыхания. Используя её привычку внимательно смотреть в глаза собеседника, он в ответ глубоко погружался взглядом в тихую заводь её дремлющих инстинктов, осторожно прощупывая их.

Ане, как и всем остальным, было удивительно легко и комфортно с ним, Ким вёл лёгкую беседу, заставляя всех то и дело смеяться. Закончив чаепитие, он благодарил присутствующих за компанию и, не задерживаясь, уходил в свой кабинет.

Но вскоре милый собеседник вдруг стал пропускать обеденные посиделки, и Аня сразу почувствовала, что без него ей скучно и даже как-то сиротливо. Наверное, он ходит пить чай к пульмонологам, он и для них свой, разочарованно думала она, невольно перебирая тамошних сотрудниц и отыскивая, которая из них могла бы его увлечь.

«Теперь, когда Аня призадумалась, куда я подевался, мне, пожалуй, стоит перейти к банальному раскачиванию маятника её чувств», – прикидывал Ким без торопливости, он вовсе не желал быстрой победы, ему нравился процесс завоевания женщины не меньше результата.

Ким наблюдал за ней и видел, как Аня старалась понравиться ему. Теперь она регулярно бегала к превосходному парикмахеру и научилась выгодно пользоваться косметикой. А как идет ей эта новая бледно-сиреневая блузка, в которой она прошла сегодня мимо него, вспыхнув, а он сделал вид, что не заметил её, отчаянно флиртуя с приезжей аспиранткой.

Перед самым обедом Ким зашел в их комнату, и Аня замерла, подумав, что он останется в их компании. Он мило поздоровался со всеми и вместе с тем едва кивнул в её сторону. Затем подошел к хорошенькой молодой лаборантке и, склонившись, что-то сказал

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

ей полушепотом почти в ухо, касаясь её волос. Лида засмеялась, и они вместе вышли в коридор.

Аня внимательным взглядом проводила его до двери, дверь захлопнулась, будто ударив по лицу, жар прилил к щекам. Оставаясь в полном недоумении, она всё время думала, что означает его резко изменившееся поведение. На другое утро она опять увидела Кима возле Лиды. И Аня снова весь день никак не могла отвязаться от мыслей о нем. На третий день он, как бы случайно встретив её в коридоре, улыбнулся, и как ни в чем не бывало спросил:

– Анна Николаевна, куда вы так торопитесь? Что-нибудь случилось?! Нет? О, я был так занят, пришлось даже попросить Лиду помочь. Славная девчушка, добрая и безотказная, верно?

Глядя на неё в упор, он ждал ответа. Аня безмолвно и неуверенно кивнула, натянуто улыбаясь и преодолевая внутренний протест. Наблюдать за Кимом и думать о нём всё больше входило у неё в привычку.

Уже потом, много позже, она поняла, что, кроме всего прочего, Ким, несомненно, пользовался элементами наиболее изощрённого гипнотического воздействия, придуманного врачом Эриксоном, когда внушаемый, в отличие от классического гипноза, даже не догадывается, что подвергается внушению. Что он и делал во время чаепитий, пристраиваясь к её личности.

Анин муж, Сергей, три недели как укатил в командировку и сообщил, что еще месяц пробудет там. Но даже когда он звонил, разговор был кратким: «Как дела? Как здоровье? Как Любочка? Целую! Скучаю. До встречи!»

А Кима Аня видела каждый день. Он живо уловил её склонность к ревности, что облегчало задачу, и еще несколько раз заставил помучиться, пользуясь раскачиванием маятника её чувств.

Любовь как мастер-класс – с одной стороны, и как гибельный восторг – с другой

Ким приберегал силу выигрышного удара для соответствующего места и времени, классный мастер хорошо знал болевые и чувствительные точки своих партнёрш. Именно в этом крылся секрет его успеха, в его особом таланте свободно ориентироваться в потёмках женской души. Он влюблял в себя женщин, хитроумно используя их же резервные силы, как при поединке айкидо, в котором побеждают не силой кулака, а уклонением от удара. Ким старался усилить интерес к себе разными способами. Так, при самом первом знакомстве, когда Аня решительно отклонила его игру, он не стал настаивать. Он всегда, в особенности закрепив успех, демонстративно легко отступал, изображая равнодушие, и тем неизменно провоцировал женскую досаду.

Особенно Ким преуспел в искусстве парадоксальных высказываний. Может быть, он их где-то вычитывал, а может, придумывал сам, но, во всяком случае, у него в запасе было много порой туманных, порой и вовсе абсурдных фраз, вроде бы с претензией на нечто особенное; любил он и фразочки с возможностью их двойного толкования. Ну, помните, как известное: «казнить нельзя помиловать» без определения места для запятой. С терпением охотника он ждал удобного случая.

Было такое удачное местечко у лифта рядом с его кабинетом, он оставлял дверь чуть приоткрытой, выслеживая ту, которую желал. Он выходил и, что-то спросив, увлекал женщину к окну, а сам становился напротив света, чтобы ей были хорошо видны его глаза. Уже не в первый раз Ким пускал в дело свой коронный номер.

В тот памятный для неё день Ким подошёл к Ане и сказал что-то не вполне понятное, с намёком на подтекст. Пожалуй, самое любопытное заключалось в том, что впоследствии она не могла припомнить практически ни единой его фразы, вероятно, как раз оттого, что её рассудок приходил в смятение, пытаясь отыскать логику там, где её не было. Срабатывал эффект неожиданности, почти как у цыганок, сбивающих жертву выдумкой о чём-то ужасном, что ждёт или уже случилось с их близкими.

Аня терялась в поисках смысла слов Кима и оттого впадала в состояние временной растерянности ума, воспринимая всё, что он говорил, только чувствами, его утверждения, произносимые с мягкими интонациями, звучали чуть гулко и несколько отдалённо, словно на грани реально происходящего.

Что он сказал ей тогда? Ах да, кажется вот эту совершенную банальность: «Свидание тет-а-тет всегда подобно живительной влаге в пустыне». Но у неё в ответ, как ни странно, действительно пересохло в горле, и острая жажда этой спасительной влаги перебила все остальные желания, а после это ушло, и в ногах появилась слабость и сжимающее изнутри любовное томление. И опять жуткая банальность: «Не правда ли, Аня, утолённая жажда – это так прекрасно?!» – перешёл он на «ты», отбрасывая сдерживающую дистанцию вежливости, чтобы беспрепятственно влиться в пространство душевной близости с ней. Она согласно кивнула, испытывая приятную истому. «Чуть позже я дам знать о точном времени», – добавил он и быстро удалился.

Часа через два он в романтической манере школьника опустил ей в карман лаконичную записку: «В 17.00 на Зубовской у «Галантереи» я к Вашим услугам. К.И.».

Прочитав адресованное ей уведомление о встрече, Аня почувствовала волнение, не в силах сопротивляться зову природы. Некоторое время в ней происходила борьба её сознательного начала с испепеляющими токами неких невидимых флюидов ещё почти неосознаваемого страстного влечения всего её существа к автору записки. Но скоро разум отступил, и будущие перспективы более не тревожили женщину, словно в помощь прорвался обезоруживающий надрыв любимого певца: «Что-то воздуху мне мало, ветер пью, туман глотаю, / Чую с гибельным восторгом – пропадаю! Пропадаю!».

Она ещё раз перечитала послание, подобное телеграмме, телеграммы всегда о жизненно важном! Раскрепощённые силы неуправляемых импульсов неудержимо повлекли Аню к той гибели, которой она страстно желала. Она была истинной дочерью грешной праматери Евы, предложенный запретный плод искушал её цельную натуру, и она более не сопротивлялась.

С лёгкой тревогой, уже торопя события, Аня следила за стрелкой часов, готовая к тайному свиданию, не способная занять себя чем-то иным, ни о чём другом она не могла думать. У неё возникло ощущение, что она должна совершить прыжок над пропастью. От страшной перспективы у неё захватывало дух почти так же, как это было при прыжке с парашютом. Да, да, в этой ситуации таилось властно влекущее её чувство риска, уже знакомое ей, но совершенно в иных формах. И чисто женское любопытство новизны присутствовало тоже. И романтика тайны, выходящей за грани моральных приличий, в свою очередь подливала масла в огонь, как протест против установленных правил. Аня вышла на улицу, испытывая лёгкую дрожь возбуждения, с ускоренной быстротой мыслей,

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

непроизвольно увлекаемых в русло весёлой шутливости с приступами неудержимого красноречия.

Ким был обворожителен. Остроумен, заботлив. Он осторожно взял её под руку. И если он играл искренне влюблённого и преданного ей поклонника, то делал это более чем убедительно, сам Станиславский был бы доволен. Он привёл Аню в ресторан «Арагви». Им предложили интимно расположенный столик, удачно закрытый от посторонних взоров. Ким сиял от удовольствия. Будучи гурманом, он заказал на свой вкус какое-то особо замечательное вино. Аня не запомнила его названия, поскольку не разбиралась в винах, да этого и не требовалось, её возбуждение давно превысило градус любого вина. Затем им принесли шашлык на рёбрышках, Ким говорил, что тут его готовят особенно умело. Сочная мякоть мяса таяла во рту, кисло-сладкий соус и обилие зелени дополняли и без того великолепный вкус кавказского блюда.

Ким и на этот раз не изменил своей привычке, сев не рядом с Аней, а напротив, позаботившись о том, чтобы светильник располагался за её спиной. Время от времени он нежно сжимал её руку в своей тёплой ладони. Весь внешний вид Кима говорил о полном блаженстве, в котором он пребывал. Аня никогда и ни у кого из мужчин не видела таких чувственных глаз. Под его взглядом ей казалось, словно летящий, невесомый серо-пепельный шёлк его души обволакивал её с головы до ног. Ничего, кроме глаз на его лице, она не видела, и эти глаза были прекрасны, они светились любовью, преданностью и лаской. Нежные, мягкие, тихие и плавные модуляции его голоса словно покачивали Аню на невидимых волнах блаженства, ей казалось, что тело её стало легче и воздушнее. Всё померкло вокруг, оттеняя свет его личности. Она видела: Ким не просто благоволил к ней, он боготворил её, и это было счастьем.

Потом он пошел провожать Аню. Было темно, и теперь, когда она не видела магии его завораживающего взгляда, Аня смогла проститься с ним, не решаясь сделать последний шаг к измене. Она поднялась на лифте, вошла в квартиру и сразу, не зажигая света, подошла к окну на кухне с видом на подъезд.

В светлом конусе уличного фонаря Ким помахал ей рукой, после чего скрылся в темноте улиц. А она бессильно опустилась на табурет, и еще долго сидела, не двигаясь и вызывая в памяти мельчайшие детали их встречи.

Сколько веревочка ни вейся...

Через неделю Ким снова назначил Ане свидание. На этот раз он привел её в свой родительский дом. Хозяева квартиры, мать и отец великовозрастных ребяташек, отбывая в санаторий, поручили сыновьям приглядывать за семейным гнездом, вынимать почту и т.д., и те не теряли времени зря.

Дверь открыл брат Кима, Жека. Едва кивнув Ане, он поспешил по коридору туда, откуда доносилась музыка. А Ким провел её в комнату с большим окном, плотно зашторенным тяжелыми гардинами мягких кремовых оттенков, со вкусом подобранных в тон атласному китайскому покрывалу на просторной кровати светлого дерева.

Ким смотрел на неё выжидающе, а Аню вдруг обуял ужас. Её собственный детский лепет о дружеских посиделках вместе с братом Кима, с которым он обещал её познакомить, развеялся как дым. Брат ушел. Остались: она, Ким и... просторное ложе.

– Но почему? – спросил Ким Аню, увидев в её глазах испуг. – Зачем же ты пришла ко мне?

Аня молчала, потупив взгляд.

– Хорошо, как хочешь, – сказал Ким и, обняв её за плечи, вывел из комнаты.

Они снова надели пальто и вышли на улицу.

На работе после этого Ким постоянно находился в приподнятом состоянии духа.

Много раз проверенные на деле познания Кима о женщинах и, конечно, Анино поведение говорили ему, что Аня является «небожительницей» на их с братом условном языке. Теперь, когда он зажгёт в тихом омуте её глаз горящие угли, надо пройти вместе с ней над пропастью и не упасть, а это чертовски заводит. Не сегодня завтра, устав бороться с собой, Аня сама пригласит его в гости.

Ещё совсем немного усилий, и он сможет пережить восторг от полной власти над ней. Он уже чувствует трепет её совестливой богобоязненной души в своём кулаке. Ким не имел в виду её религиозности в общепринятом смысле, но её натура определённо изначально склонялась к авторитету дурацких домостроевских устоев, словно заноза, засевших в её генах. Но теперь они не властны над ней. Пересилить природу – высший пилотаж! Этот драйв заменяет ему мужскую дружбу. Да, он мизантроп, и только женщины дают ни с чем не сравнимый кайф, они как глина в его руках. Конечно, период счастливого торжества не бывает долгим, но именно ради таких минут стоит жить. А кто сказал, что счастье нужно или можно растягивать во времени? Счастье следует строго дозировать, иначе оно легко обращается в несчастье, как яд в лекарстве, чуть превысишь дозу – и всему конец.

И вот он едет к ней.

Шах и мат

Когда они наконец оказались вместе, Аня к собственному изумлению не испытала никакого восторга. Сначала не поняла, что случилось, ведь она не была обойденной природой ледышкой, но зачем он так... нет, не он, дело в ней. Она заранее перегорела и теперь выглядит фригидной дурой. И Аня постаралась изобразить удовольствие, забыв, что актриса она – никакая.

Да и зачем? Для Кима в любовной науке давно не было белых пятен. Он знал, где скрываются опасные рифы, и не приближался к ним. Он легко мог ввести её в состояние чувственного экстаза, но не стал этого делать. Его власть над ней нисколько не отпугнёт её жертвенную душу. Напротив! Жертва жаждет насилия. Она из тех, кому скучна любовь без страданий. Больше страданий – сильнее чувство её цельной натуры. Дай ей волю, она без колебаний **влетит в огонь, подобно мотыльку**. Ей только и нужен этот огонь, а вовсе не он, высекающий искру. Но пока она не поняла этого, понимание придёт много позже. А теперь, после свидания, она ещё нетерпеливее будет ждать встреч с ним, а он ещё сможет помучить её, как кошка мышку, пока ему не надоест играть, переноса день и час randevu. Он даже физически ощущал поднимавшуюся в нём волну удовольствия, когда представлял, как он доведёт её почти до полного отчаяния, а затем вдруг позвонит ей с дежурства. Она будет слушать его, замирая от счастья, и он услышит, как у неё будет перехватывать дыхание. В ответ, настраиваясь на её волну, он скажет проникновенно и ласково о том, как постоянно думает о ней, как соскучился по ней, продолжая кружить ей голову. И весь её душевный настрой будет зависеть от тёплой интонации его голоса и одобряющего взгляда. Это для него как вино достойной выдержки. Об этом он думал, ещё когда ехал к ней.

– Спасибо, – сказал он ей, будто за любимое с детства шоколадное суфле поблагодарил, и погладил её руку, когда они оделись и привели себя в порядок.

Она же воспринимала себя настолько отстранённо, что даже не догадывалась о странности как своего поведения, так и его отношения к ней. Просто в присутствии Кима она не думала о себе. Существовал только он, занимая собой всё пространство и время.

Взглянув на часы, Аня заторопилась, ей надо было уезжать за город, где она временно жила с дочкой.

– Аня, позволь мне остаться здесь до утра.

– А разве жена не ждёт тебя? – удивилась она.

– Яна от времени до времени пытается заниматься моим перевоспитанием и не пускает домой, и мне бы не хотелось беспокоить родителей, бедная мамочка, она слишком близко к сердцу принимает наши неурядицы, я не хочу её огорчать.

– Что ж, пожалуйста, вот ключи, утром отдашь на работе.

Аня заняла самое удобное место в автобусе, час пик давно миновал. И, задумавшись, она вдруг удивилась, будто слегка протрезвев от наваждения: отчего это ещё недавно совсем чужой ей человек так неожиданно стал для неё близким? Такие мысли иногда приходили к ней, но только когда Кима не было рядом. Как-то незаметно стало так, что сама для себя она оправдывала все его поступки. Вот и сейчас она вспомнила, как два раза видела Кима с Яной. Он с бережным любованием, словно хрупкую ценность, вёл её по институту. Но теперь она сокрушалась вовсе не о том, что Ким показным вниманием к жене на людях пытался прикрыть боль своих измен, конечно же, терзавших Яну.

О нет, к ней явились совсем другие мысли. И что ей только надо, этой Яне, видно она несколько не любит его, с неприязнью подумала она о его жене, вновь теряя трезвость суждений.

Утром на работе Ким отдал Ане ключи и рассказал нечто такое, от чего у неё пробежал холодок по спине и дрогнули колени.

– Я уже собирался пораньше лечь спать, и вдруг звонок в квартиру. Сначала я не обращал внимания, мало ли кто, но звонок был слишком настойчивым. Я подошёл к двери и услышал тихие голоса пожилых людей, мужской и женский, и тут меня осенило, что, должно быть, это твои родители.

– И что ты?! – ахнула Аня. – Ведь они всегда прежде звонят, или это были не они?

– Они, они! Я сразу открыл дверь. Добрый вечер, говорю. Вы, наверное, родители Анны Николаевны? Они кивнули. А я им, мол, прошу прощения, я был в ванной. Я сослуживец вашей дочери, Ким Ильич. Анна Николаевна выручила меня – пустила переночевать. Дело в том, что я раньше срока вернулся из командировки, а ключи от квартиры забыл. Моя жена с дочкой на даче, а это далеко, объяснил я им. Ну, вот и всё, теперь ты в курсе.

Вскоре Ане позвонила мама: «Аня, ты знаешь, мы с папой каждый вечер прогуливаемся до твоего дома и обратно. И вдруг у тебя в окнах свет. Сначала испугались, уж не воры ли, потом подумали: может, ты сама осталась дома? Мало ли что. Поднялись, а там твой сослуживец».

До чего же испугалась Аня теперь своему поступку. Ведь у неё была мысль остаться с Кимом. Неужели пришлось бы прятать его, как в водевиле, в шкаф? Кошмар!!! Надо думать, что это ей подсказка от благосклонной Фортуны. Ведь выдумка Кима о неожиданном возвращении из командировки могла обернуться реальным досрочным приездом Сергея из деловой отлучки. Вот это был бы действительно ужас. Как это мерзко! Больше она не придёт сюда с Кимом никогда. Может, она сошла с ума?!

Сошла не сошла, но, как известно, за всё в жизни надо платить...

Расплата

Через какое-то время Аня стала замечать, что Ким охладевает к ней. В его взгляде она ловила холодный блеск, словно от серо-стального лезвия острой бритвы, исключавший всякую надежду на наигранную потерю интереса к ней, как это бывало раньше. В словах, небрежно брошенных ей, звенел такой отрезвляющий холод, о возможности которого она и не подозревала, а в интонациях угадывался смысл слов, не сказанных лишь по причине его воспитанности, но готовых вот-вот сорваться с языка: «Аня, твои проблемы, это твои проблемы, и если ты помнишь, то ведь я никогда и ничего не обещал тебе, и более того, никогда не оказывал на тебя никакого давления». И это было правдой, если не вдаваться в тонкости всей психологии их отношений.

Ему не пришлось ничего говорить, утруждаясь унижительными отповедями в её адрес. Она сама всё понимала. Сначала она металась из угла в угол, потом совсем обессилела, у неё всё валилось из рук. Вялая апатия подавляла мысли, любой шаг, любое действие давались через силу. Что бы Аня ни делала, она не могла не думать про Кима. Как быть, ведь скоро вернется Сергей? Она не сумеет притворяться перед мужем, выдумывая причины своего крайне удрученного состояния.

Жизнь вокруг не имела к ней никакого отношения, да она и не жила, она выпала из реальности. В ней умерли все желания, кроме одного – быть рядом с кумиром, просто рядом, при этом его плоть, в сущности, даже не имела для неё никакого значения, ну какая плоть может быть у божества?! У Ани даже слёз не было.

В последние дни Ким открыто заигрывал с Аниной ровесницей Марго, не так давно взятой в их отдел. Марго, кроме интереса к науке, явно жаждала сексуальных приключений, что было видно невооружённым глазом.

Вот и сейчас Ким сидел возле неё, распустив павлиньи пёрышки, и та хохотала. Рабочий день заканчивался. Аня медленно оделась и направилась к выходу.

Она шла по улице, и ей казалось, что все вокруг лишилось естественных красок. Охваченная мрачными мыслями, она едва не угодила под машину. Водитель что-то кричал, вертя пальцем возле виска, но и это не встряхнуло её. Как случилось, что даже самой себе она стала в тягость? Так больше продолжаться не может, надо что-то делать, пока не вернулся Сергей. Как она посмотрит ему в глаза? Этот страх заставил собраться с мыслями. Потерпев фиаско в любви, она впала в тоску. Конечно, если разобраться, любви-то ведь нет, да и не было, простой человеческой любви, пронзила её внезапная догадка. Она любит призрак, фантом, собственную идею. Как избавиться от неё? Ей нужны новые сильные впечатления, как говорят, клин клином. Но не в том плане, как понимают многие: заведи новую интрижку и выбьешь старую. К ней это не имело никакого отношения, у неё всё иначе. Она обделена способностью к любой интриге, абсолютно не умея притворяться ни в чём серьёзном.

И измученная, вконец отчаявшаяся женщина не без боязни, будучи сама врачом, решила спастись «бегством в болезнь». В больнице она затаится, спрятавшись на время от травмирующей ситуации. А где ещё? Не могла же она укрыться в монастыре, этот вариант – не для неё. Ей было легче всего симулировать внезапную и якобы беспричинную депрессию, с которой она не может справиться. На самом же деле у неё не болезнь, а глубокая душевная боль, как ножевая рана, реакция на конкретную беду, которую она даже предвидела, так что никакой внезапности. А настроение действительно на нуле. Но, чтобы лечь в больницу, где больных держат под замком, ей придется предъявить болезнь, а это страшно аж до дрожи в коленях. Она даже принялась уговаривать себя забавной мыслью, что, оказавшись среди

натуральных психов, получит отличную врачебную практику, так сказать, из первых рук. И будь что будет. И Аня позвонила мужу своей лучшей подруги – психиатру, милому и доброму человеку с просьбой о консультации.

В больнице Аня заявила врачам, что порой без всяких причин(!) у неё возникает такая безысходная тоска, что совершенно неожиданно для самой приходит мысль о суициде(!). Психиатры сразу оживились, мол, наша пташечка. Да, она приехала к ним сама, да, невменяемые больные так не делают, но в любом случае следует привести глубоко расстроенные эмоции коллеги в норму. Всегда лучше перестраховаться.

Приют печали

Недаром Аня боялась своей затеи. Угроза суицида обязывала в первые дни поместить её в беспокойное отделение, именуемое в народе буйным. Теперь она со страхом смотрела на несчастных женщин с помраченным рассудком. Ближняя по койке соседка примерно каждые десять минут резко вскакивала со своего ложа и молча, пронзая Аню ледяным взглядом, сбрасывала поочередно одеяло, затем простыню, далее она просовывала руку под наволочку, ощупывая подушку и постоянно задевая скрипучую Анину койку. Наконец, свернув матрац в рулон и снова развернув, она ложилась, потом всё повторялось.

«Ясно, она считает меня злейшим врагом, специально подосланным, чтоб навредить ей, а вдруг она возьмет да трахнет мне по башке кулаком с силой, свойственной умалишенным? Так, что и дежурная сестра, сидящая на табуретке в дверном проёме, не успеет и глазом моргнуть», – подумала Аня и сразу позабыла, с какими проблемами пришла сюда. Среди ночи, чтобы как-то забыться, она попросила «лошадиную» дозу снотворного, и утром голова была словно котел с помоями. После весь день за ней по пятам таскалась помешанная лесбиянка, домогаясь её внимания.

И только вечером, когда к ней прибежала подруга, жена психиатра, Аню перевели к тихим больным. В этом отделении половина женщин пребывала в черной меланхолии, а другая в страхах и тревоге. Аня пила только часть таблеток на свой выбор, услышав в туалете: «Если принимать всё, что нам тут дают, то сначала будешь выглядеть полным идиотом, а потом и станешь им». Высказывание понравилось здоровой мыслью этих душевнобольных с расстройством эмоций, а вовсе не умалишенных, как те, которых видела в буйном.

Прозрение

Образ Кима совсем померк. Аня представляла, как он обмер от страха, узнав, что она попала в «психушку». И, конечно, затаился, хотя на его месте любой вел бы себя так же, вот если бы он её любил, тогда другое дело. Наконец-то к ней пришла эта трезвая мысль. Ане теперь не хотелось думать о нём. А времени для раздумий было с избытком. «Здесь только ко мне приходит муж и еще к одной женщине, а к другим – нет, вот и вся их любовь. А Серёжа, ведь он думает, что я спятила, и не отрекается. Милый Серёжка, я заслужила боль твоих проклятий. Но ни дочь, ни ты не должны касаться этого ада, вам от моей чудовищной правды будет слишком больно», – мучилась она, анализируя случившееся.

Постоянная атмосфера мрачного уныния всё больше тяготила Аню, хотелось домой. Серёжа вернулся из командировки и каждый день после работы приезжал к ней. Аня с утра ждала, когда её выпустят к нему на полчаса на лестничную площадку. Там она, как раненый птенец, пряталась под его теплое крыло. А он, крепко обняв жену, ласково

успокаивал её, обещая впредь не уезжать так надолго. Врачи обещали, уверял он, что непременно вылечат её, они умеют это делать, сейчас многие страдают депрессией, так что скоро они и думать забудут о том, что с ней случилось.

Весь вчерашний день у неё ушел на упреки в свой адрес. Какая же она – дрянь. С жиру бесилась, Анечка! Чего она искала? У неё как в сказке, где мужик, не знавший лиха, пошел искать его из любопытства, а когда нашел, без руки остался. Так и с ней. Действительно, едва не рехнулась. Что же она за дура такая, слепая и безмозглая? Как она могла предать Серёжу? Как?!

Это было до обеда, а после обеда – продолжение. Ведь не дай бог заполучить в мужа такого мужика, как Ким, наплачешься, а то и в самом деле свихнешься. Ну и что теперь? Перебесилась, Анечка? Узнала цену «любви», поделом тебе, чертова кукла! Скотина ты, Анька, порядочная, нет тебе оправданий! Да в такого мужика, как её Серёга, любая баба мертвой хваткой вцепится.

И уже перед сном совсем уж как-то неожиданно для себя: «Господи праведный! Простишь ли Ты меня?» Казалось, слова сами пришли к ней, удивляя. «Примешь ли мои раскаяния?» – сказала она совсем тихо и стала вытирать вдруг побежавшие из глаз слезы, но они все бежали, бежали и бежали...

На следующее утро ей, с одной стороны, полегчало, а с другой, нестерпимо захотелось домой к дочке и мужу. Любочка, милая моя детка, родное моё солнышко, доченька, радость моя, как о тебе-то я могла забыть? Как ты там без мамы, малышка?

С Ани будто спала тёмная пелена. Как же она соскучилась и по дочке, и по Серёже. Аня вспомнила тепло их прежней с мужем близости, особенно в душистых травах деревенского луга возле воды с белыми кувшинками, и улыбнулась. Сейчас бы прижаться к Серёжке крепко-крепко, чтобы вместе, как один человек. Нет, кажется, никогда не любила она мужа так, как теперь. Спасибо Киму! Киму?! Да, да!! – вдруг озарило её.

Затем к ней пришли мысли, от которых её бросило в холодный пот. Как могла она дойти до такого ужаса, чтобы оказаться среди несчастных с помрачённым рассудком?! Спасибо врачам за заботу, но она явно избыточна, да простят её коллеги. А коллеги упрямо выдерживали плановый срок. Сказать правду нельзя и неэтично, да и не поверят. Остаётся одно – терпеть и ждать, она заслужила это.

Но вот наконец она на воле! Какое счастье! Неправда, что лишь там хорошо, где нас нет. Это не так, когда твой дом становится твоей крепостью. А семья самой главной ценностью в жизни.

Александр Иванов. Сон Иосифа. 1850-е гг.

ПРОЗА

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

ЗА 12 ДНЕЙ ДО НОВОГО ГОДА

До Нового года оставалось ровно 12 дней, когда Динку отправили в командировку в Вену. В другой раз она бы страшно обрадовалась. Рождественская Вена - это прекрасно: праздничная иллюминация на Грабене, рождественский рынок перед Ратхаусом, красочные витрины, рождественские пряники, лангоши, пунши и глывайны, и тонкий запах корицы повсюду. А еще можно сесть в автобус и отправиться в один из крохотных городков, окружающих Вену, где ощущение праздника совсем иное: там крутятся старенькие карусели, погоняя своих деревянных лошадок, и маленькие седоки заполняют пространство радостным детским смехом, там плавает в воздухе запах горячего вина и жареных каштанов, и горящие огни узких улиц уводят в сказку.

Но в этот раз Динка опустила глаза и тихо попросила:

- А можно послать кого-нибудь другого?

- Послать можно, - ответил шеф, внимательно глядя на странную сотрудницу, - причем далеко и надолго. А вот в Вену поедешь ты.

Тяжело вздохнув, Динка взяла сумку и отправилась собирать вещи.

Складывая в чемодан все самое необходимое, она размышляла над тем, до чего же все-таки жизнь несправедлива. Ведь любая другая девушка из ее отдела с огромным удовольствием поехала бы вместо нее, разве не видела Динка завистливых глаз, провожающих ее до двери. Что с того, что немецкий знает только она: Австрия цивилизованное государство, там каждая продавщица говорит по-английски. А она бы, Динка, забилась под одеяло и наконец-то выплакалась, ничего другого ей не хотелось. Но отчего-то именно в ее сумочке лежит билет на завтрашнее число до Вены, и именно ей придется вкушать все радости, которые ей вовсе не в радость.

Закрыв чемодан, она села в кресло и оглядела свое опустевшее жилище. Еще неделю назад это был дом, уютный и добрый, пусть заполненный проблемами, но все же дом, где на протяжении последних шести лет с ней жил Юра, человек, которого она знала еще со школьной скамьи. А теперь, когда она осталась одна, это просто квартира, место, где можно поесть, поспать, посмотреть телевизор и даже почитать книжку, но где совершенно невозможно жить. Изо всех сил сжав кулаки, она закрыла глаза и медленно сосчитала до десяти: если сделать себе больно, то слезы так и останутся где-то под веками, за глазными яблоками, а иначе можно захлебнуться собственным горем, и кто тогда будет с милой улыбкой на лице рассказывать славным австрийским парням, до чего же здорово вкладывать деньги в российский бизнес! Ведь уже и фирма, готовая их принять, имеется.

Почему он это сделал? Почему? Динка не могла понять. Последнее время все было как обычно, по крайней мере, ей так казалось. Они приходили вечером с работы, вместе ужинали, обсуждали прошедший день или шли в какой-нибудь ресторан, где можно было

пообщаться с друзьями. У них была вполне цивилизованная современная семья, каждый жил полнокровной жизнью, делал карьеру, и вполне успешно. Она никогда не мешала ему, напротив, всегда была рядом, никогда ни в чем не упрекала, не ворчала, не жаловалась, не скандалила, когда Юра задерживался на работе или проводил время с друзьями. Ну да, временами они ссорились, а кто не ссорится? И вдруг неделю назад он собрал вещи и ушел. Ничего не сказав. Ни слова. Только записка: «Прости». И это все, что она заслужила? «Прости», от которого в доме стало так холодно, что отпала надобность в холодильнике?

Куда он ушёл? Зачем? Или к кому? Она на всю жизнь запомнила тот вечер, когда, открыв дверь, вдруг почувствовала эту ледяную тишь. Свет в квартире не горел, как это бывало, когда Юра встречался с друзьями. Но в этот раз темнота была особенной. Горькой на вкус. Она тут же осела на языке, и ее ядовитые испарения пропитали кожу и наполнили сознание неясной тревогой. Она вошла в гостиную, зажгла свет и увидела на журнальном столике клочок бумаги. И мир провалился, ушел из-под ног, оставив ее, беспомощную, наедине с этим ужасным «прости»...

Всхлипнув, Динка выключила свет и, не раздеваясь, легла на диване в гостиной, потому что спать в спальне одна, без него, она просто не сможет. А завтра лететь... Погода с утра была соответствующей. А чего еще можно ждать, коли пришла беда! Открывай ворота и не раздумывая, а на судьбу пенять - только время терять. Сильный снегопад, какого не было на Динкиной памяти, плотным коконом обвил предпраздничную Москву. Мело так, что в трех метрах уже не было ничего видно. Динку провожал отец, и теперь они ехали крайне медленно, придерживаясь габаритных огней идущего впереди автомобиля. Справа, слева, вверху и внизу был только снег - и больше ничего. Дине казалось, что они вовсе не ехали, а плыли на папиной «вольво» в глубине снежного океана какой-то фантастической планеты, где нет ни земли, ни неба, а только бесконечная белая пелена, причем плыли с черепашьей скоростью, а до вылета самолета оставалось полчаса - совершенно нереальное время для их не слишком совершенного транспорта.

- По-моему, я опаздываю на рейс, - с грустью констатировала Дина, представив сердито сдвинутые брови шефа, выслушивающего ее странный рассказ о внезапном путешествии по снежному океану.

При этом она совершенно точно знала, кого и куда пошлют. Причем надолго. И что удивительно, в данный момент все это было ей абсолютно безразлично, словно происходило не с ней, а с кем-то другим: скажем, она смотрит телесериал, где главная героиня может лишиться работы, о которой так долго мечтала, и все из-за какого-то глупого снегопада.

Вот если бы можно было остаться на этой снежной планете навсегда! Так и висеть вне времени и пространства. Но только без мыслей, потому что мысли, как иглы, пропитанные ядом, будут медленно искалывать ее бедное сердце, пока оно не затихнет навеки.

Ах, если бы можно было освободиться от этой боли, страхов, зависимости, переживаний!!! Раз и навсегда, и не мучиться! Увы, это желанное освобождение может дать только смерть.

- Не волнуйся, клоп, в такую погоду самолеты не летают, еще посидишь часочек, другой в аэропорту, - спокойно ответил отец, вырвав ее из печальных мыслей.

"Боже мой! - подумала Дина. - Как хорошо, что у меня есть такой замечательный папа!"

Она прекрасно знала, что он волнуется, как и она, и что в Агентстве его давно ждут, и телефон гневно разрывается звонками, а папа, мельком глянув на номер, хмурится, но продолжает спокойно и уверенно крутить руль, направляя автомобиль туда, куда нужно Динке, потому что самое главное для него - это она. И от этой мысли у Дины навернулись на

глаза слезы, а к горлу подступил предательский комок, мешающий дышать. Господи, хоть кто-то есть на земле, кому она нужна, такая, какая есть, со всеми изъянами и недостатками, единственная на свете девочка, клоп, как с детства называл ее отец.

Наконец впереди возникли смутные очертания Домодедова, и вскоре шлагбаум не очень-то приветливо открылся, пропуская их на территорию аэропорта, а Дина в сотый раз проверила наличие билета и паспорта. Папа подхватил ее сумку и решительным шагом направился в зал вылетов. Молодая женщина едва успевала за ним, еле удерживаясь на скользкой подошве новеньких сапог, специально припасенных для таких случаев. В конце концов, она летит в Вену, а там нет такой грязищи, и в пропитанных едкой солью башмаках никто не ходит.

Папа, как всегда, оказался прав: самолет задерживался на неопределенное время. Это известие одновременно обрадовало и огорчило Дину. Ведь все могло бы сейчас закончиться. Интересно, что бы она сделала? Немедленно позвонила шефу или поехала на работу сразу? А может, плюнула бы на все, и, вернувшись домой, спряталась под одеяло ото всех на свете?

Папа проводил ее до таможенного пункта, поцеловал на прощание и сказал то, что она слышала на протяжении всей жизни, когда куда-нибудь уезжала:

- Как прилетишь, обязательно позвони, а то мы с мамой будем волноваться!
- Конечно, пап.

Динка махнула отцу рукой, благодарно улыбнулась, а затем, не оборачиваясь, пошла дальше.

Напряженное ожидание, словно липкая паутина, оплело все здание аэропорта. Люди бродили с недобрыми лицами, высказывая все, что они думают об аэропорте, его сотрудниках, да и вообще обо всей стране в целом, где как был бардак, так и остался. Вот почему, когда прилетаешь на Запад, и чище там все, и комфортнее, и в кафе уютней, и еда вкусней, и багаж подают сразу, и таможеню проходишь быстро? А у нас... «А у нас в квартире газ! – думала Динка. - А у них, естественно, и зимы не бывает. И снега они не видели, и о наводнениях не слышали, ну, в общем, рай. Впрочем, как обычно – там, где нас нет. А я бы многое отдала, чтобы в этом снежном аду остаться вместо того тепленького райка».

Динка неторопливо прошлась по магазинам беспощинной торговли, бесцельно глядя на витрины, с единственной целью - убить время, а затем заняла внезапно освободившееся место. Рядом с ней сидела надменная брюнетка. Оценивающе оглядев Дину и, видимо, сравнив с собой, она осталась вполне довольна результатом и с чувством, толком, расстановкой принялась рассматривать только что приобретенные вещи, при этом сразу просветлев лицом. "Счастливый человек, - с завистью подумала Дина, - есть в чем найти утешение". Она сняла шубку и аккуратно пристроила на сумку с вещами, располагаясь поудобнее. Ждать, видимо, придется долго. Динка достала электронную книгу, открыла японскую поэзию и попыталась углубиться в чтение, чтобы хоть как-то заглушить мысли о Юре. Однако это оказалось на удивление сложно, и очень быстро буквы и строчки совершенно мистическим образом превратились в его фотографию, причём живую, на которой он двигался, смеялся и был вместе с Динкой. Неимоверным усилием воли она стряхнула наваждение, оторвала глаза от книги, чтобы прослушать очередное сообщение, и тут обнаружила, что «мисс Дьюти Фри» бесследно исчезла, а на ее месте сидит приятный пожилой господин лет около семидесяти. У него были слегка выющиеся совершенно седые волосы, то ли загоревшее, то ли просто смуглое от природы лицо, исчерченное неглубокими морщинками, и ярко-синие глаза, такие синие, каких Динка в жизни не видела, и если бы не европейский костюм, она непременно приняла бы его за араба, потому что именно таким представляла себе гордое племя пустынных кочевников-бедуинов. Перед незнакомцем

стояла большая сильно потрепанная сумка или рюкзак довольно необычного для пожилого человека темно-красного цвета, облепленный бирками и наклейками различных аэропортов мира, что выдавало бывалого путешественника. Незнакомец, улыбаясь, в упор смотрел на Динку, а затем заговорил на прекрасном русском языке с легким акцентом:

- Я уже 20 минут не свожу с вас глаз!

«Понятно, - подумала она, - сейчас начнет клеиться».

- Я читала, - холодно ответила она и опустила глаза в книгу.

- 20 минут шесть строк? Два стихотворения? Ведь, если я не ошибаюсь, это хайку?

- Вы такой знаток японской поэзии? – ехидно спросила она.

- Любитель.

Пригорок у самой дороги.

На смену погасшей радуге –

Азалии в свете заката.

- А мне такое больше нравится, - раздраженно проговорила Динка, -

Бабочкой никогда

Он уж не станет... напрасно дрожит

Червяк на осеннем ветру.

И она тут же демонстративно уставилась в книгу, давая тем самым понять, что продолжать разговор не намерена. Ей и в самом деле этого не хотелось, однако новоиспеченный сосед будто и не заметил ее сарказма и продолжил, как ни в чем не бывало:

- Вот скажите, сколько времени вы сидите здесь?

Дина нехотя посмотрела на часы:

- Ровно 1 час 22 минуты, - она снова опустила глаза в книгу.

- То-то! - многозначительно констатировал бедуин. - А я уже целых четыре часа! Можете себе представить?

Разумеется, она вполне могла это себе представить, вот только желания вникать в чужие проблемы не было никакого, потому что свои "достали", и, тяжело вздохнув, она посмотрела в синие глаза незнакомца и сухо проговорила:

- Нет, совсем не могу.

Бедуин весело расхохотался, и Дина, поняв, к своему безграничному огорчению, что так просто отвязаться от него не получится, совершенно пала духом.

А бедуин, напротив, был очень доволен и отступать не намеревался.

- Знаете что, - сказал он, - давайте играть в "города", чтобы хоть как-то скоротать время. Вы умеете играть в "города"?

- Кто ж не смотрел «Джентльменов удачи», - удрученно вздохнула она.

- Тогда начнем! - твердо сказал сосед и при этом вздохнул, словно приступая к какому-то крайне важному делу. - Бухарест.

- Ташкент.

- Токио.

- Одесса.

- Арзамас.

- Сеул.

- Лондон.

- Нью-Йорк.

- Нью-Йорк! Удивительный город! Вы бывали там?

- Нет, не приходилось.

- Жаль. Ну, ничего, - он махнул рукой, - у вас еще все впереди. А куда вы летите?

- В Вену.

- В Вену? Это же замечательно! – чему-то невероятно обрадовался бедуин. – Очень люблю этот город. Обязательно посетите местные кондитерские, таких пирожных вам и в Париже не подадут. Только не заходите в сетевые кафе, лучше...

- Я там сто раз была и все это знаю, - бесцеремонно перебила его Динка.

- Жаль, - вздохнул бедуин. - А мне так хотелось вас удивить хоть чем-нибудь. Впрочем, чем можно удивить современную молодежь: айпады, айфоны, планшетники, интернет, скайп, вот и книги теперь стали электронные. А для меня это так сложно. Я люблю шуршать страницами старой доброй бумажной книги, сидя перед камином в своем старом-престаром доме. Знаете, иногда старику бывает одиноко, но я привык к одиночеству и люблю его. А одиночество любит меня. Вот так и сосуществуем вместе.

Услышав про дом, Динка побледнела, и вся ее боль, скопившаяся за прошедшую неделю, с тех пор как Юра ушел, вдруг комом застряла в горле, мешая дышать, и слезы, более не повинувшись хозяйке, покатились из глаз.

- Ну, ну, ну, - проговорил бедуин, взяв Динку за руку, - стоит ли расстраиваться из-за таких пустяков! - Он говорил так, словно знал, что произошло с Динкой, будто мог читать ее мысли. – Все будет хорошо, поверьте старому отшельнику.

- С чего вы взяли, что это пустяк! Может, у меня вся жизнь рухнула!

- И куда же она у вас рухнула?! В вашем-то возрасте.

- В тартарары, вот куда. И вообще, отстаньте от меня!

Оттого, что Динка, воспитанная и добрая девочка, хамила пожилому незнакомому человеку, ей стало еще тошнее и противнее. Она ненавидела себя, свою жизнь, Юру, папу, шефа и всех на свете. В этот момент больше всего ей хотелось умереть, потому что только смерть могла избавить от непроходящей боли. Да еще так нагрубить постороннему человеку! А слезы текли и текли и, кажется, не собирались останавливаться. И вдруг Динка увидела, что на ее коленях сидит маленькая пятнистая крыска и внимательно смотрит на девушку круглыми бисеринками глаз. Она была точь-в-точь, как ее любимая крыска Муська, которую несколько лет назад им с Юрой подарила Динкина подруга. Это был такой очаровательный зверек! Динка и представить себе не могла, что крысы могут быть такими умными и ласковыми. Очень скоро Муська стала полноправным членом семьи. Во всяком случае, для Дины, а Юра, хоть и не разделял привязанность жены к Муське, но уважал ее чувства. Когда Динка приходила домой, Муська забиралась ей на плечо и подолгу сидела, путешествуя с хозяйкой из комнаты в комнату, а то и к соседям. А потом Муська умерла. Возраст, сказали в клинике. Оказывается, крысы живут не более 3-х лет. Если бы девушка знала об этом, никогда не завела бы себе Муську, потому что смерть зверька стала для нее огромной трагедией, сравнимой разве что с сегодняшним плачевным положением.

Удивленная Динка перестала плакать и подняла глаза на бедуина.

- Ах, безобразник, вот безобразник! – воскликнул старик, - ну-ка, давай на место!

Крыска ловко переместилась с Динкиных коленей на плечо старика, точь-в-точь как делала Муська.

- Вот любит людей пугать, безобразник этакий!

- Да что вы, - улыбнулась Динка, - он и не испугал меня вовсе. А можно взять его в руки?

Крыса, не дожидаясь разрешения, переместилась к Динке и теперь уже сидела на ее плече, словно понимала девушку.

- Предатель, - обратился старик к крысе, - увидел красивую девушку и сразу бросил старого хозяина.

Меж тем Дина осторожно гладила неожиданного мохнатого соседа.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

- Какое умное животное! - восхитилась она.
 - О, ума ему не занимать. Я, бывает, и совета у него спрашиваю. А вы ему понравились,
 - отметил старик.

И в первый раз за несколько дней Динка забыла о своих неприятностях и искренне рассмеялась.

- Славный! - сказала она. - Жаль только, что крысы мало живут.

- Да, жаль, - согласился бедуин, - я вот и не знаю, сколько Крысу лет, это его так зовут, Крыс. Я подобрал его на улице. Знаете, люди любят заводить домашних животных, а потом, когда они им надоедают, выбрасывают на улицу, как будто это вещь. Но мы уже 15 лет вместе. Вместе путешествуем, вместе работаем, вместе отдыхаем.

- 15 лет? Не может быть! Крысы столько не живут!

Изумление ее было столь искренним, что старик не выдержал и рассмеялся:

- Ну, конечно, не живут, но ведь это особая крыса, честное слово, - и он очень серьезно посмотрел на молодую женщину, хотя в самой глубине его глаз вспыхивали задорные искорки, и вопреки здравому смыслу Дина ему поверила. Уж очень ей хотелось, чтобы эти крохотные создания, которых она очень любила, жили столько же, сколько и их хозяева.

Понемногу Динкина душа оттаяла.

- Можно теперь я вас о чем-то спрошу? - вежливо поинтересовалась девушка.

- Откуда я приехал? - простодушно рассмеялся старик, чем привел девушку в смещение, ведь именно это она и хотела спросить. - Родом я из Турции, родился на юге малайзийского полуострова, там же учился и долго жил. Теперь вот путешествую по всему миру.

- Мусульманин? - зачем-то спросила она.

- Разве это важно? - искренне изумился бедуин. - Вообще-то христианин.

- Да нет, не важно, - смутилась Динка, - просто сейчас все такие религиозные стали, придают такое значение вероисповеданию, по религиозному признаку общаются, вот я и спросила.

- То есть, будь я мусульманин, вы бы со мной разговаривать не стали? - как бы даже немного обидевшись спросил старик.

- Да вовсе нет! А откуда вы так хорошо знаете русский? - ушла от опасной темы Динка.

- Я знаю много языков. Это часть моей профессии, - ответил турок. - Да и всегда приятно разговаривать с людьми на их языке. Иначе они никогда не откроют вам душу.

- А открывать душу, - Динка чуть не сказала «лезть в душу», - это тоже часть вашей профессии?

- В какой-то степени, - ответил старик.

- Подождите, подождите, вы, наверное, психолог, - предположила Динка, - теперь это модно.

- И психолог немножко тоже. А еще философ и историк. В университете изучал теологию, долгое время работал по специальности. Специалист по древним рукописям, - он как будто хотел что-то добавить, но промолчал.

- А где вы живете? - поинтересовалась Дина.

- Где живу? - Казалось, вопрос озадачил старика, и он ответил неопределенно:

- Да я все больше путешествую. К тому же, - тут он перешел на шепот, - я по совместительству творю чудеса.

И хотя глаза его смеялись, бедуин оставался абсолютно серьезен.

- Ага, значит, волшебник? - так же шепотом спросила Дина, с удовольствием вступая в игру. - И для меня можете сотворить чудо?

- Тсс, вы слишком громко говорите, если нас услышат, то все пропало. Ведь чудес на всех не хватит.

- Они что, лимитированы?

- А как вы думали? Это что ж, по-вашему, бездонная бочка что ли? Запускай руку и черпай, покуда не надоест? Нет, чудеса всегда в ограниченном количестве, так что приходится отбирать, кто заслужил, а кто нет.

- А я заслужила? – еще тише спросила Динка.

- Ну, у вас привилегированное положение, вас выбрал Крыс, так что загадывайте побыстрее желание. Пока мы с ним не передумали.

- Загадываю! – сказала Динка, закрывая глаза. Эта игра определенно ей нравилась, и пусть за ней ничего не стояло, кроме доброго отношения, но почему-то в этот момент ей очень захотелось поверить старику, что он волшебник и исполнит ее желание. В конце концов, на носу Новый год, а в Новый год и не такие чудеса случаются. «Пусть Юра вернется, и у нас все будет хорошо!»

- Какие же вы, люди, нетерпеливые, - вздохнул старик. – Вот вы даже не подумали. А ведь истинные желания не всегда совпадают с теми, которые лежат на поверхности сознания.

Динка с удивлением посмотрела на бедуина. Все-таки он точно психолог.

- Впрочем, ваше истинное желание мне известно, - продолжил он, - так что лучше пойдемте и выпьем по чашечке кофе.

Они спустились в бар, сели за освободившийся вдруг столик, и странный сосед заказал кофе:

- Позвольте мне вас угостить, - обратился он к Динке.

Она хотела было возразить, но почему-то согласилась.

- Люди такие чудные, - задумчиво проговорил старик, - так боятся одиночества, даже не подозревая, что все мы в этом мире одиноки, а наши близкие, друзья, родственники – это всего лишь попутчики, временные попутчики. Сегодня они с тобой, а завтра их нет. А иногда бывает так, что лучше бы и не было вовсе. Вот возьмем нас с вами. Сейчас и сегодня мы вместе, зато отсутствуют все ваши друзья, родители. В данный момент их попросту нет. А жизнь – это и есть данный момент и ничего более. Значит, в этом мире есть только я и вы. Вот разойдемся по самолетам и снова станем одиноки.

- Вы настоящий философ, но не утомляйте меня подобными размышлениями. Я так же далека от философии, как Земля от центра галактики.

- Тогда вернемся к вам. Вот из-за чего вы так расстроились? Конечно, из-за несчастной любви. А из-за чего еще может расстраиваться молодая, здоровая, красивая девушка?

- Ну, может, у нее случилось еще какое-то горе? – предположила Динка.

- О, дорогая моя, каждое несчастье имеет свое лицо, вот посмотришь на человека и сразу понимаешь, что у него случилось. У вас лицо... – старик замолчал.

- Брошенной женщины, - ответила она за него.

- Как сказать, а может, освобожденной женщины?

- От чего освобожденной? – грустно усмехнулась Динка. - От любимого человека, от семьи, от детей? Да я домой приходить не хочу!

- Все дело в том, что вы ситуацию воспринимаете неправильно. Нужно ценить все то хорошее, что было в нашей жизни, и быть благодарным людям, которые сделали нас счастливыми. Пусть и в прошлом, и недолго. Но ведь сделали. Не нужно страдать от того, что их больше нет рядом. А самое главное: не надо на них обижаться, не надо поминать обиды. На свете значительно больше людей, которые не сделали вам ничего хорошего и ничего

плохого, просто ходят где-то поблизости. А к ним вы относитесь лучше, чем к тем, кто однажды обидел вас, хотя до этого дарил вам счастье. Да и стоит ли печалиться о том, что все равно невозможно изменить?

- Просто я надеюсь, что изменить что-то возможно, - прошептала Динка.

- А зачем? – искренне удивился старик. - На смену одному этапу жизни приходит другой. Стоит ли его бояться? Значит в той, старой, жизни вы сделали все, что могли, а дальше будет только застой. И нужно выбираться из этого застоя. Одни люди сменяют других, новые знакомые, новые связи, новые интересы, новые увлечения, новые знания. Разве это плохо? И не факт, что тот человек, о котором вы так печалитесь, окажется вне этой новой жизни. Но он будет другим. Все будет другим. Вот только не забывайте, что на самом деле вы все равно одиноки, ведь это одиночество дано нам при рождении и в смерти. Мы всегда умираем в одиночестве. Так что не грустите, а скажите спасибо вашему возлюбленному за все хорошее, что вы пережили вместе с ним. И с Богом.

- Может, еще сказать ему спасибо за то, что даже не объяснил, почему уходит? Просто бросил и все, как ненужную вещь, как старую одежду! Не могу! Он разбил все хорошее, что было между нами. Он все стер, понимаете, как ластиком рисунок. Я рисовала, рисовала, а он стер. Если бы вы знали, как я его любила!

И Динка вдруг рассказала старику все, как они с Юрой дружили еще в школе, как он ухаживал за ней, а ей нравился мальчишка из параллельного класса, как потом поступили в один университет, как вместе ходили в походы, как она сломала однажды ногу и Юра нес ее на руках до больницы, как они вместе вили гнездышко в квартире, доставшейся Динке от бабушки: вместе клеили обои, клали плитку, красили потолки, а потом в ИКЕА покупали мебель. Все же это было, было! И вдруг он ушел. Просто взял и ушел. И как теперь жить дальше?

- Не могу я без него, не могу и все!

Старик молча слушал Динку, отхлебывая кофе. Глаза их встретились, и Динка отметила, что взгляд у бедуина добрый и искренний, и вдруг воскликнула:

- А знаете, я вам благодарна за то, что вы встретились мне. Очень благодарна!

- Ну вот, видите, - обрадовался он, - а поначалу хотели от надоедливой деда избавиться.

Динка улыбнулась.

- Все наладится, не отчаивайтесь, - старик накрыл ее руку своей теплой шершавой ладонью, - жизнь ведь на самом деле не всегда такая, какой мы ее видим. И то, что нам кажется таким важным, на деле может оказаться бесполезной тратой времени. Нужно только подождать. «Лицом к лицу лица не увидать».

- Большое видится на расстоянии.

- Вот-вот.

Динка грустно усмехнулась:

- Мне отчего-то кажется, что я на краю пропасти. Только и осталось, что прыгнуть.

- Так прыгайте, - серьезно проговорил старик.

- Прыгнуть в пропасть, чтобы пропасть, - грустно усмехнулась девушка.

- А вам не интересно, что там, на дне?

Динка недоверчиво смотрела на бедуина.

- А там что-то есть?

- Возможно, - он неопределенно пожал плечами, - чтобы узнать, нужно прыгнуть.

В это момент прозвучал монотонный голос: «Пассажиры, вылетающие в Амстердам, приглашаются на посадку к 12 выходу».

- О, это меня! - воскликнул старик. - Ну что, дружище, готов? – обратился он к Крысу, и тот ловко нырнул за пазуху под пальто. - Не забывайте старика, - сказал он Динке, - и помните, рано или поздно все обязательно заканчивается, чтобы начаться сначала. И не бойтесь прыгать в пропасть. Поверьте, там ничего страшного нет, – он подмигнул Динке, - я там был. Я знаю.

Он встал и взял дорожную сумку.

- А как же желание? - тихо спросила Динка.

- А желание обязательно сбудется. Это все же моя профессия – исполнять желания.

И старик ушел. Какое-то время Динка еще удерживала взглядом его силуэт, надеясь, что старик обернется. Но он не обернулся и вскоре исчез. А Динка осталась. Снег за окном уже перестал падать, и гул первого взлетевшего лайнера эхом ворвался в здание аэропорта. Одно за другим зазвучали сообщения информационной службы, приглашающие на посадку заждавшихся пассажиров. Аэропорт зажил и загудел, как улей, люди суетились, хватали вещи и неслись к указанным выходам, словно от скорости их передвижения зависели погодные условия, и если не спешить, все начнется заново.

Вскоре и Динкин рейс объявили. Она зашла в самолет и заняла свое место, у окна. В соседнем ряду сидела «мисс Дьюти Фри», разглядывая новые покупки, люди торопливо рассовывали багаж по полкам и рассаживались по местам, и Динке вдруг показалось, что не было никакого старика с его таинственным Крысом и все это ей только приснилось. Однако душевная боль, терзающая последние дни, как-то отступила, и стало немного спокойнее. «Старик прав, - думала Динка, - мне нужно быть благодарной Юре за все те годы, когда нам было хорошо. И пусть его больше не будет рядом. Я переживу, я смогу. Я на пороге новой жизни. Кто знает, как она сложится. Может быть, когда-нибудь я буду благодарна Юре за то, что он сделал». Она думала о том, что некоторые люди, сопровождающие тебя долгие годы, не оставляют никаких следов, а человек, скрестивший с тобой дороги на какие-то несколько часов, уже никогда не забудется. Что люди и правда стали одинокими. Невидимые за ширмами социальных сетей, они перестали быть самими собой, истинные чувства подменились фальшивыми, вместо живых лиц аватары, вместо живых чувств – бегущие строчки чатов. Люди перестают верить в чудеса, но верят лжи, оставленной на страницах сайтов. Вот так и жизнь пройдет. А такие, как старик, безвозвратно уходят в прошлое. И ничего с этим не поделать. Самолет взмыл ввысь, и Динка не заметила, как уснула. А проснулась, когда лайнер уже заходил на посадку.

Получив багаж, она вышла из самолета и увидела Карла, старого доброго Карла, который всегда встречает ее в Вене. Помахав ему рукой, Динка включила телефон, и тут же одно за другим последовали сообщения. Ее приветствовали в Австрии, предлагали заглянуть в модные рестораны, рассказывали, куда позвонить в случае чего. Одно сообщение было от папы: «Привет, клоп! С прилетом». Динка села в машину, когда телефон вдруг снова пикнул. Это было сообщение от Юры: «Оказывается, я без тебя не могу. Как прилетишь, сразу позвони». Радость волной захлестнула Динку, и она тут же стала набирать знакомый до боли номер и вдруг... сама не понимая почему, нажала на клавишу сброса. Что-то в ней изменилось, что-то стало другим. И долгожданный разговор, о котором она мечтала все последние дни, уже не казался таким важным и желанным. Она с интересом отметила, что больше не ощущает боли в том месте, которое после ухода Юры было зияющей рваной раной. Рана как-то сама собой затянулась и больше не беспокоила. И Юрин образ, еще недавно такой живой, целиком и полностью владевший Динкиным сознанием, превратился в цветное фото в ее планшете и стал всего лишь страничкой в дневнике судьбы. Возможно, перевернутой страничкой. Ура, наконец-то Динка стала свободна от боли, страхов, зависимости, переживаний!!! «Все-таки прав был старик, - думала девушка, - нужно быть осторожнее со своими желаниями - иногда им свойственно сбываться. То, что кажется таким важным, на деле может оказаться бесполезной тратой времени». Девушку охватил невероятный восторг, и ей вдруг безумно захотелось прыгнуть в пропасть. Пусть даже пропасть, но все равно прыгнуть. Она бросила телефон в сумочку. «А Юре я позвоню потом», - подумала Динка, глядя на мелькающие за окном автомобиля присыпанные снегом поля. Она улыбнулась, потому что теперь точно знала, кто был тот импозантный пожилой господин с добрыми синими глазами и огромным красным мешком.

ПРОЗА

Владимир Борисов

(МОССАЛИТ, Москва)

КАПИТАН МИШКА

1.

Небольшие розовато-коричневые котлеты с недовольным ворчаньем купались в раскаленном масле, исходили прозрачным соком. Рядом с плитой, на столе под пестрой клеенкой, стояло глубокое блюдо с уже остывающими котлетами. Сквозь приоткрытое поддувало печки было видно, как на серых бугорках золы весело резвились отблески пламени, бушевавшего в топке.

- Мама, закрой поддувало - котлеты горят. Ты что, разве не чувствуешь? - закричал Мишка и проснулся.

Тяжелый махорочный дым сизыми слоями повис под потолком. Парнишка поморщился и нехотя выпростался из-под старого облезлого и необычайно тяжелого дедовского тулупа. На соседней кровати заворочалась сестра, и Мишка, торопливо сбросив с Наташки стеганное ватное одеяло, поспешил посадить девушку на горшок. Тяжелая, горячая со сна, она обняла брата за шею и что-то залепетала ему прямо в ухо, на своем никому не понятном языке.

- Да ладно уж тебе, разболталась. Все ухо мне обслюнявила. Писай давай скорее. Чуешь, пол какой студеный. Печка со вчерашнего дня, небось, не топлена. Опять родичи гужуются. Наверняка дрова соседям пропили... Алкашня. А в лесу еще снег кругом, холодно ночами, как без дров-то теперь? Опять мне сучья пилить придется.

Сестра помочилась и вновь забралась на кровать. Ночная сорочка сбилась, и сквозь обремканный разрез стала видна вполне уже развитая грудь.

- Прикройся, Наташка. Похоже, чужие в доме, пялиться еще начнут.

Мишка поправил сорочку на груди старшей сестры, с трудом натянул тесноватые побитые молью носки на свои скоро озябшие ступни и пошел на кухню. В доме опять пили, а значит, про завтрак, впрочем, как и про обед и ужин, можно забыть. Мать в окружении мужиков сидела за столом в телогрейке, стеганых ватных штанах и ярко-розовых тапках на босу ногу. На столе начатая бутылка самогона, небрежно заткнутая бумажной пробкой, несколько мутных залапанных стаканов, наполненных по зарубку, да блеклый пучок соленой черемши. «Приснились, значит, котлетки-то», - мелькнуло в голове у парнишки, и он даже зажмурился от огорчения.

- А вот и мой младшенький, - радостно проговорил отец и обессиленно махнул рукой с потухшим окурком. - Двенадцать на Медовый Спас исполнится.

- Одиннадцать, - коротко поправил отца Мишка и, зачерпнув кружкой из оцинкованного ведра тепловатой несвежей воды, напился.

- Там еще дочь где-то. Но она с рождения слегка не в себе... Идиотка, одним словом. Мужик всхлипнул обиженно и, торопливо глотая, выцедил стакан самогона. - Бывает... - согласно закивали его товарищи и тоже потянулись к стаканам. Мать промолчала. Впрочем, похоже, она просто спала.

- А ты что, Мишка, не в школе? Прогуливаешь, мать твою за ногу? - решил покуражиться отец, обычно строгий на людях.

- А кто сапоги мои пропил? - огрызнулся мальчишка, набрасывая на худощавое тельце чью-то блестящую от мазута телогрейку. - Сам пропил, а в чем мне до школы эти самые шесть километров пройти не подумал. В валенках по лужам особенно не походишь. - Мишка всерьез рассердился, натянул чьи-то кособокие пимы и, хлопбыстнув дверь, вышел во двор до ветру.

А на дворе вовсю уже хозяйничала весна. Слабая и робкая в тайге, где по оврагам и глубоким колдобинам все еще лежал тяжелый и мокрый снег, здесь, на солнышке, среди построек, она расположилась основательно. Высокое крыльцо, крашенное темным суриком, даже на вид теплым, курилось сероватым хрупким парком. Тяжелые, мохнатые лапы кедра, росшего прямо за стайкой, сарайчиком для скота, поднялись вверх - верный признак ранней весны. Пахло пряно и терпко. Мишка поправил штаны и вернулся в дом.

Отец с приятелями куда-то исчезли, лишь мать все также безучастно и тупо смотрела в залапанное стекло кухонного окна. Мишка пошарил в простывшей печке и в чугунке нашел с десяток влажных картофелин, отваренных в мундире.

- Да мы с тобой сегодня жируем, Наташка! - крикнул он радостно в душную темноту комнаты, и тут же сестра, громко и протяжно мыча, появилась на пороге кухни. Пацан вздрогнул от неожиданности и, взглянув в большие, широко расставленные глаза сестры, в очередной раз подумал, что, быть может, Наташка не такая уж и полоумная, а просто придушивается. Может, просто-напросто не хочет вступать с матерью и отцом в конфликты, без которых уже давно не обходится ни один божий день.

Мишка пересыпал картошку в большой, свернутый из старой газеты кулек, туда же щедро сыпанул крупной соли и, упрятав пакет под телогрейку, поманил за собой сестру. Наташка одеваться не любила. Вот и сегодня она брыкалась, падала на пол, плакала и стягивала сапоги, с трудом натянутые Мишкой на ее полные ноги. Наконец терпение паренька закончилось и он, нарочито медленно достав из-за пазухи одну из картофелин, осмотрел ее со всех сторон и, громко сглотнув слюну, откусил половину. Без соли, вместе с кожурой. Сестра (вот же странно: дура душой, а все понимает), заметив с каким аппетитом Мишка проглотил кусок картофелины, обиженно замычала, замотала головой и начала одеваться.

Когда Наташка выползла из дома, расхристанная, кое-как одетая, брат ее уже открывал ворота сарая, в котором в свое время отец хранил сети, удочки, цепи для бакенов и толстые противно шуршащие листы пенопласта. Мишка присел на колоду возле сарая и, подставив весеннему солнцу веснушчатое лицо, задумался как-то уж очень по-взрослому, изредка поглядывая на сестру, сторожко спускающуюся с крыльца.

Как все-таки странно устроено все в этом мире. Еще лет пять назад река была судоходной, и по ней нет-нет, да и проходили баржи, тяжело нагруженные глыбами цветного мрамора, нарубленными где-то аж под самим Красноярском. Небольшие, пестро окрашенные пароходики два раза в неделю развозили пассажиров с ярмарки по крупным и крепким селам, раскинувшимся по берегу реки. А катера, те вообще без передышки сновали туда и обратно по своим, наверное, очень важным речным делам. В то время отец, веселый и жизнерадостный мужик, каждый вечер, перебросив через плечо весла, уходил на работу. Уходил, что бы вернуться ранним утром уставшим, в мокрой от пота рубахе, но все таким же веселым и совершенно трезвым. Мишка иной раз даже самому себе не верит, что было время, когда его отец спиртного в рот не брал.

- Да ты что, паря? – говаривал он сыну, посадив его на свое крепкое твердое колено. - Да разве ж можно? У меня работа тверезая... Я, сына, не абы кто, я – бакенщик! От меня иной раз зависит судьба не только груза корабля, но и жизни человеческие. А ты как думал? Вот не зажгу я, к примеру, пару бакенов, и штурман проложит неверный путь, а капитан поведет по этому пути корабль. А это все: это пробоина, это мель, это смерть. Про деньги я вообще молчу...

Ну, а потом где-то в верховьях реки построили плотину и направили воду по спешно вырытому каналу. Зачем, Мишка не знал, как, возможно, не знал и его отец, вот только река с тех пор сильно обмелела и лишь на ее середине еще оставались кое-где глубокие омуты и затоны.

Как-то под осень, уже уволенный по сокращению, отец шутя показал Мишке на буруны воды, нет-нет, да и появляющиеся над ровной и ленивой теперь поверхностью реки.

- Смотри, паря. Вот там, возле острова, живет пара налимов. Старые и громадные, словно кабаны. Вот бы нам их с тобой, сынок, выловить. На всю зиму бы мяса хватило. Эх...

Отец ушел, оставив после себя стойкий запах водки вперемешку с одеколоном. Ну а потом он уже и скрываться перестал, запил по-черному. Вслед за ним и мать...

Наташка, увидев брата, обрадовалась, поспешила к нему и чуть не споткнулась о пробегающую мимо белую курицу.

- Садись, дуреха, - с показной суровостью проговорил он и усадил ее на свое место. – Ходишь, словно слон. И так курей почти не осталось, хорь, скотина, с десятка придушил, а тут ты еще...

Губы сестры обиженно задрожали, но Мишка сунул ей в руки кулек с картошкой, и Наташкино настроение разом улучшилось...

- Как же тебе просто живется, - с завистью вздохнул парнишка и, распахнув вторую створку ворот, вошел в сарай.

На телеге лежала большая пузатая бочка, выкрашенная темно-коричневой половой краской. В центре ее, чуть левее обруча, зияло круглое отверстие, старательно выпиленное лобзиком. Два коротко отпиленных весла, торчали по обе стороны бочки, словно покоцанные крылья стрекозы.

Мишка обошел вокруг телеги, несколько раз ткнул пальцем в окрашенные бока этого странного сооружения и совершенно серьезно, словно сестра могла понять его, проговорил, вытирая краску о штаны:

- Эх, как чувствовал: олифы переложил. Жди теперь, когда краска высохнет.

Он приставил небольшую лестницу и с верхней полки достал темно-синий пыльный патефон. Крутанув несколько раз блеснувшую в полумраке ручку, мальчишка аккуратно опустил иглу на пластинку, нарезанную на мятом рентгеновском снимке. Патефон зашипел сердито, но вскорости шипенье прекратилось, и мужской прокуренный голос грустно и задумчиво выдал:

*«Он капитан, и родина его Марсель.
Он обожает споры, шумы, драки.
Он курит трубку, пьет крепчайший эль
И любит девушку из Нагасаки»...*

Дальше иглу заело, и мужик монотонно и недовольно зачастил:

- Нагасаки, Нагасаки, Нагасаки, Нагасаки, Нагасаки...

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Мишка хлопбыстнул кулаком по верстаку, на котором стоял патефон, игла соскочила и песня продолжилась:

*«У ней следы проказы на руках,
У ней татуированные знаки,
И вечерами джигу в кабаках
Танцует девушка из Нагасаки»...*

Наташка, услышав пение, привычно радостно замычала, покачивая головой и уминая картофелину за картофелиной.

- Ну, ты и мечешь! - усмехнулся Мишка, а в руках он уже держал округлый кусок толстого оргстекла.

- Сейчас, Наташа, погоду немного. Я вот только иллюминатор вмажу, и пойдем с тобой на реку, лед посмотреть... Сейчас...

Он говорил, а пальцы его ритмично разминали, разогревали кусок застывшей оконной замазки.

Песня кончилась, суровый капитан из Марсея в очередной раз узнал о гибели любимой девушки из Нагасаки от безжалостного ножа, а парнишка все мял и мял неподатливую сероватую массу.

- Старая совсем замазка. Как камень твердая, - оправдываясь, пробурчал он сердито, вглядываясь в лицо сестры. Та уже съела картошку и теперь слизывала соль с мокрого пальца.

- Да что же ты, соль-то лижешь, словно теленок? Потом пить захочешь, а напьешься – в штаны напрудить...

Он отобрал у сестры разорванные остатки кулька и вновь завел патефон. Все ту же единственную и бесконечную песенку.

- А что, Наташка, давай ты будешь девушкой из Нагасаки, а я естественно буду капитаном. Согласна?

Сестра сидела на колоде и смеялась, раскачиваясь всем телом.

- Согласна, значит! - рассмеялся и Мишка и начал старательно вмазывать стекло в дырку иллюминатора. - Вот подожди немного, - убежденно пророчествовал паренек, тайно любясь своей работой, - вот только лед сойдет, как я на своей подводной лодке за налимами к острову и пойду. Вот тогда я вас всех рыбой от пуза накормлю. Вот увидишь, сестренка, так и будет. А там, глядишь, и мамка за ум возьмется, пить бросит или хотя бы закусывать начнет, а то все водой водку запивает. Вот ей и плохееется, без закуски-то.

Мишка вытер пальцы тряпицей и, щурясь, вышел из сарая на свет.

- Ну, ладно, хорош рассиживаться, пойдем к реке.

Он прикрыл ворота, взял сестру за обмусоленные пальцы и повел к длинной деревянной лестнице с хилыми перильцами, ведущей к реке.

- Пойдем Наташка, пойдем. На лед посмотрим. Как бы нам с тобой ледоход не пропустить.

Вдоль берега лед уже подтаял, и вода, темная и студеная, черными ломаными линиями вправо и влево уходила к лохматому таежному горизонту. Но, вопреки Мишкиным ожиданиям, всю середину реки еще покрывал лед, рыхлый и мокрый, тревожно-голубого цвета. Наташка тут же высвободила руку и, тихо курлыча, начала бродить вдоль воды, выискивая обломки перламутровых беззубок и красивые пестрые камушки. После каждой находки над берегом разносился ее громкий индейский крик. Пестрые сороки от криков этих

по первости приходили в расстройство, взлетали над лохматыми гнездами и, тревожно галдя, кружили над рекой. Позже, правда, они, надо полагать, несколько пообвыкли и лишь иногда, сверкнув чистым глазом, посматривали на блаженную сверху вниз.

Мишка же, сбросив телогрейку, растянулся на теплых шершавых мостках, прислушивался к таежному шуму и смотрел на взлохмаченные, какие-то совершенно несерьезные облака, застывшие в темно-синей смальте апрельского неба.

- Вот хорошо бы залезть в мою подводную лодку, взять с собой патефон да картошки побольше, и плыть, плыть, плыть. Плыть неизвестно куда. А всплыть в таком месте, в такой стране, где все люди добрые и безобидные, как моя Наташка. И чтобы никто там водку не пил, и чтобы у каждого было хотя бы по две пары сапог. И чтобы...

И так хорошо лежалось Мишке на солнышке, так хорошо мечталось, что не заметил он, как уснул. Что уж там снилось мальчишке, неизвестно, но улыбка, широкая и добрая, долго-долго не сходила с его лица. Проснулся парнишка от того, что кто-то неуклюже заворочался рядом с ним.

- Того и гляди рухнешь в воду, - мелькнуло в Мишкиной голове, а руки его уже обхватили и крепко прижали к себе сестру, прикорнувшую рядышком. - Ох, и горяшко мне с тобой, Наташка, - посетовал он и, привстав на мостках, потянулся до хруста. - Пойдем, что ли, домой, сестренка. Пора.

Мишка растормошил спящую девушку и направился к лестнице, когда за его спиной вдруг что-то треснуло, словно молнией поблизости шандарахнуло.

Наташка, присев от страха, зажала ладонями уши, зажмурилась, а после и вообще разревелась, громко и горько.

- Началось! Ты слышишь, сестренка? Началось! Лед пошел!

Мальчишка попытался что-то втолковать девушке, но махнул рукой и побежал к реке. Вдоль ледяного поля пробежала глубокая трещина. Лед зашевелился, задрожал крупной дрожью. Вода вдруг хлынула поверх льда и тут же пропала, с хлюпаньем просочившись сквозь многочисленные трещины. Сороки и вороны с криками и карканьем заматались над рекой, поливая жидким пометом ледяные глыбы.

- Ну, вот и все, Наташа, - Мишка успокаивающе погладил сестренку по волосам и, приподняв ее за подмышки, повел по ступенькам вверх. - Вот и ледоход случился. Через пару деньков и лодку мою на воду спустим. Ты-то как, рада, что ли, девушка из Нагасаки?

Наташа загугкала и неловко погладила брата по голове...

2.

В субботу утром на попутном тракторе к ним заехала Мишкина классная руководительница, Валентина Ивановна. Полная, добрая, подслеповатая женщина в годах, с красивой фамилией Лебедушкина. Минут пятнадцать она что-то живо втолковывала Мишкиной матери, сидя перед ней на скрипучем табурете, пока не осознала, что та вовсе и не слушает ее, а по обыкновению просто-напросто спит с открытыми глазами. Отчаявшись, Валентина Ивановна вышла во двор и направилась к ученику.

- Что ж ты, Мишка, уроки прогуливаешь? Ведь ты же неглупый парнишка. Неужели на второй год остаться хочешь? Сам знаешь, сейчас годовые контрольные, диктанты, а ты прогуливаешь...

Мальчик стоял перед ней, обутый в расплюсченные, дырявые валенки, стоял на вытяжку и отчаянно стеснялся и пьяную мать, и отца, тупо и пьяно улыбающегося, по-хозяйски рассевшегося на крыльце в линялой майке и воняющих мочой трениках, и свою сестру, добрую, беззащитную дуру.

- Я... Я обязательно приду в школу, Валентина Ивановна. Честное слово приду. Вот в понедельник и приду.

Он набылчился. На глазах, обычно веселых и радостно-голубых, всплывали слезы...

- Я приду.

Учительница вздохнула, безнадежно прошлась взглядом по запущенному двору, потрепала мальчишку по голове и направилась к трактору.

- Приходи Миша. Если получится, обязательно приходи...

3.

Телега с привязанной к ней подводной лодкой наконец-то оказалась прямо возле мостков. Раньше, когда еще река была полноводной, уже на середине мостков глубина была больше двух метров. Теперь же вода плескалась лишь на самом его краю.

Усадив Наташку на мостки, Мишка вооружился тяжелой прочной лагой и, просовывая ее конец под задние колеса, все дальше и дальше загонял телегу в воду.

- Ну, вот и все, кажись, хватит, - решил он наконец и, отбросив лагу, перекатил бочку на доски мостков, после чего, устало отдуваясь, побрел к берегу, тяжело хлюпая промокшими валенками.

Полуденное солнце кувыркалось высоко в небе, прозрачном и чистом, не замутненном даже облачком, и лишь темная точка какой-то хищной птицы кружила и кружила в бесконечном бессмысленном полете.

Раздевшись до трусов, Мишка, как смог, вымазался в солидоле, захватывая его ладонью из высокой жестянки.

- Ты не думай, Наташка, что я с ума двинулся, - дрожащим голосом убеждал он скорее себя, чем сестру. - Мне батя еще давно рассказывал, что жир или сало в холодной воде лучшее дело. Но сама понимать должна, где я сейчас сала найду? Так что солидол очень даже неплохая ему замена. Да не лезь ты к банке. Это солидол тебе, а не повидло. Не лезь, кому говорят!

Мальчишка прихватил банку и, зябко ступая по прохладному песку, отнес ее к прибрежным кустам, откуда вернулся с остро отточенными вилами, насаженными на короткий крепкий черенок. Девушка, увидев вилы в руках брата, сжалась в комок, испуганно скукожилась. Глаза ее раскрылись шире обыкновенного, наполняясь слезами.

- Ну-ну, - с показной веселостью улыбнулся Мишка, укладывая вилы внутрь бочки. - Налимы - это тебе не уклейка. Их, моя родная, голыми руками и не взять... Солидная рыба.

Мишка с трудом забрался в свою подводную лодку и, прежде чем захлопнуть крышку (явно осознавая всю бесполезность своей просьбы), все ж таки попросил сестру, старательно и неуверенно улыбаясь в сторону:

- Ты, Наташка, того, ты в случае чего мамке-то все расскажи... Так, мол, и так... Пусть она не шибко ругается. И пусть не пьет, хватит уже, хватит.

Мальчишка подмигнул сестре и, присев на корточки, закрыл за собой круглую крышку. Черные резиновые полосы, скроенные парнишкой из отцовских калош, противно скрипнули, и люк подводной лодки плотно встал на свое место. В бочке было тесно и душно. Стекло иллюминатора тотчас же запотело, обрубки весел сдавливали бока, а отточенные пики вил оцарапали Мишкино плечо.

- А кто сказал, что у подводников судьба легкая? - хмыкнул он и начал резко и методично раскачивать бочку.

Наташа, заметив, что подводную лодку что-то сотрясает и раскачивает, подошла к ней, и, мгновенье подумав, опрокинула бочку в воду.

4.

То, что бочка подтекает, Мишка понял сразу же, как только ее вынесло на быстрину. Холодные злые струйки воды со всех сторон, словно осы, жалили голое тело капитана-подводника. Особенно быстро вода просачивалась через иллюминатор и отверстия под весла. Течение все быстрее и безжалостнее вертело полузатопленную бочку. Весла отказывались грести, и Мишка напрасно упирался спиной в глухую перегородку, пытаясь выдавить люк. Бочку вновь крутануло, и мальчишку стошнило. Одно из весел треснуло, застряв меж сучьев тяжелого, словно камень, черного бревна-топляка. Подводную лодку тут же притопило и потащило под ледяное поле, все еще сохранившееся возле острова. Вода, бесновавшаяся среди крупных валунов, лежащих на дне реки, крутила и вертела бочку, словно решая, куда ее забросить, в конце концов: под шершавые льдины полуметровой толщины, с глухим гулом наползающие на каменистый берег острова, или чуть левее, туда, где на многие сотни метров спокойная и чистая река, казалось, и думать забыла о своих холодных, ледяных оковах.

...Кто-то наверху, там, где возле распахнутых ворот сарая стоит старая, стянутая металлическим обручем колода, завел темно-синий пыльный патефон и чей-то хрипловатый, словно прокуренный голос вновь завел свою бесконечно тоскливую песню.

А внизу, возле обмелевшей реки, на деревянных мостках, покачивая головкой в такт песенке, сидела девушка и ожидала своего брата, капитана Мишку.

Поль Гоген. Рождество

ПРОЗА

Карен Агамирзоев

(Карелия)

Рисунки Ольги Зирка

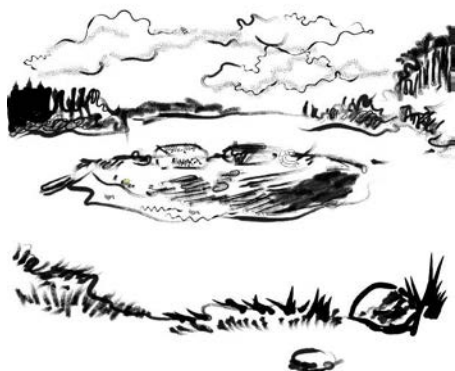

ТРЕТЬ ФУНТА ШВЕДСКИХ ГВОЗДЕЙ

(иронический рассказ о скупом кареле)

Красота! Это я о том замечательном виде, который открылся мне на древний сосновый лес и скалистые берега, плотным кольцом окружившие небольшое лесное озеро. Низкое вечернее солнце отчетливо вырисовывало границы воды, скал и сосняка. Таких небольших озер, по-карельски – ламбушек, затерянных в калевальской земле, сотни. Благословенная земля. Карелы здесь жили веками. Здесь, на этой земле, сохранились эпические руны, из которых финский исследователь и собиратель карело-финского фольклора Эллиас Лённрот в середине XIX века создал всемирно известный эпос «Калевала». Здесь жили предки современных карел, которые сохранили для нас эпическую песенную поэзию. Испокон веков не было здесь городов, площадей, улиц и переулков. Все топонимы окрестностей озера Верхнее Куйто шли от названия рек и озер, которые служили основными дорогами. А средством передвижения служили летом лодки, а зимой сани.

Я нахожусь на каменистом острове Лехтинена, который расположился в центре лесной ламбушки. Комары... Как достали комары! Да-а, ведь и сто лет назад доставали комары прежних хозяев. На острове когда-то жила целая карельская семья. Вот постройки – перекошенный и почерневший сруб карельского пятистенка с торчащей посередине печкой, развалины дворовых построек, на берегу угадываются остатки мостков небольшого причала с торчащим у среза воды носом сгнившей лодки-карелки.

Чуть дальше почти не испорченная временем баня. Кто-то вытащил на берег старый банный чан. Поодаль огромной кучей лежат обрушившиеся стены коровника. На старом навозе буйно вырос высокий иван-чай. Когда-то это место было наполнено жизнью, нелегким карельским бытом и горячей любовью. В современной литературе бытует мнение, что у представителей финно-угорских народов начисто отсутствует присущее европейцам искрометное чувство юмора, тонкая ирония и яркая сатира. Это ошибочное мнение. У карел, как и всех других народов, есть особенности в выражении своих чувств. Уверяю вас, очень богатый список особенностей.

Вот, например, коровник. Кто и как его строил на этом острове? Кажется, кто-то мне рассказал старую историю о прежнем хозяине этого острова. Лехтинен, да, его звали Лехтинен, как и остров. Дайте-ка вспомню. Ничего грустного... так, легкая ирония.

* * *

Хозяин Пааво Лехтинен вот уже десяток лет проживал с семьей на хуторе, располагавшемся на острове посреди лесного озера с каменными берегами. До берега было рукой подать. Летом Пааво переправлялся на берег на лодке, а зимой по льду. Крепкий хозяин Пааво. Крепкий и скупой. Длинными зимними вечерами Пааво размышлял, надо ли в этом году строить новый коровник, или коровы перезимуют еще одну зиму в старом, с огромными щелями, сарае. Даже бревна заготовил для нового коровника, а все не мог решиться. Жена его, Элза, бойкая и языкая карелочка, торопила тугодума-мужа с постройкой нового коровника.

Мол, зимой очень холодно скотине. Да и ей, Элзе, в задницу дует холодом при дойке коров. Даже толстую задницу показывала, красную и покрытую от холода пупырышками. «Ниттево! В бане отокреется», отвечал ей Пааво, и с явным удовольствием нежно шлепал огромной ручищей по широкому заду Элзы.

На смену зиме пришло короткое таежное лето. Одна мысль волновала Пааво – хватит шведских гвоздей для постройки коровника или нет. Так не хотелось тратить на покупку новых! Отличные контрабандные гвозди из Швеции в прошлом году Пааво выторговал у соседа, хромого Онттипа. Соседи

договорились, что трехлетний бычок Пашшка покроет трех телок из хозяйства Онттипа, за что тот отсыплет Лехтинену столько новеньких шведских гвоздей, чтобы их хватило на новый коровник.

С большими хлопотами Пааво переправил в лодке испуганного Пашшку на берег. В хозяйстве Онттипа сначала все пошло хорошо и быстро, но Пааво так торопился завершить сделку и так торопил Пашшку, что молодой и неопытный бычок выпустил весь свой задор уже на второй телушке. Третьей телушке не повезло. Как ни старался Пааво, уставший Пашшка совершенно потерял интерес к сделке и соседской телушке.

Все лето переживал Пааво, что по вине нестарательного Пашшки ему досталось на треть гвоздей меньше, чем он планировал. Раздражала и болтливая Элза, которая всю зиму, задавая сена Пашшке, причитала и качала головой:

- Вой-вой, Пашшка, Пашшка. На треть плохха люппил телушек, сапссем как твой песталкковый хоссяин люппит меня по ноттям. На оттну треть плохха... - И, что было самым обидным для Пааво, показывала Пашшке одну треть указательного пальца.

Лето заканчивается, а Пааво всё никак не может решиться. Как-то сидит Пааво на берегу и смотрит через озеро на окружающий лес. Тут, как назло, на берег пришла Элза с полным корытом белья. И принялась за свое:

- Вой-вой, Пааво! Неттева ситтеть на затнисса. Вонна-а, коровник постти расваллился. Или таввай телатть новый или закалаттивай старрые тыррки новвыми гвосттями.

Это было последней каплей. Тратить новые гвозди на латание старых дыр? Нет уж! Плюнув на ворчащую Элзу, натянув поглубже шляпу, Пааво решительно двинулся к месту будущего коровника. С этого дня на острове началась стройка. Никого из соседей Пааво не пригласил в подмастерья. В целях экономии он привлек к работам Элзу.

Дело продвигалось медленно, так как из Элзы был плохой помощник в строительстве. Пааво ругался на нее и показывал ей одну треть указательного пальца, приговаривая: «На оттну треть помосник ис теппя». Ну, а бойкая Элза в ответ тоже показывала Пааво одну треть указательного пальца, кажется, на что-то намекая... После такого обмена любезностями обиженный Пааво надолго замолкал.

В заботах о строительстве незаметно промелькнула короткая карельская осень. На Покров первый ледок покрыл лесное озеро. А у Пааво, как назло, совсем закончились гвозди. Чтобы закончить коровник до снега, без покупки недостающих гвоздей ему было не обойтись. Лодкой уже никак не воспользоваться, а лед еще совсем тонкий, ненадежный. Пааво, крепкого мужичка, этот первый ледок не выдержит.

Делать нечего, решает Пааво послать за гвоздями Элзу. Боялась Элза идти по неокрепшему льду, но уговорил Пааво.

Мол, дорогая женушка, нечего тягать тяжелые бревна. Не женское это дело. Сбегай-ка в соседнюю деревню с запиской к лавочнику Калле, он отсыплет тебе гвоздей для коровника. До деревни, мол, рукой подать. Одна нога здесь, другая там. Однако денег на гвозди Пааво не дал. Обрадованная непривычной заботой мужа Элза быстро собралась в путь. Пааво проводил Элзу на берег и незаметно показал ей в спину одну треть указательного пальца. С помощью двух крепких березовых жердей Элза осторожно перебралась с острова на берег и пешком отправилась в соседнюю деревню.

По дороге оглядела со всех сторон записку, но ничего не поняла, т.к. читать и писать не умела. Быстро добралась до деревни. Нашла лавку.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

- Терве, Петре, - поклонилась Элза и подала лавочнику записку.

- Терве, Элза, - лавочник Петр Савичев надел очки и стал внимательно читать записку, в которой огромной рукой Пааво было нацарапано: «Терве Петре не хваттила гвосттей ната тать потателю сего писма эттот клуппый баба элза отгну треть фунтта шветтских гвосттей в толк отнакка руппли я не переттал пакка а то этот клуппый баба проваллиттса пот лётт со всеми рупплями с почтением Пааво». Ха-ха. Очень смешно, но вежливый лавочник Петр еле удержался от смеха. Отсыпал лавочник Элзе треть фунта новеньких шведских гвоздей и долго хохотал после ее ухода.

По дороге Элза зашла в деревенскую церковь, где поставила дешевую свечку за удачное окончание постройки коровника, а про себя подумала – и еще за то, чтобы Пааво и Пашшка выполняли свои обязанности на одну треть лучше.

Идет Элза обратно по лесной тропинке, довольная, что удачно выполнила поручение мужа. Гордится мужем. «Вот какой у меня Пааво важный человек во всей округе! Лавочник Петре с него даже деньги не взял за одну треть фунта новеньких шведских гвоздей».

А ведь лавочник Петре очень уважаемый в округе человек, единственный русский. Значит, и Пааво у неё значительный хозяин! Элза даже остановилась. В голове у Элзы мелькнула одна озорная мысль... Достала один гвоздь и стала рассматривать со всех сторон. «Гвоздь хоть новенький и прямой, но на треть короче, чем у...», с удовольствием подумала Элза, покраснела и с хорошим настроением заторопилась на остров, к своему Пааво.

КУПИТЕ ДЕДУШКУ

- Купите дедушку!

К Николаю обращался высокий худой парень лет восемнадцати. Эта просьба-предложение из уст прыщавого «черного» поисковика прозвучала уже во второй раз. Еще утром троица «черных» копателей появилась в деревне и стала методично обходить дом за домом, разыскивая дом Акимовых. Николай Ефимович Акимов, бывший командир районного поискового отряда еще с комсомольских времен, крепкий сорокопятилетний мужчина, был известным на весь район человеком.

Его все знали и уважали. Работал Николай Ефимович водителем пожарной автомашины в местном леспромхозе.

Летом тушил лесные пожары, а зимой от пожаров спасал дома и бани лесозаготовителей. Конечно, земляки сразу указали на его дом. И вот троица подростков на древней, с разного цвета капотом и дверьми «копейке», с ревом от прохуdivшейся выхлопной трубы, подкатила к дому Акимовых.

Окликнули хозяйку, занятую развешиванием белья. Вытерев о бока телогрейки мокрые руки, хозяйка пошла за угол дома. Позвала мужа, Николая, который на своих деревенских пятнадцати сотках косил траву. Вышедший из-за дома хозяин прислонил косу к забору и коротким жестом пригласил гостей в беседку. Гости оказались из райцентра соседнего района. Старший представился Витьком. От ребят остро пахло давно немытым телом, костром и рыбой. Николай Ефимович молчал, разглядывал подростков и слушал Витьку, слегка наклонив голову, словно выражая согласие. Ребята сразу расселись по скамьям, шмыгая носами, стали раскуривать сигареты без фильтра.

Разговор начал Витек. Начал он сбивчиво, часто сплевывая прямо на выскобленный добела пол беседки.

- Мы, это ... с просьбой... Короче, дядь Коль, трофейничали мы, это... в лесу. Давно, еще в начале лета, в июне, кажись. Знаете, где немецкое кладбище, у дороги на Войницу. Ну, вот. Как-то под вечер подъехали к нам москвичи на двух тойотах, на джипарях. Четыре человека. Сказали, что работают от какого-то, это... немецкого фонда. Короче, предложение нам сделали. Копать немцев на кладбище. С их слов, рядом был госпиталь немецкий. На этом кладбище хоронили умерших немецких солдат с половинками жетонов. Мы согласились. Нам что – копать так копать, не впервой. На консервы и, это... на бухаловку давали. И в конце заплатили хорошо. У них техника классная – металлоискатели, компьютеры, спутниковые телефоны. Палатки шведские, такие двухконтурные. Так что копаем мы, это... могилы немцев до самых костей. А после уж москвичи осматривают останки. Главное – найти солдатский

жетон. Находили почти у всех. Потом и нам доверили искать жетоны. Тому, кто найдет жетон, – сто рублей. Всё, что найдем ценного на немчике – наше.

Всякие вещи находили, это... награды, значки, перстни солдатские, портсигары, складные опасные бритвы Solingen, ложки и ножи. Кости немцев назад в могилы не убирали. Не-а! Москвичи запретили. А нам что, больно надо, пусть валяются, нам до балды. Нам по барабану. До сих пор там вокруг могил валяются. А черепа мы, по приколу, на молодые березки повтыкали. Это... даже фотки есть. В покатуху!

- Дядь Коль, вам жетоны немецкие нужны? 20 половинок есть...

Николай сухой веточкой что-то чертил по дощатому полу беседки. Наклон головы означал, по-видимому, одобрение и желание продолжить разговор.

- Так вот, как найдем жетон, так старший, Аркадием Михайловичем его звать, это... сразу включает компьютер. Прямо из леса в Интернет выходил! Обалдеть! По какой-то, это... базе ищет фамилию и номер части по номеру жетона, откуда родом. Почти всегда находили. Облом случался, если немчик был родом из Кенигсберга, но это редкость. А потом звонил куда-то. В Гамбург, кажется, к какому-то Матиасу, и долго говорил с ним по-немецки. Сашок, самый молодой пацан из москвичей, сказал, что это их человек в Гамбурге, в каком-то, это, как его... в Немецком союзе. У них все данные по немецким солдатам есть. Сашок говорил, что этот Матиас, активист союза, ищет в Германии родственников немецкого солдата, жетон которого мы нашли. Их он называли «клиентами».

Родственникам говорят, что в России нашли их дедушку. Сначала немцы в шоке, потом начинают узнавать, как и где захоронен дедушка, как посетить могилу. Немцы страсть как любят перевозить к себе во дворики кости своих дедушек. Потом с помощью этого Матиаса родственники добиваются разрешения перевезти в Германию прах дедушки, естественно, за деньги.

- Дядь Коль, сколько немчик стоит, как вы думаете?

Николай Ефимович продолжал молчать.

Витек воодушевился:

- Сашок потом говорил, что немцы сначала не верят русским и проверяют информацию в Немецком союзе.

А там Матиас, и всё, это... им подтверждает. Да, и еще для подтверждения уговаривает анализы сдать. Как клиент созреет, так начинают торговаться, сколько стоит дедушку, это... купить и перевезти в Германию. Кости тех солдат, которых согласились купить родственники, аккуратно упаковывались в коробки. Мол, в Москве еще нужно провести, это... генетическую экспертизу. Эта экспертиза тоже как надо решается. Все у них схвачено. Короче, дядь Коль, крутой бизнес устроили наци на своих дедушках. А остальные, которые без жетонов, до сих пор валяются на кладбище.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Ну, вот, тридцать двух дедушек согласились купить родственники в Германии за две недели. Их москвичи увезли с собой. От пяти до десяти тысяч штук, это... в евро, за каждого солдата платят родственники, как договорятся... Торгуются! За офицера дороже дают. А русские-то кости, это... сколько стоят? ... Думаю, нисколько. Правда, пацаны? Вот так!

- Дядь Коль, не знаете ли, как найти нам этих москвичей?

Николай Ефимович пожал плечами.

- Не знаете... Мы с ними договорились, что будем дальше копать немецкое кладбище. Нашли уже 20 останков с солдатскими жетонами, но телефоны, которые они оставили, не отвечают. Кажется, кинули нас. Вот мы и волнуемся, что нам с костями немецкими делать. Поисковики из города сказали нам, что вы, это... посоветуете, что с ними делать. Вы, дядь Коль, мы знаем, интересуетесь останками солдат. Правда, нам сказали, что советскими. Нам, например, по барабану. Советских уже горку накопили, но за них никто не заплатит. Так, скидываем в кучу. А немцы, это... нужны? С жетонами. Сколько дадите? Хорошо заработаете. Верные деньги. Мы просим недорого, ведь оптом же! Дядь Коль, просим вас, это... Купите дедушку!

Николай Ефимович медленно поднялся, вышел из беседки и пошел к забору. Троица заинтересовано двинулась за ним. Кашлянул в кулак, оглянулся, нехорошо посмотрел на троицу, взял в руки косу наперевес, повернулся и вразвалку, слегка покачивая косой, пошел к беседке... Над забором мелькнули три худенькие фигуры. Взревел расточенный блок движка «копейки». Через минуту только пыль на деревенской дороге да удаляющийся рёв прогоревшей выхлопной трубы указывали направление движения старых «Жигулей»...

ПРОЗА

Игорь Бурдонов

(МОССАЛИТ, Москва)

РАВЕЛА АКВАРЕЛИСТ ⁶

(роман-миниатюра)

Окно Двенадцатое

Земляной вал около крепости Альборноз. Урбино. Италия.

Леонардо не отпускал Равелу Акварелиста и позже, когда тот перебрался в Урбино и преподавал в местном университете историю искусств. Рисунки и картины Леонардо Равеле не нравились. Как чистый акварелист, он вообще презрительно относился к рисунку, а картины Леонардо воспринимал как такие же рисунки, только раскрашенные, пусть даже по сравнению с предшественниками с размытыми линиями и смягчённым цветом. К тому же масло было для Равелы мертво, и «масляная живопись» казалась оксюмороном. В масле не было воды, которую Равела считал самым живым веществом во Вселенной. Воду – и воздух, которым была бумага и которым не мог стать слишком вещественный холст. От совокупления воды и воздуха рождается туман, а из него – всё живое, от камней до человека.

Разумеется, так думал Равела-художник, понимавший и любивший только то, что делал сам. Как зритель (и преподаватель) он восхищался работами Леонардо, но всё же особенно – незаконченными. Равеле казалось, что «законченное» – это «конченное», «конечное», то есть умершее, не живое. Именно в незаконченных работах с особой силой проявлялся тот холодный расчёт, которым Леонардо, как анатомическим скальпелем, вскрывал живую ткань мира, обнажая загадки и тайны, но лишь для того, чтобы столь же безжалостно скрыть их, превратив в Космические Загадки и Божественные Тайны. И самую большую тайну он сотворил из мужского члена, рисуя его множество раз во всех видах, а, кстати, женские гениталии – всего два раза. И оставил такую запись: «...это создание часто имеет собственную

⁶ Продолжение. Начало - «Московский BAZAR» №3 (5) 2012.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

жизнь и свой разум, отдельный от разума самого человека». Не эту ли мысль изображает пенис на лбу из «Поклонения волхвов»? Или то, что главный сексуальный орган находится в голове? Или тождество творческого и полового акта?

– Да он просто не закончил картину, – доносится с соседней лавочки голос Солио Философа. Они сидят на земляном валу около крепости Альборноз, глядя, как стены и купола Палаццо Дукале соперничают с пологой горой, закрывающей горизонт. Они сидят порознь, потому что поссорились из-за Кончетты, которую Солио походя назвал шлюшкой, «как все венецианки».

– Таких непонятных пятен и линий на картине полно, – продолжает Солио после хорошего глотка «Моретти». – Если бы Леонардо не уехал в Милан, он записал бы твой «пенис», кстати, добавив побольше волос на черепушку.

– Ты рассуждаешь не как философ, а как пьяница, – огрызается Равела. – Кто не так давно доказывал мне, что у Бога есть фаллос?

– А разве я говорил, что он должен быть на лбу? – Солио обижается и делает ещё глоток пива. – А как философ скажу: в мире только одна тайна – почему он существует? А всё остальное – от неудовлетворённости желаний.

Окно Тринадцатое

Университет Карло Бо. Урбино. Италия.

Равеле Акварелисту приснилось, что вместо него лекцию по истории искусств читает Солио Философ, то и дело прикладываясь к пивной бутылке. Он рассказывает о пепельной Луне. Леонардо в «Codex Leicester» объяснил, что неосвещенная часть Луны бывает видна вблизи новолуния из-за того, что свет Солнца отражается дважды: сначала от Земли, потом от Луны. Свет по-разному отражается от облаков, океанов и материков (у них разное альбедо), и по изменению пепельного света Луны можно изучать географию Земли. То же самое происходит, когда вы смотрите в зеркало: свет отражается от предмета, летит к зеркалу, вторично отражается и попадает в ваш глаз.

Так и художник ловит свет, отражённый предметом, и вторично отражает его в картину движением кисти. Для зрителя картина – ещё одно зеркало, в котором он видит третье отражение. Но процесс не останавливается на числе 3, а устремляется в бесконечность. На этом построено известное гадание «на жениха»: два зеркала ставят друг против друга, и возникает бесконечный коридор, из которого «жених» и появляется. Это бывает страшно, и руководства по гадательной магии строго рекомендуют убирать зеркала сразу, как только из бесконечной глубины зазеркалья появляется кто-то или что-то.

Люди из некоего Всемирного фонда «Зеркало священных текстов и картин» развлекались тем, что приставляли зеркало к знаменитым картинам и смотрели, что получится. В картинах Леонардо получалось изображение ветхозаветного Яхве и прочие

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

сакральные образы, в том числе непристойные. Пока ещё не додумались ставить два зеркала друг против друга. Но именно это и происходит, когда кисть касается бумаги или холста. Встреча двух зеркал: художника и картины. Леонардо убирает кисть. Картина не закончена.

Но это не помогает, потому что картина – не обычное зеркало, она хранит в себе все отражения: художника давно «убрала» смерть, а бесконечный коридор остался. Теперь в него смотрит зритель. Когда учёным и шарлатанам надоест «Код да Винчи», они возьмут другую картину, другого художника и увидят внутри ещё один слой, потом ещё... новый бесконечный коридор.

Географию мира можно изучать по изменению пепельного света картин. Но для этого достаточно двух отражений. Зачем нужны остальные? Может быть, для того человек и создан? Не камень, не дерево – это всё «география», – а именно «по образу и подобию» сотворено существо, которое само может творить. И когда эти два творения встречаются лицом к лицу, из бесконечного коридора является Бог. Или это Он сам всматривается с другой стороны зазеркалья и ждёт появления человека?

Равела проснулся от поллюции, чего не было с юности, и, глядя в зеркало в изножье кровати, увидел свой пепельный пенис, закрывший половину лба.

Окно Четырнадцатое

Помпеи. Италия.

Когда философско-исторические изыскания окончательно опротивели Равеле Акварелисту, он отправился в Неаполь. Залив сверкал солнцем, а в городе было шумно, многолюдно и жарко. Женщины здесь коптились как бамбергское пиво, а их вульвы благоухали как альпийская роза. Равела перебрался за город и поселился рядом с Помпеями. Перед рассветом, пока туристы ещё спали, он прогуливался по пустынно-холодным улицам открытого из-под пепла города, избегая помпезных площадей, задерживаясь в тени маленьких двориков и заглядывая в тесные комнатки без мебели и утвари, покинутые своими хозяевами 2000 лет назад. То ли из-за, того что у стен не было крыш, то ли из-за того, что стены были голые, город казался бесстыдным, как онанирующий эксгибиционист. Встающее солнце бросало длинные лучи вдоль стен и длинные тени вдоль мостовой. Лучи перемещались, высвечивая одну за другой полустёртые фрески.

Больше всего таких фресок сохранилось в двухэтажном лупанарии, и, чтобы защитить их от палящего солнца, реставраторы навесили крышу. Там Равела и прятался от жары, переходя из комнаты в комнату, разглядывая неприличные рисунки, присаживаясь на каменные лежанки и пытаясь представить, как все это выглядело до извержения Везувия. В одной из комнаток лежанка была уже занята – там сидела девушка и тоже разглядывала

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

фрески. Равела присел рядом. Они поделились друг с другом своими впечатлениями от рисунков, Помпей и Неаполя, своими взглядами на искусство, своими историями жизни и своими планами на будущее. Девушку звали Карла, и под платьем она не носила нижнего белья.

Равелу всё больше занимала проблема пепельного света, только не Луны, а искусства. Прямая передача казалась ему вульгарной, цвета – глупыми, линии – чудовищными, а сюжеты – извращёнными. Задача художника – не в том, чтобы передать то, что он видит, а в том, чтобы похоронить это в себе, допуская в картину лишь то, что в нём самом не помещается.

В доме у Карлы стояла копия лежанки, на которой они познакомились, только не каменная, а склеенная из дощечек вишнёвого дерева и покрытая зелёно-жёлтым шёлковым покрывалом. Когда они попытались на ней заняться любовью, у Равелы ничего не получилось. И они вернулись в Помпеи, на голый камень пепельного цвета. Холодный камень источал древний эрос, как иконы – миро.

Письмо Карлы, полученное Равелой уже в Черногории, было копией письма Кончетты, за тем исключением, что муж Карлы не был импотентом, но зато быстро умер.

Окно Пятнадцатое

Каламбака. Метеоры. Трикала. Фессалия. Греция.

Путь Равелы Акварелиста из Германии в северную, а потом южную Италию, проходил не столько в пространстве, сколько во времени – вспять. Он наметил дальнейший маршрут через Грецию в Египет и для начала переехал в Каламбаку у подножия Метеор на западной окраине Фессалийской долины.

Когда прибыл ещё один «Codex Arundel», Равела подумал, что это дубликат полученного ранее, пока не увидел греческий текст. К тому времени он узнал о Леонардо да Винчи, как раньше о теле своей фрайбургской жены, так много, что тот перестал его интересовать. Только происхождение матери Леонардо скрывалось в тумане: евреи считали, что она была еврейкой, армяне – армянкой, а русские – русской.

«Неужели Леонардо был греком?» – удивился Равела. Но всё объяснилось проще: название «Codex Arundel» означает не только текст Леонардо, но собрание многих манускриптов из коллекции графа Арундела, приобретённой Британским музеем. Текст Леонардо имел номер 263, а этот, ошибочно посланный, – 520. Он был написан в 14-ом веке Каллистом Меленикиотом и назывался «Исихастское утешение».

Скалы Метеор похожи на гигантские вертикально стоящие тубы, из которых выдавили по капле алой краски, и она приняла форму игрушечных монастырей. Бог бросил краски и ушёл, думал Равела. Мир не закончен.

– А мы – подмастерья, – продолжил Солио Философ. – Пытаемся дописать картину. Ты знаешь, что это такое: великий замысел и ремесленное завершение. Хотя Каллист, похоже, думал иначе. Он пытался увидеть Бога и понять Его замысел. Точнее, не понять, а узреть, как он говорил, безочесно.

– И для этого нужно было сидеть, упёршись подбородком в грудь и разглядывать свой собственный пуп?

– Обычная мистическая практика, на Востоке очень распространённая. Чуть ниже пупа сосредоточено то, что мы называем душой. Само слово «Бог» Каллист производит, следуя античной традиции, от слова «созерцать».

– Когда я созерцаю свою душу, у меня начинается эрекция и мне не до Бога, – Равеле казалось, что его тело – тоже маленький тюбик, из которого выдавили красную от жары голову. Он не понимал, как можно увидеть Бога.

– Неисповедимы пути к Господу, – Солио медленно потягивал македонскую «Вергину». – Странно, что ты хочешь понять – это бремя философов, а ты – художник, ты должен просто видеть. И, кстати, почему ты видишь в этих скалах тюбы с каплями краски, а не фаллосы с каплями спермы?

Равеле вдруг расхотелось путешествовать вспять по времени. Это время слишком велико для меня, думал Равела. Моё время маленькое и свёрнуто в кольцо, время-тондо, и внутри круглое окно. Что там говорил Каллист? Душа любит взирать на свою причину. И становится нагой. И возвращается на север.

Окно Шестнадцатое

Круя. Гора Сари Салтики. Албания.

В албанском городе Круя на вершине горы Сари Салтики Равеле Акварелисту приснился сон. Он бежал по улицам города: то вверх, то вниз, пытаясь выйти из сектора обстрела. Длинная юбка всё время путалась в ногах, а головной платок сползал на глаза. Неужели я женщина? – подумал Равела и решил проверить. Он спрятался в зарослях маквиса и спустил шальвары. Члена и мошонки определённо не было. Равела присел на корточки, автоматическим движением достал из кармана фартука зеркальце и установил его между ног.

– Он видит странным образом видение невидимого и безвидный вид, – снова донёсся голос Солио. – Он видит, что не видит, и его ум останавливается.

Равела осторожно выглянул из-за куста. Солио Философ стоял на верхней площадке минарета, держа мегафон двумя руками, как станковый пулемёт, и, поводя им налево и направо, продолжал кричать:

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

– Ум от природы прост, но он раздробляется на то, что созерцает. Только истина может освободить его.

Каллиста цитирует, – успокоился Равела и вернулся к делу. Уже запустив два пальца во влагище, он почувствовал чей-то взгляд. Это был мальчик, наблюдавший за Равелой из окна соседнего дома. На крутом склоне горы окно второго этажа оказалось точно на уровне зарослей, в которых прятался Равела.

– Слово является препятствием, – продолжал Солио. – Успевшие в молчании прекращают пользование словом. А вместе с разговором стараются избегать и самого мышления. Ведь всякий смысл бывает после мысли.

Равела поспешно поднял штаны, оправил юбку и пошёл по улице, опустив голову и искоса следя за минаретом. Там Солио боролся с двумя служителями мечети, пытавшимися отобрать у него мегафон.

Равела проснулся среди ночи, вытер с лица холодный пот и подошёл к окну. Всё было залито лунным светом. Одновременно ледяным и удушающе жарким. Глаза видели холод, а всё остальное тело чувствовало жару.

– Вопреки общепринятому мнению, не бывает холодных красок, – заявил утром Солио Философ после первой кружки тёмного «Корча». – Как акварелист, ты знаешь: все краски тёплые, разве что одни погорячее других. Пустота и белизна бумаги – вот где холод. Люди ошибаются: «космический мрак» – это не «очень темно и холодно», а «очень светло и холодно». «Пресветлый мрак».

– Каллист говорил о Божественном мраке, а вовсе не о космическом, – возразил Равела. – Но ты не веришь в Бога – что тебе этот византийский монах?

Солио надолго замолчал.

– В детстве я жил в маленьком городке, в доме рядом с мечетью. И я мечтал стать муэдзином. Пять раз в день подниматься на минарет и созывать людей на молитву. Получать за это деньги. И ни о чём не беспокоиться. Потом я вырос, занялся философией и стал пить пиво.

Окно Семнадцатое

Набережная Регницы. Бамберг. Верхняя Франкония. Бавария. Германия.

На берегу Скадарского озера в Черногории Равела Акварелист вспомнил Белое озеро в Каринтии. Небо стекало в воду, вода стекала на землю. Шёл дождь. Светило солнце.

Солио Философ молчал, склонившись над тарелкой, всецело поглощённый удалением костей из зеркального карпа. Он даже не процитировал Лао-цзы, говорившего, что художество подобно приготовлению блюда из мелкой рыбы: не то требует такой же осторожности и терпения, не то, напротив, ничего не требует, кроме безмятежности, потому что в уху рыбёшку бросают непотрошёной и нечищеной.

Но сначала Равела вспомнил Карлу, от которой только что получил письмо. Кто зачал ей ребёнка? – думал он. – Я или богатый муж? То, что муж умер, казалось, делало его непричастным. Но и даты не совпадали, разве что Карла переносила плод. Равеле представились пепельные камни лупанария, пропитанные древней помпейской спермой. По утрам они были влажными от росы. От росы? И блестили на солнце. Или это блещут на солнце воды Скадарского озера?

Потом Равела вспомнил Кончетту. Её муж-импотент точно был ни при чём. Я даже не знаю, кого нарисовал своим членом, – думал Равела. – Девочку или мальчика? Она не писала об этом. Может быть, я тоже непричастен? Кончетта идёт по узкой улочке Венеции, её обнимает туман, который поднимается из одного канала, чтобы перевалить через улицу и опуститься в другой канал. Так переваливается туман с холма на холм на той стороне Скадарского озера. Но это два разных тумана. Туман Венеции подобен маске, скрывающей вождество, а Скадарский туман невинен как дитя.

Равела вспомнил Шварцвальд, Фрайбург, белую царапину к востоку от ануса и красную родинку к западу от препуциума клитора, между которыми был путь как от Фрайбурга до Бамберга. На ощупь проходит этот путь слепой музыкант. Какую мелодию извлекает он своими чуткими пальцами?

Солио Философ наконец поперхнулся рыбьей костью и, откашлявшись, изрёк:

– Всё проходит, как не было написано на кольце царя Соломона, если, конечно, «всё проходит» не имя Бога.

Прополоскав горло хорошим глотком «Регента», Солио добавил:

– Женщины – это вечные константы, к которым вечно примеряется вечно переменная сущность мужчины.

Кто такой Солио Философ? – впервые задался вопросом Равела. Тот, между тем, продолжал:

– В анкете на получение небесной визы где-то между «Цель визита» и «Продолжительность пребывания» наверняка есть пункт: «Перечислите женщин, внутри которых Вы побывали за последнюю вечность».

Мальчик-муэдзин?

Окно Восемнадцатое

Монастырь Морача. Монастырь Острог. Черногория.

– Я не хочу больше рисовать, – заявил Равела Акварелист, осторожно ступая по дощатому настилу и глядя вниз, как выбегают пенящиеся воды реки Морача и бьются об огромную каменную глыбу, отколовшуюся от старого моста и непонятно как оказавшуюся метрах в пятидесяти ниже по течению. Солио Философ, оставшись там, где обрывались шаткие деревянные перила, глядел в противоположную сторону, где сверху из-под монастыря срывался водопад Светигора.

– Тогда тебе одна дорога – в монахи. Но знаешь, чем монах отличается от художника? – Солио выудил из кармана бутылку «Ник Голд» и отпил. – Художник не пропускает ни одной юбки. Особенно, если он слишком стар для

этого, – добавил Солио, когда Равела подумал, что слишком стар для этого. – Оба они несвободны: но один подчинился Богу, а другой с Ним соперничает.

– А при чём здесь юбки?

– К слову пришлось. Слово «юбка» – по-итальянски *sottana* означает ещё и «сутану». А началось всё с коричневой тоги, которую носили проститутки древнего Рима, у них эту одежду и позаимствовали кающиеся монахи. Ты перестанешь быть художником не тогда, когда бросишь кисть, а когда завяжешь узлом свой пенис.

– Вряд ли это возможно: он у меня не такой длинный.

– Я говорю о пенисе вот тут, – Солио сердито постучал пальцем по лбу.

– Ты слишком много говоришь. И нет у меня никакой ревности к Богу.

Солио допил пиво и аккуратно поставил бутылку на доску:

– Говорить – моя профессия, так же как твоя – молчать.

– Ты знаешь, почему твои акварели нагоняют тоску? – продолжил Солио разговор позже, когда они поднимались по дороге к монастырю Острог, и сам же ответил:

– Потому что ты прикован к реальности, но ты её не любишь. Ты рисуешь цепи, которыми прикован. Как вот этот монастырь, прикованный к скале. Как Прометей. Скажи, Равела, что ты украл у богов?

– Не знаю, что я украл, – отвечал Равела, – но, похоже, мой орёл – это ты.

– Очень смешно, – Солио остановился, чтобы сделать из пол-литровой банки глоток тёмного «Никшича». – А я тебе скажу: ты украл любовь. И подарил её женщинам. Только она у тебя не может сосредоточиться ни на чём, ни на ком. Ты не любил ни одну женщину, ты любишь их всех скопом. Да не любишь ты никого, ничего, кроме своего фаллоса, которым размахиваешь, как кистью.

– Да пошёл ты, – озлился Равела, но пошёл сам, оставив запыхавшегося Философа внизу. Монастырь навис над ним белоснежной могильной плитой, действительно будто прикованный к красной щели в горах, похожей на вульву.

Окно Девятнадцатое

Котор. Черногория.

Равеле Акварелисту снилось, что он дошёл до окраины Котора: вот городская стена, вот стена дома, на которую он опирается правой рукой, а над головой почему-то горизонтально висит тяжёлая деревянная лестница. Слева на верёвке, натянутой между фонарным столбом и каменной стеной, из которой непонятным образом растут какие-то зелёные кусты, сушится бельё, старательно развешенное так, чтобы цвета плавно переходили от белого к розовому и дальше к синему. Наверху за стеной – трёхэтажная башня дома 507 с двумя симметричными водосточными трубами: справа новая, светло-серая, а слева старая, ржавая. Впереди одиннадцать каменных ступенек поднимаются к чёрной двери дома 509. Ступени разбиты, зато справа есть железные перила.

Она выглядывает из окна второго этажа, потом исчезает, потом дверь открывается, и она помогает Равеле войти в дом. На ней короткая светло-серая юбка и такая же майка, только в синюю полоску, она босиком. На втором этаже есть окно, в котором за красными черепичными крышами виден кусочек Которской бухты и гораздо лучше – другой её берег.

Она усаживает Равелу в кресло, садится на стол, поднимает юбку и раздвигает ноги. Равела надевает очки. Её нижние розовые губы раздвигаются в улыбке, её нижний красный рот раскрывается, внутри него темнота. Равела видит, как дрожит кусочек плоти, похожий на язычок, и, следя за его артикуляцией, которая становится всё точнее, видит звуки, видит, как они складываются в слова, но смысл ускользает.

– Вам плохо? – наконец, понимает он и открывает глаза. Она присела перед ним на корточки, он видит её белые трусики. Значит, он тоже сидит. Равела чувствует спиной грубый камень стены.

– Вам помочь? – она берёт его за руку и поднимается. Равела смотрит вверх, над его головой почему-то горизонтально висит тяжёлая деревянная лестница. Он тоже поднимается.

– Спасибо, всё в порядке.

– Вы уверены?

– Не беспокойтесь, просто голова закружилась, уже прошло.

Она уходит, но оборачивается на последней, одиннадцатой ступеньке. Равела машет рукой: «всё нормально», и она скрывается за чёрной дверью. Равела медленно возвращается к Часовой Башне на площади Оружия, где в кафе «San Giovanni» (в честь Иоанна Крестителя) ожидает Солио Философ.

– Видишь около башни пирамидальную колонну? – говорит Солио, приканчивая вторую кружку словенского «Лашко». – Это средневековый Позорный Столб. Но около него стояли не преступники, а те, кто нарушил негласные моральные правила. Например, художник, бросивший кисть и друга.

В 19-ом окне изображено дерево с одиннадцатью ветвями, крутая скала справа и под ней нервный контур странствующего монаха в коричневой рясе.

Окно Двадцатое

Отель «Каменхоф». Вайссензее. Верхняя Каринтия. Австрия.

В маленьком семейном отеле «Каменхоф» на Вайссензее комнаты и апартаменты имели не номера, а имена – имена цветов. Квартирка Равелы и Солио называлась «Нарцисс», а её – «Лилия». Её звали Леони, и её глаза были по-прежнему как у птицы, взмахнувшей крыльями.

– Если верить врачам, это моё последнее лето, – сказала она и жестом попросила подлить ей тёмного «Morchl» из Хирта. – Поэтому я тебя разыскала и позвала сюда. Ты единственный, кого я лишила девственности. – Её сухая рука держала кружку с пивом так, как когда-то держала фаллос Равелы. – Теперь ты должен лишить меня моей боли. Она мне надоела, и я хочу умереть не от неё.

– Лоне, что ты хочешь этим сказать? – Равеле вдруг стало холодно.

– Не бойся, дурачок, – сказала она насмешливо. – Ты и тогда боялся, – продолжила мечтательно. – Ты должен всего-навсего меня трахнуть, – закончила решительно. – Если не побрезгуешь, – добавила без выражения.

Она закрыла глаза, и её лицо стало похоже на лицо хищной птицы под крылом тёмно-стальных волос, крылом коршуна. Если существует красота старости, подумал Равела, то она должна быть вот такой: лишённой всякой благообразности, иными словами, старческого инфантилизма. Пять пластмассовых кружков на голове запульсировали, и он почувствовал эрекцию.

– «Каменхоф» можно прочесть как «прибывали ко двору», – говорил Солио, когда они шли по узкой тропинке вдоль кромки воды. – Или как «двор муз» от римских «камен» – поющих нимф источников, наделённых даром пророчества. Вряд ли она выбрала этот отель случайно. Что ты будешь делать?

Из багрового тумана 20-го окна выплывает бесформенная жёлтая фигура, сжимающая в руках ярко-красный фаллический посох. У неё нет лица, и даже непонятно, мужчина это или женщина. Равела или Леони.

– Впервые встречаю женщину, разбирающуюся в пиве, – говорил Солио, развалившись в кресле на балконе их «Нарцисса». – Этот «Hirter Morchl» – настоящий деликатес. Кстати, название – не от слова ли «morchel» – сморчок?

Из багрового тумана выплывает и дерево без листьев с зелёным стволом.

Взгляд Равелы двигался вниз: от сложенных крыльев глаз, мимо закрытых глаз богомола, по светлой линии альба, пока не упёрся в тёмно-стальной треугольник, пока простынёй не укрыли тело.

– Значит, она сама вас об этом просила, – не спросил, а констатировал полицейский. – Но это я должен забрать с собой, – он положил записку в папку.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

– Я расплатился с хозяевами отеля, – сказал Солио. – Мы можем ехать. Долгое время, что шоссе тянулось вдоль берега, Равела ждал, не появится ли белый туман над водой. Небо было ясным, солнце сверкало, тумана не было.

Окно Двадцатое первое

Дом над обрывом. Долина Мальтаталь. Верхняя Каринтия. Австрия.

Равеле Акварелисту снился шум водопада. Он проснулся, чтобы написать последнее, 21-ое окно: белые души в зелёно-жёлтом тумане. Душа слева, отвернувшись от всех, сидит на камне, опустив голову. Душа справа, отвернувшись от всех, уходит. Вторая душа слева хочет что-то сказать, но у неё нет рта. Вторая душа справа хочет что-то увидеть, но у неё нет глаз.

– Круг замкнулся – сказал Солио Философ. – По всем законам жанра ты должен умереть – здесь и теперь.

Круг замкнулся, думал Равела, когда, проснувшись утром, увидел тёмно-серый туман, светло-серые горы и чёрные деревья, которые на самом деле были чёрными. Дырки в его голове больше не пропускали краски земли и неба.

– Женщины тебя любили не из-за тебя самого, а по другой причине, – говорил Солио. – Как писал Каллист Меленикиот, к зеркалу подходят из-за отражаемого в нём, или показуемого им. Если ты не видишь краски, то это не потому, что их нет, а потому, что частично тебя уже нет.

Это был коршун, он клевал ступни моих ног, – вспомнил Равела рассказ Кафки. – Он взлетел, запрокинулся весь далеко назад для пущего размаха и затем, точно копьеметатель, глубоко вонзил свой клюв мне в рот.

Ночью Равела выглянул в окно, чтобы увидеть, как над водопадом, повернувшись лицом к Луне, безнадежно мастурбирует Солио Философ.

Дом был старый и тёмный. Новые владельцы превратили его в охотничий домик, и пускали гостей за небольшую плату. Они починили крышу.

Однажды Солио спустился вниз, в Пфлюгхоф, чтобы купить пива. И не вернулся. Равела ждал приближения зелёно-жёлтой лихорадки. Но её всё не было. А потом ему сообщили, что Солио Философ умер от сердечного приступа, и тело его лежит в городском морге Мальты. Странно, что у философов тоже бывают сердечные приступы, думал Равела Акварелист. Он взялся сопровождать гроб и отправился в путь. На ту сторону Высокого Тауэрна, мимо Кёнигсзее, мимо гор Берхтесгадена, до самого Бамберга...

Каллист Меленикиот писал: «Переход в стояние и покой в себе есть конечная цель и равным образом успокоение для твари». Но Равела Акварелист по-прежнему не понимал, что такое покой эрекции в сером мире.

ФИЛОЛОГИЧЕСКИЙ ЛИКБЕЗ

Ольга Грушевская

(МОССАЛИТ, Москва)

КИНО НЕ ДЛЯ ВСЕХ:

«Акварельные окна Игоря Бурдонова»

Личные впечатления о романе-миниатюре

И. Бурдонова «Равела Акварелист»

Не буду оригинальна, говоря...

Не буду оригинальна, говоря, что «Акварельные окна» - это мои сугубо личные впечатления о произведении Игоря Бурдонова «Равела Акварелист», которые так же субъективны, как и акварельные полутона самого автора представленного романа-миниатюры, да и всего искусства в целом. Как и большинство произведений Игоря Бурдонова, «Равела Акварелист» не только удивляет читателя структурной продуманностью построения сюжета, но и погружает нас в изысканное и хорошо узнаваемое авторское, а потому бесконечно ценное видение окружающего мира. Уже сам жанр, предложенный читателю, - роман-миниатюра - есть по сути своей некий оксюморон, совершенно точно отражающий структуру текста.

Это – роман-размышление, плотно насыщенный художественными образами и символами, провоцирующими читателя на собственные умозаключения.

Это – роман-путешествие, переполненный грустью и мистически-реальной географией, заставляющий думать о собственном пути.

Это – роман-вектор, который, хотя и состоит из самостоятельных и гармонично законченных миниатюр-окон, совершенно четко ведет читателя, ступенчато, в задуманном автором направлении.

И, наконец, это роман-галерея, наполненный литературными миниатюрами и живописными картинами.

Не буду подробно говорить о сюжете – в предложенном повествовании он есть, и его одновременно нет, как и «времени»; времени, которое в тексте должно было бы быть, но отсутствует, просто нет необходимости в этом времени как в единице измерения, как нет в нем необходимости и в самой природе.

Могу лишь рекомендовать прочитать работу и получить особое удовольствие от мягкой мелодики «Равелы», от изысканных смысловых находок, от неожиданных мини-сюжетов, от метафоричности и даже от фонетических «спотыканий» - особых авторских ловушек, хитро

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

разбросанных по всему повествованию и заставляющих читателя перевести дух и на минуту задуматься - погрузиться в свои новорожденные и незнакомые самому себе мысли, навеянные ироничным повествованием «Равелы». А остановившись на минуту-другую для собственных размышлений, можно параллельно и делом заняться – рассмотреть иллюстрации автора, которые сопровождают путешествие Акварелиста и выступают самостоятельным героем всего романа – изобразительным.

Но это лишь вступление.

На самом же деле...

На самом же деле представленные здесь личные впечатления могут быть понятны лишь автору и, конечно, тем, кто с текстом знаком, или хотя бы знаком с творчеством Игоря Бурдонова и особенностью его произведений. И, как все личное, эти впечатления не могут претендовать на что-то универсальное, а также нет никакого смысла их оспаривать – можно лишь прочитать и согласиться, или прочитать и возмутиться, или прочитать и зевнуть... – чего хотелось бы меньше всего.

Короткое отступление. Еду как-то в метро, читаю в сотый раз Милорада Павича «Любовь в Константинополе» и думаю: надо бы обязательно написать Игорю про Павича, что я его люблю – Милорада, естественно, хотя... и Игоря ничуть не меньше, и что, читая Игоря, я начинаю «плыть» так же, как от Павича – вне времени и пространства, а потому пропускаю свою остановку.

Но Игорь оказался быстрее меня! Добравшись до компьютера и открыв почту, я обнаружила его письмо, где были следующие слова:

«...Про мир, который звучит «ТАК» (про звучание мира «так» будет идти речь чуть ниже). Тут для меня образец стиля – Милорад Павич. У меня тоже перехватывает дух, когда я читаю его «комбинации» (как макро-конструкции его романов, так и, особенно, микроконструкции его метафор). У меня в «Равеле» есть пара фраз в духе Павича, но вообще-то писать, как он, смысла нет».

Что здесь скажешь? Вот оно классическое созвучие, ради которого хочется заглянуть за поворот этой жизни и увидеть, что... мир круглый и острый одновременно, а девичьи косы, вплетенные в лунные отблески, знают порой больше, чем припыленные инеем тщательно уложенные пряди стареющих львиц.

Но к тесту...

Но к тексту! Нет смысла тянуть! Поговорим по существу.

Позвольте мне писать обрывочными мазками – о том, что особо понравилось, а понравилось многое. И сам чудаковатый Равела, и его «путешествия» с реально-мистической географией, и акварельные Окна, и диалоги – вроде как ни о чем, но по сути методично обучающие. Все структурно продумано и скомпоновано, как в математике, вплоть до размеров миниатюр - все это вместе создает логически последовательную цепочку ощущений. Но вместе с тем возникает странное предчувствие, что начать читать можно с любого «Окна» и получить при этом почти полное представление о герое и его состоянии, и вектор движения вовсе не изменится, не изломается, а причина и следствие полностью перетекут друг в друга и приобретут равнозначность. Это ощущение, на мой взгляд, идет от законченности каждой части - каждой отдельно взятой миниатюры.

Здесь уместно будет сказать пару слов о жанре миниатюры, в котором Игорь Бурдонов плавает как рыба, а в «Равеле» - превзошел себя. Миниатюра предполагает малые размеры текста, лаконичность изложения, емкость символов, динамичность, наличие мини-сюжета и универсальность вывода на примере отдельной темы. Иными словами, миниатюра - это законченная картинка в рамке, которую нельзя ни расчленить, ни дополнить, ни продолжить. Миниатюры в «Равеле» полностью отвечают всем этим признакам, а потому по праву ими называются. При этом есть и особенность - миниатюры у Бурдонова предполагают некое продолжение – мостики – из Окна к Окну (по заявленному условию: роман), но каждая из них все равно выверена по смысловой и ритмичной завершенности.

О смысловой завершенности, художественных приемах и изысках Бурдонова можно говорить долго и бесконечно приводить в пример словосочетания и комбинации, от которых захватывает дух - хочется их повторять, нашептывать себе под нос, а то и ввернуть где-то публично в качестве оригинальности. Но для меня лично авторские «штучки» ценны все же не столько своей неповторимостью (тут ведь кроется опасность, что автор ради оригинальности только и делает, что изошренно стыкует красоты), сколько близостью мировосприятия. Нисколько не умаляя достоинств автора, скажу больше: лично мне эти изыски не кажутся чем-то сверхъестественным, а являются единственно возможным способом передачи своих ощущений – мир видится и звучит именно ТАК. Именно *так* мир звучит у Бурдонова, именно *так* звучит мир для меня и, думаю, еще для многих. Именно *так* мне все в нем - в мире - понятно. И малопонятно - иначе, обыденно и ясными словами.

...красная шляпа светло-серого цвета...

...зелено-желтый туман темно-серого цвета...

Ниже привожу целый каскад неповторимых бурдоновских словосочетаний и «утверждений»:

Ему не хотелось рисовать даль...

...хищные птицы и венецианские острова...

Ее линии были столь же изогнуты, а взгляд остроуголен.

Кончетта отнеслась к рассказу неожиданно серьезно, даже застегнула верхнюю пуговицу блузки...

Неисповедимы пути к Господу.

Душа любит взирать на свою причину. И становится нагой.

... анкета на получение небесной визы...

Бесконечный игровой рефрен словосочетания «зелено-желтый» делает этот цвет в применении к существительным (напр., туман) отдельным героем миниатюр, который появляется и исчезает только по одному ему понятным законам, но который неизбежен и цикличен, как времена года. При этом более плавное и ожидаемое словосочетание «желто-зеленый» автором отвергнуто и образует знаменитую ловушку-спотыкание, которое дает читателю время осмыслить прочитанное.

Все картины-окна как будто бы абстрактны и задумчивы по содержанию - словно мокрая размытая акварель на шершавой бумаге, но при этом присутствуют в изобилии точные яркие детали-мазки, создающие более чем конкретный кадр. Из деталей очень ясно формируется и авторская мысль, причем она достаточно «ребристая» - хочется покрутить, чтобы разглядеть все ее стороны.

Так, среди общей абстрактной картинки повествования, насыщенной словосочетаниями, автор внезапно предлагает читателю неожиданную конкретику: автобус 5230, дома 507 и 509, словно расставляя точки над *i*, словно усиливая четкость и яркость в словесной фотопечати, словно намекая на то, что «все так и было» и «здесь нет никаких авторских придумок».

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Уверена, использование этих номеров не случайно – у Игоря Бурдонова случайностей не бывает, а потому надо дать слово самому автору для постскриптума – приложения к тексту, чтобы объяснить читателю всю игру с этими цифрами.

Вечная тема природы и места художника в мире вновь волнует автора, безусловно, передается его герою и находит отражение в неброских, но точных фразах, например (с учетом контекста):

...Ну, а всё остальное Джорджоне нарисовал ещё пятьсот лет назад...

...явная избыточность тел, голов, рук... (о Леонардо да Винчи)

Вообще, вечная «итальянская тема» всегда колоритна, и тема Леонардо дана здесь, конечно же, с авторским видением: идея субъективной зеркальности творчества любого художника, причем зеркальности многоуровневой.

Задача художника – не в том, чтобы передать то, что он видит, а в том, чтобы похоронить это в себе, допуская в картину лишь то, что в нём самом не помещается.

Человек не может написать ничего, что не оказалось бы правдой.

Пепельный свет искусства...

Бог бросил краски и ушел... Мир не закончен. Мы – подмастерья. Пытаемся дописать картину.

Шокирующе символична идея автора про дырки в голове Равелы, продолбленные птицами.

Птицы продолбили Равеле череп, и ему пришлось спускаться вниз. Голова у него кружилась, он шёл по крутой тропе, пошатываясь и опираясь на белую палку, подобранную у ручья. Автобус 5130 довёз его от Пфлюгхофа до Мальты, где местный хирург заклеил пластмассовыми кружками пять дырок на голове Равелы. Равела купил подержанную красную шляпу, которая казалась ему светло-серой, и отправился странствовать.

И вновь цифра пять... Пять дырок, словно пять чьих-то пальцев.

История с дырками в голове главного героя и смешна, и печальна одновременно, в ней прослеживается жесткий гротеск, который, однако, никоим образом не нарушает гармонию всего повествования. Наоборот, эта символическая история дает развитие идее о зарождении в человеке таланта, о его связи с небесными энергиями и открытыми каналами - «окнами», позволяющими художнику в широком смысле слова увидеть через них Бога – Бога вовне и Бога в себе.

При разговоре о вдохновении и творчестве неизбежно возникает женская и «пейзажная» тема, как одна большая взаимосвязь природы женщины и природы в целом.

Женские образы проистекают друг из друга и дополняют друг друга, словно женщина в романе одна - только в разные моменты жизни. Иронична история последующих мужей женщины.

Нас влечёт в женщине не то, что мы видим, а то, что нам не позволяют видеть. Когда ничего не видно, похоть становится неудержимой. Твоё художество – это совокупление с пустотой.

Женщины – это вечные константы, к которым вечно примеряется вечно переменная сущность мужчины.

Творчество неразрывно связано с природой, которая в высшей степени естественно эротична:

Все эти тучки и дождики, фаллические горы и влажные низины, обнимающиеся деревья, цветочки и пчёлки – природа постоянно совокупляется сама с собой. Но тебе ведь

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

мало подглядывать, ты хочешь сам изображать. И разве не пишут картины по воспоминаниям или по воображению?

И здесь мы плавно перейдем к теме эроса – так называемой фаллической теме, которая в «Равеле» доминирует.

Во все века искусство напрямую, навсегда и неразрывно было и будет связано с эротикой, заложенной в самой сути природы, и, соответственно, в сути самого человека. Художник же, открытый миру и Богу, более чем кто бы то ни было органичен в осознании природы через чувственные импульсы. Именно поэтому даже «безобидные» образы в литературе, живописи и кинематографе порой несут в себе эротические символы, что есть не что иное, как всем знакомая сублимация невыраженных подсознательных желаний художника, его псевдо- (мнимая или желаемая) «эрекция». Эрос присутствует, открыто или завуалированно, всегда – через художественные, музыкальные, живописные конструкции и символы, а порой и через естественный оргазм в момент особого творческого вдохновения.

При всем этом меня как читателя несколько «загрузила» эротическая тема в «Равеле» – больше чем следовало бы. Причем «загрузила» (простите за разговорный стиль) не столько сама эрекция у главного героя, сколько уделенное ей повышенное авторское внимание. «Эрекция» Равелы – задумчиво-самостоятельная и частая, очевидно, должна свидетельствовать о перманентной связи художника и природы. Это отдельный почти центральный образ и символ, равный по значимости Равеле, причем символ – органичный. Но в канве общего повествования он показался мне перевешивающим, а все от того, что слегка (чуть-чуть!) нарушается баланс образов: фаллической темы очень много, и она как будто становится мало управляемой – обособленной от авторского замысла. Ведь если чего-то много (не важно, что это: вода, воздух, любовь, взбитые сливки, сны, туман, люди, мысли, камни...) – то это «много» становится сразу малоинтересным. Это естественно – мы идем туда, где вакуум, стараясь заполнить его собой, и бежим от избытка (даже со знаком плюс), захлебываясь в нем.

Нельзя не сказать отдельно об образе Солио Философа – как о разумном «двойнике» Равелы. Он и самостоятельная личность, и внутренний голос, и то извечное практично-философское начало, которое скрывается в любом человеке, пытающемся понять самого себя и окружающий его мир.

И все же... «Равела Акварелист», безусловно, красивая метафорическая работа, несмотря на мое бурчание про эрекцию. Работа завораживающая, мелодичная, мудрая, полная художественных авторских изобретений и неожиданных поворотов, с внутренней струной, влажная, как акварель, а потому живая и дышащая.

Но допускаю, что она не для всех. Как цикл кинолент: «Кино не для всех».

Москва, октябрь 2012 г.

ПОЭЗИЯ

Николай Хлебников (Москва)

Менуэт для двоих

Я хочу
для тебя
написать Менуэт.
Пусть неясен пока
ни мотив, ни сюжет –
две-три скрипки,
свирель,
клавесин и кларнет
мне помогут раскрыть
Менуэта секрет.

Этот танец забыт.
Он легендою стал, –
слишком много хлопот,
слишком свят ритуал:
Свечи, шторы, паркет
и просторнее зал –
чтобы скромный оркестр
отовсюду звучал.

Как чудесная повесть
далеких времен,
Менуэт с приглашенья
начнется для нас:
Я к тебе подойду.
Руку к сердцу. Поклон.
Ты опустишь глаза.
Реверанс...

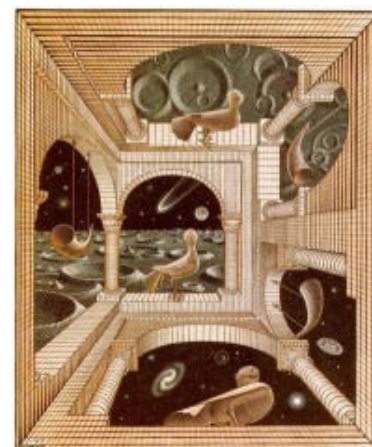
Время скрипкам
едва, еле-еле начать,
чтобы звук их неясно
тревожил и звал.

Время шторы задернуть
и свечи подать –
по ступеням
мы спустимся
в зал.

За окном в это время
пусть будет весна.
Будут вербы и ветры,
ручьи и грачи.
Будет роща в цвету –
хороша и хмельна.
Будут бить молодые ключи!

Тут вполсилы
вступить клавесину.
Сперва
пусть рука твоя
будет лежать на моей,
так, чтоб локоть едва
слышал шёлк рукава,
и – прибавить!..
Прибавить свечей!

Мы пройдем к середине
от белых колонн, –
в это время вступают
свирель и кларнет.
Я на шаг отступлю,
обозначив поклон, –
начинается наш Менуэт.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Здесь несложные па –
Менуэт немудрён, –
Но продуман и стройно закончен их ход:
Словно жизнь:
расставанье...
вновь встреча...
поклон...
И недолгое счастье –
два шага вперед.

Словно жизнь –
в расторженьях,
касаниях рук...
И глаза – то печали,
то счастья полны.
Мы в начале пути:
Нам пройти полный круг
Предстоит.
Мы – юны, влюблены.

Менуэт наплывает,
Чаруя, как сон,
От колонн,
от зашторенных красным окон:
Я – с тобой,
и как будто смещение времён
Совершает известный лишь Небу закон.

Пусть захватит нас танец:
Поклон...Реверанс...
Пусть оркестр наберёт
силу нашей весны.
И в какой-то момент –
мир исчезнет для нас:
Только ты,
Только я,
Только мы...

Но – смолкает оркестр,
лишь скрипка одна
еле слышно поет,
нежной грусти полна.
Погоди! –
до того, как затихнет струна, –
не отдёргивай шторы окна!

Поздно! –
с шумом раздвинулись
крылья портьер.
Ты, опоры ища,
отшатнулась назад.
Все понятным становится
только теперь:
за окном – листопад...
Листопад!

Пред тобою старик.
Не пугайся меня! –
с каждым па
прибавлялись морщинки к лицу...
И, пока не погас свет осеннего дня,
дай мне руку! –
наш танец подходит к концу.

Ты срываешь парик.
Тебе трудно дышать.
Сколько в некогда тёмных кудрях
белизны...

Я хотел Менуэт,
а не Жизнь написать.
Я не думал, что эти понятия
равны.

На восточный мотив

Я сказочно богат. Два дивных изумруда
зелёных глаз твоих и золото волос,
кораллы алых губ и плеч жемчужных чудо
я нынче на руках в своё жилище внёс.

О том же говорят в слиянии заветном
твой влажный поцелуй и твой лучистый взгляд:
"Отныне я твоя... Не забывай об этом:
покуда бережёшь – ты сказочно богат!"

Хоронили дети...

Хоронили дети кошку
без кривляний и без слёз.
Не в игре, не понарошку,
а взаправду и всерьёз.

Тело вынесла хозяйка
на скамейку - осмотреть.
Судмедэксперт главный - Майка -
констатировала смерть.

Витька вынес крест фанерный -
всё по-христиански, чтоб!
А сестрички Надя с Верой
принесли картонный гроб.

За могилу взялся Генка.
От Андрейки был веночек,
а Нинель припёрла ленту
и бумажный образок.

Над могилой готовой,
словно ангелок бела,
Майка-пигалица слово
панихидное взяла:

"Все мы знали кошку Пушу...
Спи спокойно, кошчин прах...
Упокой кошачью душу,
Бог-Отец на Небесах!"

Тут у всей честной ватаги
набежала на глаза
очищающею влагой
долгожданная слеза...

На поминки - снедь из сада:
сливы, райка да ранет,
да бутылка лимонада
с горсткой соевых конфет.

Всё чин чином: ели, пили,
вспоминали кошки прыть
и о планах говорили -
что б ещё похоронить?

- Знаем! - взвизгнули сестрички,
на Андрейку указав, -
у него щенок и птичка!
Он нам сам вчера сказал!

- Не отдам! - сказал Андрейка, -
Туз - породистый кобель...
- Значит, завтра - канарейку! -
подытожила Нинель.

.

Хоронили дети птичку...

Пробуждение

Открываю глаза. Всё – в порядке вещей.
За окном оживает проснувшийся двор.
Золотые пылинки гуляют в луче
от разреза неплотно задёрнутых штор.

Мне знаком этот мир, этот свет, этот час.
Этажерка и коврик цветной на стене.
Гардероб... Абажур... Я их видел не раз.
Ну, а то, что не видел – не надобно мне.

Муха рядышком села. Ну, что ж, последим,
чем займётся сейчас этот шустрик живой...
Моет руки... как будто – под струйкой
воды...
И – под локти ныряет, вертя головой...

Так и буду глядеть: коврик, шкаф, абажур...
Так и буду за мухой-чистюлей следить...
И о том, что не сплю – никому не скажу...

...Я пока не умею ещё говорить.

Сон большого города

(колыбельная)

"Сон разума рождает чудовищ..."

Ф. Гойя

"Джон Дон уснул..."

И. Бродский

Уснуло всё, заполонив огромный город
фантомами своих безумных снов...

Добропорядочность храпит, как сытый
боров,
и дрыхнет, "наработавшись", Любовь.

Спит Деловитость в обстановке
безопасной,
без сновидений – как режим велит...

И Совесть спит. И сны Её прекрасны.
Честь – не у всех... Но, если есть, то – спит.

Спит Вера, подустав от шумных сборищ,
и – ведьмы новые в Её кострах горят...

Спит Разум... И во сне плодит чудовищ.
Не бойся их! Они, конечно, – спят...

Новогоднее со скобками

Подарки, сладости, билеты на спектакли,
игрушки, ёлка и вино – само собой...
(В часах стеклянных наших душ набрякла
капля,
готовая сорваться в миг любой...)

А что нам капля?! Бьёт, не устая,
азарт предпраздничный шампанскою
струей!
(...пока вверху – она вода живая,
сорвётся – станет мёртвою водой...)

За смех, за счастье, за здоровье дзинькнем,
покуда бьют часы двенадцать раз!
(...а между тем – на каплю меньше жизни,
и капель больше стало смерти в нас...)

Год пролетит в безделье ли, в делах ли,
и тайный знак узора на окне
напомнит нам, что вновь набрякла капля...
(...пора подумать о подарках и вине...)

Золушка

(из цикла «Сказка – ложь...»)

– Золушка, Зорюшка, что – весела? –
С песней справляешь работу любую!
– Я на балах эти ночи была!..
Принц обещанье скрепил поцелуем!

– Золушка, Солнышко, месяц истёк...
Где же твой принц? Что же не приезжает?
– Он меня ищет... И мой башмачок
барышням всем по стране примеряет.

– Золушка, Золотко, дай ему знать!
Вряд ли он сам к тебе в дверь постучится...

– Любит – найдёт! А себя раскрывать
было б нескромным для честной девицы.

– Золушка, душечка, скоро уж год
минет с тех пор... Ты б одумалась, право!
– Рано ли, поздно ль, меня он найдёт,
видно большая у принца держава!

– Золушка, матушка, день ото дня
плачешь... Забудь! Принц – повеса и лжец!
– Нет, он здесь был... Он все ищет меня...
Да башмачок мне... не впору уже...

Последний роман

Под санаторным солнцем юга
был строго отведен для нас
один короткий час досуга -
безжалостно короткий час.

Я заглянул в её глаза
и тут же понял: отзовется! -
как отзывается лоза
над нужным местом для колодца.
И я обнял её... Тогда
без тени ложного кокетства
она сказала: "Наконец-то!
Идем к воде. Нас ждет Вода..."

Мы наплевали на "нельзя!",
на злой канон императива.
Я смог уверовать в себя,
она - что до сих пор красива.

Двух душ остаточная нежность
любви свершила волшебство...
Чуть суетливо и поспешно -
не без того... Не без того...

...Потом мы плыли, поверяя
друг другу горести свои...

Кто нам открыл ворота Рая?
Какие ангелы Любви
две остывающие страсти
сметали на живую нить?...

А небо голубою пастью
пыталось море поглотить.

И позади остался страх,
где мы и немощны, и стары
вовек не образуем пары
на иждивенческих хлебах.

Так пусть несёт течением нас
прочь из режимного залива!

Мы не вернёмся из заплыва.
Мы взяли свой последний шанс.

Игрушка

Носатому

Заведи мою пружину, -
я станцую и спою.
С уморительною миной
стану врать про жизнь свою.

Слёзы лить - пустое дело!
Время вспять не отыграть.
Что сбылось - не переделать.
Остается - хохотать.

Даже если посередке
перережет пополам
боль под главной шестерёнкой -
я и вида не подам!

Ты хохочешь до печёнок...
Так, что важно ли уже,
что там треснуло в никчёмной
механической душе?!

Ты покинешь рано утром
холостяцкий жалкий быт.
Побежишь к друзьям-подругам...
Я - останусь, где и был.

Неполадки подзавода
стану спиртом протирать.
Дни считать... Недели... Годы...
Словом - ждать.

Ты бы не забыла только,
что живет в большой Москве
в однокомнатной хрущёвке
клоун, преданный тебе.

И когда тоска нахлынет
так, что снова - хоть в петлю! -
заведи мою пружину...
Я станцую. Я - спою...

Трусливое без подлежащего

Кулон на память да букетик астр,
да в форме сердца – надувной весёлый шарик...
Вручая ей, обмолвился, смеясь,
что это – больше символ, чем подарок.

Ломал ботинком мёрзлых луж слюду.
Шуршал листвою по аллеям сквера.
И целовал её нескромно – на виду
у прячущих глаза пенсионеров.

Болтал без умолку о счастье и любви,
не оставляя ни секунды на вопросы.
Монеткой нацарапал «К + И»
на гладкой коже молодой берёзы...

В уютном ресторанчике всерьёз
вновь повторил дневные обещанья.
И, взяв бокал, с улыбкой произнёс
Тост за любовь и скорое свиданье.

Пройтись пешком? Ну, что ж – да будет так!
Не зная города, впервые став ведомым,
чуть нервничал, но – не прибавил шаг.
И точно к сроку оказался у вагона.

Войдя в купе, с той стороны окна
Расплющил губы рыльцем поросёнка.
Последнее сработало: она
впервые рассмеялась, как девчонка...

...Всё по инерции махал рукой – туда,
где исчезали огоньки вокзала...

Он знал, что уезжает навсегда.
И был уверен, что она...
Не знала?...

Пятьдесят на пятьдесят

I

Стерильный и снаружи и внутри,
Но всё живой ещё, ещё – не в катафалке,
В полусознании считаю фонари
Больничным коридором на каталке...

Припоминаю, что говаривал хирург,
Великий маг, кудесник воскрешенья:
– Шанс есть. Не упускайте же из рук
единственного верного решения!
С таким «мотором» Вы – у входа в Ад!
А с операцией – не буду лицемерить –
Надежда где-то – пятьдесят на пятьдесят...
Ну, пятьдесят один на сорок девять!

Я попросил его подбросить пятак,
Он лёг на простыни передо мною – решкой...
Я перевёл глаза на потолок
И выдохнул одно лишь слово: «Режьте!»

II

Всё, как читал: туннель и яркий свет,
И Храм Небесный, и Хозяин у порога...
Спрошу сейчас – есть шансы или нет? –
Впервые без посредников – у Бога!

– Постой, – кричу, – позволь вопрос задать!
Не ты ли вседержитель судеб мира?
Тогда скажи – куда меня девать?!
Иль жизнь даруй, иль – в прах аннигилируй!
Что мне болтаться между Небом и землёй?
К чему мне спазмы возвращающейся боли?
Зачем там врач колдует надо мной?
Определился б ты со мною, Боже, что ли?!
И я покорно, без восторгов и без слёз
Пред волею Твоей склоню колени...

Он дал мне знать, что понял мой вопрос
И – в Храм вошёл по солнечным ступеням...

Я, каюсь, заглянул в Его чертог
В надежде скорого и точного ответа...

...Всезнающий и всемогущий Бог
Как раз готовился подбрасывать монету...

Искушение жизнью (вариация на тему героизма)

"...но рухнет на город пустой самолёт..."

"Огромное небо", песня 60-х

Он видел, что не успевал...
Несносно долог
под ним, кварталом за квартал,
тянулся город...
А Жизнь стояла за спиной
и – то молила,
то словно спицею стальной
тянула жилы:

– Рискнешь... Можешь опоздать...
Есть полминуты –
использовать пинок под зад
от катапульты...
Ну, что поделать? Не герой...
Не нужно позы!
Зато – живой... Пойми: ЖИВОЙ!
Серьёзный козырь...

...А как же мама, сумасброд,
куда ей деться?
Она же не переживёт
с таким-то сердцем...
...Ты помнишь – в детстве, обнявшись,
на карусели
с каким восторгом вверх и вниз
вы с ней летели?...

...А как ты школьную тетрадь
всю до листочка
извёл, пострел, смешно сказать, –
на "ястребочки"...

...А Ленка?... Ты же обещал
и клялся слёзно...
Кончай дурить... Бросай штурвал...
Ещё не поздно...
...Ты всё подкалывал, шутя,
что пополнела,
а в ней растёт твоё дитя...
такое дело...

...Ну, вот и слёзы... Нос утри...
Ты жнёшь, что сеешь.
Есть пять секунд... Четыре... Три...
Ещё – успеешь!..

Жизнь билась мотыльком в висках,
теряя силы...

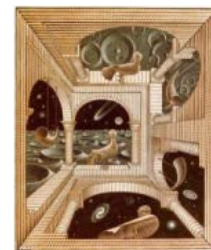
Он плакал. Но штурвал рука
не отпустила...

Питер Брейгель. Перепись в Вифлееме

ПОЭЗИЯ

Игорь Беляков(И. Болшев)
(Москва)

Зимний пейзаж

Дерев облетевшие кроны,
системою став корневой
обратно, будто бы склонны
питаться небес синевой.

Нектар неземной проникает
вовнутрь обнажённых ветвей,
изысканно их искривляет,
и смотрится древо живей.

Его разветвлённые жесты
с другими сплетаются в ряд,
и кажется – древние тексты
деревья зимою хранят.

Прохожий глаза поднимает
на графики тонкий узор
и ждёт наступления мая,
который порадует взор.

О знакомом только заботлив,
пытливый не выказав нрав,
так зрит человек иероглиф,
значенья его не поняв.

Призрак встречи

Давно живущий на покое
старик с седой бородой,
гуляя как-то раз зимою,
увидел бабушку с клюкой.

Она брела по тротуару,
а сверху тихо падал снег.
Был солнца свет довольно ярок
и затруднял поднятье век.

Вгляделся старичок: она ли?
Знакомый профиль, схожий шаг...
Старушка продвигалась дале,
а он не мог понять никак.

И только чувство молодое
кольнуло счастьем и тоской.
– Я встретил вас, и всё былое, –
сказал он... и махнул рукой.

Снежинки

С неба седого
слепые снежинки
сыпались, словно
соцветий слезинки,

сонно сплетая
свои пелеринки,

сплошь заметая
следы на тропинке,

сыпались, словно
слонятам на спинки
скромно и ровно
стелили перинки.

В поезде

За скромную плату земля завелась
и вертится резво снаружи.
А думал ли кто, что дана людям власть
сказать ей, сильнее пусть кружит?

За окнами поезда мчатся назад
деревни, поля, перелески.
На них задержать не получится взгляд,
спокойно настроить на резкость.

Невольно подумаешь – жизни пейзаж
вот так же стать прошлым стремится,
как будто наш путь на земле – вернисаж,
где собраны дней вереницы.

И, словно былое увидев в окно,
полюбишь с тоскою бездомца
то в дальней дороге, чему суждено
быть образом неба и солнца.

Сизокрылый дым

Когда небесный полог ткан
сияньем голубым,
стремится в гости к облакам
и сизокрылый дым.

Он поднимается легко,
задумчиво клубясь,
чтобы по форме облаков
судьба его сплелась.

И если на дворе мороз,
то ярче, чем в теплынь,
когда до неба дым дорос,
его приемлет синь.

Так небесами он влеком,
что, как и мой напев,
готов лететь над веществом,
от счастья замерев.

Новогоднее

Летят вокруг дела, как бабочки на пламя,
и каждое из них имеет свой предел –
раздастся бой часов, и, замелькав крылами
с пыльцою радужной, сгорят они пред нами,
и мир для юных дел открыт – но поредел.

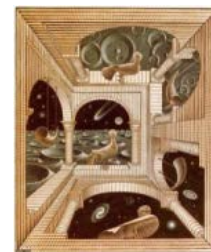
И пусть одни дела, сверяясь с расписанием,
уходят; для других срок не определён
прозрачною чертой, дав место созреванию –
как синий океан для рыбок обитанья,
для дел земных среда – течение времён.

Какие же делам намечены дедлайны,
не знает, может быть, и новогодний дед,
чьи сани пролетят, как реактивный лайнер,
оставив на душе далёкий отзвук тайны,
и белой бороды растает в небе след.

ПОЭЗИЯ

Ольга Уваркина

(МОССАЛИТ, Москва))

Выжить!..

Кому-то виллы под Парижем
И на Канары яхтой плыть...
Плывать...Мой день из крови выжат,
А жизнь на кончике иглы...

Надеюсь, вывезет кривая.
Дышать желанье велико.
И манит душу кольцевая
В окошке цепью огоньков...

Пусть кто-то где-то строчки крыжит,
Пегаса оседлав в пальто,
А мне б восход увидеть рыжий.
И просто выжить, без понтов...

Застыли «бабочки»* на кисти
Руки, обвязанной бинтом,
И нет Господних выше истин
На этом свете и на том....

** Катетер «бабочка» для внутривенных
капельниц.*

Разговор с сыном

Я так люблю тебя... А ты –
То плачешь, то смеёшься звонко.
Мой синеглазый богатырь
И ангел в ситцевых пелёнках...

Прильнув доверчиво к плечу
Челом в чепце из тонкой байки,
Ты тоже полон нежных чувств,
Поэт, бухгалтер или байкер,

Кем станешь в жизни, но потом,
Порой –один, без мамы рядом.
Пусть для тебя семья и дом
Под этим небом будут святы.

Случатся на пути твоём
И лес, и топь, и Змей трёхглавый,
И очищение огнём,
Водой, и суетною славой...

Переживёшь и победишь,
Всё-всё, мой будущий заступник.
А в знак согласия, малыш,
На язычке своём агукни...

Качели

Надсадно по саду пружины скрипели.
Качались от ветра большие качели.

А яблони ветки то влево, то вправо
Сгибались, и яблоки падали в травы.

На клумбе левкой ответно кивали
Не знавшим покоя бутонам азалий.

Себя гувернанткой чужа неловкой,
Качалась с носком бельевая верёвка.

Второй отлетел, зацепившись за сливу,
Вверх-вниз колыхаясь на сучьях игриво...

И с облаком солнце затеяло шалость...
Мне даже казалось, что небо качалось.

Сны

Ветла спала, и снился ей
Свет солнца в кружеве ветвей...
Как сотни солнечных зайчат,
Порскнули брызгами луча,
И феей в лучезарном сне
Застыла девочка в окне...
К стеклу приплюснув кнопку-нос,
Она смотрела, как в кино.
Забавный детский сериал
Мир кадр за кадром выдавал:
За яркой бабочкою кот,
На ствол забравшись высоко,
В прыжке завис, не зная сам:
На землю или – в небеса?..
И с видом, что не страшен зверь,
Дремали голуби в траве...
Лихим звонком пугая сонь,
Промчал с мальцом педальный конь...
Кружилась крона у ветлы.
Ей облаком хотелось плыть,
Запеть, притопнув, и сплясать,
Обняв и дом, и палисад,
Как человеческих внучат,
В тени малышку покачать,
В листве гнездо по-птичьи свив...
Кора скри-пела от любви...

.....

Была земля белым-бела,
И где-то женщина спала.
Ей снилось лето, неба высь,
Дом в старой улочке Москвы,
Ветла, глядящая в окно
(Которых нет давным-давно)...
За мёртвой плоскостью стекла
Там раньше девочка жила...

Моей Малышке...

*"Возьми меня в созвездье Гончих Псов
Летать в ночи, купаясь в Млечной
пыли,
Где душам, что извели любовь,
Господь дарует неземные крылья..."
"Свидание"*

Малышка со смешною чёлкою,
Ушами длинными – косичками,
А помнишь блинчики с печёнкою,
Которыми тебя я пичкала?

Кого теперь ещё поглажу я
И назову свою «куколкой»,
Целую нежно брюшко влажное
И непременно - носик-пуговку?..

С великим чувством трудно справиться.
Порода, масть — не родословная,
Но так хвалилась я красавицей,
Как дочерью —единокровною...

Мне и теперь гордиться хочется
Тобой передо всей вселенною:
Какою ты была охотницей
И крысоловкою отменно!

Мы смертными родились тварями
Зачем? Всевышнему то ведано...
Сияя бусинами карими,
Как ты в глаза глядела преданно!

И согревала сердцем крохотным
Меня в минуты незадачи, но
Всё ж верила всегда безропотно,
Как богу своему собачьему...

Глоток

*"Облака керосином жгут,
полыхает бумага писчая –
как же сильно меня там ждут,
что ожогами лишь я жив ещё."
Эдуард Учаров « Керосин»*

Полыхнёт ещё, не спросив
Дозволения по малой прихоти...
Значит, радуйся, если жив
И земной твой путь не безвыходен...

Богу богово... Не взыщи
С пролетевшего мимо ангела.
Не найдётся на зло пращи -
Постригайся в монахи, наголо...

Не спеши дотемна сгореть
И сдаваться судьбе на милости,
Не прошедши стези на треть,
В небо пеплом и дымом вылезти...

Может, там высоко ништяк,
Но роднее внизу и краше ведь.
А припрёт - как трава дождя,
Будешь жизни глоток выпрашивать...

Не до любви...

Осенний поцелуй
Без аромата мяты,
Без нежности росы,
(Хоть к омуту беги)...
Со слухом по селу:
«Гляди, вдова брюхата.
Вон — подрастает сын,
Муж в финскую погиб».

Кто больше виноват?
Сама ли, бабье лето,
Заезжий лейтенант
С глазами «неба синь»?
Да надо ль горевать,
Ведь песня вдовья спета
В пылу страстей без сна?
И... поздно голосить...

Те ночки сочтены,
К июлю ждать приплода
Сдругим гнезда не свить,
Суров, обманчив мир.
И до конца войны
Два страшных чёрных года.
Не то, что до любви,
А выжить бы с детьми.

Лето Бабье

Для меня это время загадкой.
С ним, как долею женской, мирюсь.
Лето бабье не приторно-сладкое,
А слегка горьковато на вкус,

Отрезвлённо, расслабленно-сонное,
Вне иллюзий июльской жары
С тёплым бархатом дней межсезония,
Что пока без осенней хандры...

Дождь слепой, разбиваясь, покапает
Мелким бисером...Ветер смахнёт
Эту влагу игривою лапою
И продолжит неспешный полёт...

Есть во всём недосказанность прелести,
О которой скажу, не солгав,
С ароматами яблок и прелости
Разнотравья на дальних лугах...

Там недавно смеялась и бегала.
Вслед гудели под солнцем шмели...
(Не менять же свободы на перголу,
Где садовые розы цвели)...

Грёзы детства орешком расколотым
Вызывают улыбку и грусть.
Сединой паутинки по золоту,
И есенинский стих наизусть...

Бессонница

Гложут очи бессонницей боль и усталость.
 Тёмной мышью за окнами гнездится тишь.
 Затаилась душа и ворчит:
 « Отлеталась...
 Доигралась...
 До смерти теперь не взлетишь...
 Дело к старости катит,-
 вздыхает резонно,
 Намекая, коварно, на вес и лета,-
 Не беда... Есть на свете людей миллионы,
 И они никогда не умели летать».
 Что мне дела до них?
 Будь по духу и вера.
 Дай же, Господи, сил эту ночь одолеть,
 Скоро утро забрезжится пепельно-серым,
 А за ним и светило — парадом-алле...
 Мне б до солнца успеть встать на цыпочки молча
 И, качнувшись вперёд, сделать в воздухе шаг...
 До рассвета ещё остаётся полночи.
 Поиграем с тобою в бессмертье, душа!
 Ты пошли только сон, как забвение, куцый,
 А потом, сколько хочешь, пытай и лукавь.
 Мне бы только успеть от земли оттолкнуться
 И взлететь, задыхаясь, опять в облака...

Голубка

До половины сентября
 Наивно вымолить погоду.
 И даже птицы не прячт
 Под серой клеткой небосвода.

Весь город сиротлив и снул,
 Не величав, не эпатажен.
 Он тоже, кажется, уснул
 Всей армией многоэтажек.

Не греет солнце, не горит.
 Выходит, лето бабье боком.

Снуют бродяги-сизари,
 Ища пристанище у окон...

Скажу «спасибо» за визит,
 Но в мире трудно быть счастливым.
 Голубка лапками скользит
 По мокрому, косому сливу,

Опять срываясь под уклон,
 Так что покоя не достичь ей,
 И бьёт крылами о стекло
 Со всей отчаянностью птичьей.

Осенний дождь

Играл с листвою ветер шалый,
Светились окна кое-где
Ничто дождя не предвещало
В обычной суетности дел...
Но в сроки солнышко не встало
И начался переполох.
Промокли улицы, кварталы,
Ослеп весь город и оглох...
С пристрастьем тайным ревизора:
Найти, разведать, пошерстить,
Нежданно рухнул дождь на город
Под утро. Рано. До шести...
Шёл ливень нагло и беспутно,
По крышам струями дробя.
Столетия - мелкий, серый, нудный,
Он нынче превзошёл себя.
Машин не видно и клаксонов,
Не слышны звуки...Шум воды...
Зонты, зонты...в столице сонной,
Не оценившей факт беды...
Одни дома по стойке смирно
Небесную глотали хлябь...
Быть может и потоп всемирный
Так начинал ошеломлять?
Готовь байдарки и каноэ
И ставь на якоря авто...
Лупил осенний гость стеною,
Как будто небо- решето,
Где грозный Водолей- возница,
Собрав всю ангельскую рать,
Не возжелал угомониться,
А - замочить и покарать...

В Сокольниках...

А ты порезал сердце мне осокой.
Так дурочке доверчивой и надо.
Наверно, и безумно, и жестоко
Влюбиться в эту пору листопада.

Ведь знала, знала с самого начала:
Таких, как я, полно в Москве девчонок.
Теперь бы старой девой не ворчала:
«Любовь, как лист осенний, обречённа...»

Идём, смеясь, по просекам Оленьим
Вприпрыжку или шаг чеканя чётче...
Меня шутливо, добровольный пленник,
Целуешь, как сестрёнку, в обе щёчки.

Не взяли зонт, и с неба льёт водица
За шиворот: и вдоль, и поперечно...
А мне сейчас бы, сокол, заблудиться
В родных моих Сокольниках, навечно...

Но скрыт больной души заветный ларчик
А в нём любовь, стокрыла и бездонна.
Она котёнком съёжившимся плачет,
(Беззвучно так) промокшим и бездомным.

Под вечер на веранде будут танцы,
Там молодёжь тусуется гурьбою...
А мы вот-вот должны опять расстаться,
Теперь надолго...Навсегда...с тобою...

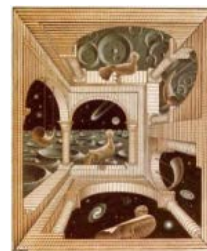

Александр Иванов. Явление ангела пастухам

ПОЭЗИЯ

Александр Сухих

(МОССАЛИТ, Москва)

Чувственная разноголосица

Февральские перепады

Оттепель и дождь, морозец к ночи...
Сучьев ледяная паутина.
От наплывов ветра уходить не хочешь,
слушаешь, вживаешься в картины...

Веток колокольчиво звучанье,
липнет холодок к лицу по-свойски,
радужно-хрустальное мерцанье,
в свете фонаря – кругами – блески...

Господи! Ежеминутно счастье:
видеть, ощущать, молчать и слышать...

Не отдам ни мига, ни ненастья,
ни ворон, дерущихся на крыше,
ни себя, со сбивчивым дыханьем,
ни её, что ждет за дверью дома...

Звуки и движения стихают –
чуждого безвременья истома...

Не отдам, а спросит ли та бездна
с пастью, что в готовности разъята?..

Чувствую, что жизнь не бесполезна,
объяснить не в силах – непонятна...

Пессимистическое

Не вижу этих лиц,
расчетливо холодных,
не чувствую их слов.

Мой мир совсем иной:
в нем листья, задыхаясь,
нас обрекают жить;

в нем падает пчела,
от силы излучений
забыв до улья путь,

и в лужах – перламутр –
бензиновый рисунок
ухмылкой бытия...

И мама машет мне,
прощаясь после встречи,
как будто навсегда;

и напрочь рвется связь...
Бессмысленность страданий,
нет сил спросить: зачем?..

И сыплются слова
песчинками с погоста –
их соберет другой...

С крыльями (японский сонет-рэнга)

Голуби в парке
бродят не в силах взлететь –
перекормили...

Делят вороны
власть за верхушки берез.
Солнце – в зените.

Росчерки вольных стрижей
не угадаешь.
Коршун вблизи облаков
кружит неспешно.

Неслышные разговоры. **Зимняя участь**

Метет плевки чужой старик
у магазина:
лицо – окаменелый лик
отвальной глины,
глаза – излившихся дождей
немые тучи...

А рядом вьется воробей,
такой живучий,
и говорит ему
легко и четко:
- Зачем, отец, я не пойму,
ты машешь щеткой?
И кто загнал тебя в тюрьму?..
Слетаем в поле...

Едва шепнет старик: - К чему?..
И бросит соли.

Необратимое (японский сонет-рэнга)

Осень – на листьях...
Каждый узор обречен
и уникален.

Сохнут рисунки,
усугубляя печаль
возраста жизни.

Кисти лучей так мутны,
словно немывы,
скупо скользят по ветвям,
не согревая...

Ускользящий май

...Сонные черемухи
расточают запахи,
в травах обозначились
первые цветы,
под ночными ливнями
листья тополиные
липким ароматом
вторят с высоты.
Все оттенки зелени
акварелью сделаны,
воздухом замешены,
плавятся в лучах.

Первозданно выткано
чистоцветье зыбкое –
в тоне уплотняется,
зреет на глазах...

Не пройдет и месяца,
и пейзаж изменится:
смажутся-заветреют
чудо-зеленя.
Тень однообразия
свой приход отпразднует.
Деревя примерятся
по листу ронять...

Потворствуя влечению

*Покорно обнажив тела,
обряд любви мы сотворили.*

М. Волошин

Всё было в нас обречено:
копилось, зрело и таилось.
Весенний луч пронзил окно –
принес назначенную близость.

Тела покорно обнажив,
творили мы обряд любовный –
живописался плотский миф,
изобретенный в вязке тёмной.

День иссякал, а новизна
изгибов, запахов, касаний
скреплялась чувственностью дна
и легковесием признаний.

И сладким тлением цветов
струился дух чужой квартиры
и всхлипом стареньких часов
напоминал о внешнем мире
с его размеренным житьём
в полупрозрачном распорядке...

Скрепиться б накрепко вдвоём
и наслаждаться без оглядки,
привольно, длительно, взахлеб,
до одури, до отвращения -

испепелить навек озноб
извечного ненасыщенья.

Два дома высотных,
в проеме – ужавшийся лес.
И в ясные дни

в глазах безотчетных
таится вся гамма небес
и солнца огни.

Беспечально осенняя

В багрец и в золото одетые леса.

А. С. Пушкин

Еще цветы везде живые,
еще не блекнет зелень трав,
стрижи – беспечно легкокрылы,
за морем – ветер-костоправ,
еще комар ночами слышен,
дожди по-летнему быстры,
еще теплы под утро крыши
и чистят стены маляры...

Но за идиллией картинной –
едва заметные штрихи
таются, как пунктиры линий,
иль – в ожидании стихи.

И красок действо разовьется:
багрец, сиена, бронза, медь...
В листву с дождем вольется солнце,
успеет радуга созреть!

Придет роскошная прохлада.
В ветвях – прорехи от ветров.
И вспоминать тепло не надо –
сгребай сушняк на пир костров.

Огонь и дым – мотив исхода.
Спокойно лето проводи.
Вокруг – всесветная природа!..
Всё – впереди, всё – позади...

Место заката

Читаемы души
и так непосильно чисты,
что время на миг
движенье нарушит...

Лучит между нами мосты
расслабленный диск...

Созерцательное

Солнце почти с одинаковым жаром
льется на всех вековечно задаром...
Плавно меняется цвет –
видишь его или нет?..

Радость быть зрячим, душою открытым,
не затонувшим в бесцветии быта.
В светоприемных глазах
не приживается страх.
Мир отраженный – реальность иная,
ты в нем частица, условно земная,
эхо небесных глубин,
вязь многомерных картин...

Стих ускользает из формы –
каплей кому-то в ладонь...

Чувства покорны.
Не стронь...

Из поэтического скита

Живу внутри себя –
невидимо-неслышный,
тружусь, зерно дробя,
в углу укромном – мышью.

Пылинки, скрепы букв,
лучей иссякших отсвет,
клей паутинок-пут
и смысл, что ветер вносит
под ропот-шепот стен –
всё смешиваю в строки.
В разноголосьи вен
свиваю ритмотоки.

Аккордом струнным Стих
слетит и канет в мире.

Скит опаленно тих...
как гильза от мортиры.

Взгляд пациента из окна 3-го этажа хирургического стационара

Проталины – от дерева, куста,
от каждой протолкнувшейся былинки.
Растениям не выдано устать,
они без человеческой начинки,
они не изнывают от потерь,
насеянных детей своих не знают,
вне вымысла, стремленья улететь
врастают в глинозем родного края
с подстройкой под сезонное житье,
в режиме бесконечных перепадов...

О, наше вековечное нытье,
отчаянье, двулчные рулады,
микроскопично важная возня,
наивный фанатизм, что – за пределом!

Душа перенасыщена – стезя
страданий испытываемого тела.

Отпуск у мамы

Эти утренние звуки –
крик детей в игре...
В полусне неявины руки,
блики на ковре...

Мир еще чудесно странен,
сном обожествлен.
Шмель невидим в шторной ткани –
пленом утомлен.
И плывешь почти собою
в явь земных часов.
Под засвеченной звездой
день невнятно нов.

Дух блинов и яблонь сада –
импульс для ума...

- Мамочка!..
- Моя отрада...
- Что помочь?
- Сама...

Коллекционер впечатлений

Верхние ветви – ледышки литые, -
вольный контраст декабря:
струи скользящие, слипшись, настыли,
словно ростки янтаря.

Россыпью солнце с деревьев лучится,
Льется – сверкая, звеня.
Кажется зовом неведомой птицы
трель болтуна-воробья.

Прихоть сияния, игрище бликов,
ветер не смеет подуть –
веет, касаясь ласкательно тихо,
предупредительно чуть...

С кем поделиться сокровищем красок
и разноречием чувств?..
День световой убедительно краток,
воздух синеюще густ.

Копи цветистые ночью пригаснут,
лед утончится слегка.
Завтра, наверно, возьмется ненастье –
гаснет закат в облаках...

Темное время зимы

Светлел, размазывался сумрак...
Безлично вдавливался день,
как грязный бок дорожной фуры,
на повороте давший крен.

Муть монотонной жизни дланью
тянулась ленно из окна.
Сквозь перекрестья шторной ткани
ехидно скалилась луна.

Нещадно ветер на балконе
терзал жестянки, прочий хлам;
и песнопение воронье
усугубляло общий гам.

Ввинтить бы голову в подушку –
абсурд любого сна принять,
но мысли-змейки жалят-сушат,
трактуя день, как благодать.

Ну, встану... обихожу тело,
вжую энергию еды.

Везде оставит свет умело
свои невнятные следы.

Прикинусь бодрым, оттанцую
в объятьях выползыша-дня:
ведь близок вечер – сброшу сбрую -
и заполучит ночь меня.

Леонардо да Винчи. Поклонение волхвов.
1481-1482 гг.

С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ!

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

ИСТОРИЯ РОЖДЕСТВЕННОЙ (НОВОГОДНЕЙ) ЕЛКИ

Рождественская елка пришла к нам из Германии. Легенд, связанных с появлением рождественской елки достаточно много. Одна из них рассказывает о святом Бонифации, крестителе Германии, который, чтобы обратить язычников в христианство, срубил священный дуб Одина, на пне которого выросла пихта (по другой версии, упавший дуб повалил все деревья, кроме маленькой елочки). Еще одна легенда рассказывает о Мартине Лютере (1483-1546), основателе лютеранства, который, возвращаясь через лес накануне Рождества, увидел сквозь растущие кругом елки звезды, выпавшие на небе. Это вдохновило его, и он поставил в своем доме елку, украсив ее свечами.

Еще задолго до елки на Рождество в дом приносили веточки вечнозеленых растений, таких как ель, сосна, пихта, самшит, которым приписывались магические свойства. В одном из стихотворений, датированным XV веком, сказано: «*Кто не поставит в дом еловые ветви, тот не доживет до конца года*». Потом в домах появились небольшие деревца, которые подвешивали под потолком в углу, потому что считалось, что именно там обитают злые духи.

Сначала это были просто зеленые деревца, потом их стали наряжать. Первые упоминания о наряженной рождественской елке относятся к 1419 году и рассказывают о пекарне в Страсбурге (Франция, Эльзас), в которой для детей было выставлено дерево, украшенное сладостями и орехами. К сожалению, документальных подтверждений этому нет. Есть упоминание о таком же дереве в Риге, датированное 1510 годом. В 1539 году в Страсбургском кафедральном соборе (нем. *Straßburger Münster / Liebfrauenmünster*, фр. *Cathédrale Notre-Dame*) была выставлена

рождественская ель. Этот собор на протяжении 200 лет был самым высоким зданием в мире. Первое упоминание о елке как о распространенном среди граждан обычае уводит нас в 1605 год. В документе говорится о елочках, которые страсбургцы устанавливали в помещениях. Елочки украшали бумажными цветами, яблоками, орехами, сладостями и мишурой. Все это богатство предписывалось сорвать детям с елки до праздника Трех Королей. Однако свечей в то время еще на елке не было. А вот в 1611 году герцогиня Доротея

Сибилла фон Шлезииен из Бранденбурга украсила елку свечами. С этого момента можно говорить о елке как об общепринятой рождественской традиции. Интересно, что в некоторых домах устанавливали не одну, а несколько елей в зависимости от статуса проживающего: так, хозяин дома получал самое большое дерево, а кухарке доставалось самое маленькое. Постепенно обычай ставить на Рождество ель распространился по всей Германии, причем в южной Германии он прижился лишь к 1900 году. Церковь очень долго не признавала этот обычай, считая его языческим. Но все же церкви пришлось смириться, и ель стала новым символом христианства, на ней засияла рождественская звезда и появились ангелы. В XIX веке традиция украшать елки распространилась уже по всей Европе. К этому времени в Тюрингии налаживается производство стеклянных елочных украшений. Легенда рассказывает о бедном стеклодуве, который не мог позволить себе купить детям на Рождество настоящие орехи и яблоки, и выдул их из стекла. Поначалу шары покрывали с внутренней стороны свинцом, что было не очень-то полезно для здоровья, но с 1870 года уже производят стеклянные игрушки, покрытые изнутри серебром. Начинается эра стеклянных шаров, мишек, зайчиков, птиц, рыбок, фигурок ангелов и Санта Клаусов.

В России первые ели появились в домах немцев в XVIII веке. В 1818 году великая Княгиня Александра Федоровна, урожденная Фредерика Прусская, по немецкому обычаю велела поставить елку во дворце в Москве, а на следующий год - в Аничковом дворце в Петербурге, тем самым положив начало традиции установки елей в домах. В 1828 году, будучи уже императрицей, Александра Федоровна устроила во дворце для своих детей и племянниц праздник «детской елки». А в 1858 году была организована первая публичная елка в здании Екатерингофского вокзала в Петербурге. Вскоре елки стали важной частью праздника русского дворянства. На елку стали приглашать гостей, украшали елку не скупясь. В кондитерских продавались даже готовые елочки, украшенные фонариками, мишурой, а также пирожными, конфетами и другими

сластями. Стоили такие елочки дорого, и позволить себе их могли только очень богатые люди. Церковь и крестьянство елку не принимали, предпочитая праздновать Рождество традиционно. Зато среди городской знати елка была очень популярна. Вот как описывает А. П. Чехов в рассказе «Мальчики» процесс колдовства над елкой: «После чаю все пошли в детскую. Отец и девочки сели за стол и занялись работой, которая была прервана приездом мальчиков. Они делали из разноцветной бумаги цветы и бахрому для елки. Это была увлекательная и шумная работа. Каждый вновь сделанный цветок девочки встречали восторженными криками, даже криками ужаса, точно этот цветок падал с неба; папаша тоже восхищался и изредка бросал ножницы на пол, сердясь на них за то, что они тупы».

Продавали елки на площадях: «Перед Рождеством, дня за три, на рынках, на площадях, — лес елок. А какие елки! Этого добра в России сколько хочешь. Не так, как здесь, — тычинки. У нашей елки... как отогреется, расправит лапы, — чаща. На Театральной площади, бывало, — лес. Стоят, в снегу. А снег повалит, — потерял дорогу! Мужики, в тулупах, как в лесу. Народ гуляет, выбирает. Собаки в елках — будто волки, право. Костры горят, погреться. Дым столбами. Сбитенщики ходят, аукаются в елках: "Эй, сла-а-дкий сбитень! калачики горячи!.."» (И. Шмелев «Лето Господне»).

Постепенно обычай ставить елки проникает и в провинцию, и только церковь по-прежнему сопротивляется, предписывая не устанавливать елки в гимназиях и школах. Последнее такое предписание Священный Синод дал в декабре 1917 года.

После Октябрьской революции в России начинается антирелигиозная кампания, которая, разумеется, затронула и елку. Рождество превращается в комсомольское рождество, этаким праздником с докладами, выступлениями, гимнастическими упражнениями, антирелигиозными частушками и разоблачениями. Основной целью такого «Рождества» была критика религиозных устоев и традиций. Елка тоже стала комсомольской. Однако комсомольское рождество не принесло ожидаемых результатов и было отменено. Да и сам праздник Рождества, признанный поповским, перестал существовать в календаре официальных праздников, став обычным рабочим днем. И елка, как неизменный атрибут этого праздника, впала в немилость и перешла на нелегальное положение. Елки в домах ставили тайно.

Если кому и нужно сказать спасибо за то, что во времена Советского Союза в домах под Новый год появлялись елки, так это товарищу П. П. Постышеву, написавшему 28 декабря 1935 года в газете «Правда» заметку, в которой предложил вернуть детям украденное «левыми» перегибщиками удовольствие, доступное ранее лишь барчукам, веселиться вокруг наряженной, сверкающей елочки. И буквально за несколько дней до Нового года были установлены, правда, уже не рождественские, а новогодние елки, в магазинах появились новогодние украшения. На верхушке засияла уже не Вифлеемская, а пятиконечная красная звезда. Так елка вернулась в наши дома, чтобы надолго стать символом Нового года, радости и сказки.

Сейчас под Новый год елки устанавливают на площадях и во дворах во всех городах России, во многих учреждениях для детей проводится праздник «Детской елки» с представлением и подарками. Главная же елка красуется на Красной площади в Москве, и главный праздник проходит в Кремле, где для детей устраивают интерактивное представление с участием Деда Мороза, Снегурочки и других сказочных героев. Но самая красивая елка стоит, конечно, у каждого в доме, украшенная любимыми игрушками. Именно под этой елкой непременно появится подарок, который принесет нам... конечно же, Дедушка Мороз! И один раз в году независимо от возраста мы поверим в сказку и станем немного детьми.

СМЕХОТЕКА

Виктория Лукина
(Харьков)

СУСЛИК

Скромный суслик-сирота Семен считал семью – святая святых. Смолоду стремился создать – самую счастливую, со сногшибательной спутницей: стройной, симпатичной, состоятельного сословия!

Сегодняшнее свидание со светло-серенькой Сусанной слегка смутило: стильная студентка Сорбонны, сама свежесть, само совершенство!

Суслик сосредоточился:

- Свадьба!!! Состоится – не состоится? Сватов слать – не слать?

Ссутулился, сгрыз старый ссохшийся сухарик, свернулся на софе сонный-сонный, спать собрался.

Степное солнце светит-слепит, в спальне – самые сокровенные сновидения собрались. Снится Семёну сон – свое собственное сорокалетие, семейное сборище.

Сам – состоявшийся семьянин, солидный, с серебристыми сединами. В саду - соловьи свистят, светильники сияют, свечи слезятся, сто стульев - со спинками стегаными. Стол – сплошные соблазны, сервировка – самая современная. Скатерть-самобранка самостоятельно ставит, самостоятельно сор со стола сметает. Семьдесят снадобий: сухофрукты, суфле, салаты, соленые сыроежки, селедка с сельдереем, сытный студень, сыры сычужные, стейки сырокопченые, сдоба свежая... самогон, сливянка, соки со спиртом...

Семен сияет: сапоги сафьяновые, сорочка сатиновая... сэндвич с сарделькой смакует.

Супруга Сусанна - сама сексапильность: сарафан стрейчевый со сверкающими стразами Сваровски, сандалии светло-сиреневые... сидит - сентиментальная, светлые стихи сочиняет, сонеты слагает, старается для суженого своего - Суслика синеокого.

Справа – сосед Сверчок с саксофоном сражается, силится сообразить соло.

Слева – соседка Саламандра сотейник салата свекольного спешит съесть.

Старуха Сороконожка слизывает со сковородки свиные сосиски, сопит:

- Специи – супер! Соус соевый – слишком соленый!

Сватья-сладкоежка сироп сладкий смакует с сырниками, сластена!

Семь Семёновых синеглазых сыночков в сомбреро столпились, смеются – сальсу танцевать собрались! Свояченица, сияя, сообщает:

- Сусанна супругу своеобразный сделает сюрприз - скромненький стриптиз!

Сват Сигизмунд - свирепый, смотрит сурово, сверлит суслика. Сам – седой старик, с семнадцатилетней секретаршей сидит - силуэтом, словно статуэтка, серьги – сапфиры с серебром.

Сощурился сват:

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

- Состояние Сусанны спьяну спустить собрался? Самозванцев созвал, собутыльников? Со счетами сам справишься? Ссуда – стотысячная! Соображаешь? Склерозом не страдаю! Собственноручно считал!

Супруга – в слёзы, стриптиз не состоялся, сынки совсем сникли, соседи сердобольные сокрушаются – сплошное сочувствие, сострадание! Стыд!!! Срам!!!

Соскочил Семен со своего стула, в сердцах схватил саксофон у Сверчка, сильно-сильно стукнул сварливого, склочного Сигизмунда! Секретарша - сиреной, сват - секунда... секиру схватил!

Сонный суслик свалился с софы, сел, спросонья сказал сам себе:

- Семья – суета! Сплошной стресс, ссоры! Смешно сказать: семь сыновей в сомбреро, супруга Сусанна – стриптизерша! Со сватом судиться из-за ссуды?! СтОит? Сомневаюсь... спешить не стану... самому – спокойнее!

Смахнул суслик скупую слезу счастья, следующий сухарик со стола стащил, сияя, сформулировал:

- Свобода - сила!!!

СМЕХОТЕКА

Владимир Шестаков
(Харьков)

АФОРИЗМЫ

Покуда одни строчат прозу, другие выстреливают афоризмами.

Краткости

- Чтобы докопаться до истины, приходится покорять всё новые вершины.
- Сквозь розовые стёкла сподручней смотреть, если они в золотой оправе.
- В сущности, сатира лишь отражение реалий, правда, под острым углом.
- С годами киногерои Брюса Уиллиса всё чаще висят на одном волоске.
- Нынче книга не столько лучший подарок, сколько - редкий.
- Отвергнуть могут и тех, кто бросается в глаза.

Из апрельских тезисов

- Мало показать народу дорогу в "светлое будущее", главное - вовремя самому с неё соскочить.
- И из "рыцарей революции" выходят заправские палачи.
- Истина может заблудиться и в лесу поднятых рук.
- Чтобы узнать врага в лицо, не стоит показывать ему пятки.
- Мастер на все руки любому авто приделает ноги.

Лаконизмы

- Лучше синица в руке, чем дятел на темечке!
- Лучше быть учёным сухарём, чем дыркой от бублика!
- Катиться по наклонной сподручней круглому дураку.
- И новая метла может наступать на старые грабли.
- Особенно сложно сглаживать углы в любовном треугольнике.
- И институт брака не терпит прогулов.
- Чтобы идти в ногу со временем, надо его опережать.
- Кто пьёт до посинения, уже краснеть не может.
- Все деньги – мусор, кроме трудовой копейки.
- Чтбы у одних стали больше животы, другим надо туже затягивать пояса.
- Нести бред сивой кобылы может и молодой осёл.
- У Царевны-лягушки на брак своя... кочка зрения.
- С ногами от ушей легче забираться на шею.
- У начальства - все пальцы указующие.
- Лучше быть костью в горле, чем баннным листом!
- У иных окном в мир служит замочная скважина.

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Зинаида Кокорина

(МОССАЛИТ, Королёв)

С НОВЫМ ГОДОМ!

Унылая пора! Очей очарованье!

Приятна мне твоя прощальная краса...

Этими лирическими строками великого русского поэта А. С. Пушкина мы прощаемся с прекрасным временем года, когда природа шумит листопадом в золотых красках осени.

И вот на дворе уже декабрь – последний месяц уходящего 2012 года. А это значит, что наступает новый 2013 год. Этот праздник все ждут с нетерпением и предвкушением сказки. Ведь мы мечтаем и желаем, чтобы каждый следующий год был лучше года уходящего.

Что же это за праздник - Новый год, встреча

которого традиционно ассоциируется с красиво накрытым столом, с любимыми блюдами, запахом мандаринов и апельсинов, смешанным с хвойным запахом сверкающей разноцветными огнями ёлки? Слово «новый» в названии праздника создаёт впечатление *молодого* праздника. Однако это впечатление ошибочное. Исследователи считают, что обычай праздновать рождение нового года появился в конце IV тысячелетия до новой эры в Месопотамии (Двуречье) и в нижней долине Нила, где родилась

цивилизация. Все земледельческие работы начинались в конце марта, после того, как прибывала вода в Тигре и Евфрате. В течение 12 дней костюмированными шествиями знаменовалось это событие – наступление нового года. Многие ритуалы новогоднего праздника были связаны с изображением плавания бога Мардука по Евфрату. В один из дней мистерии изображали битву Мардука с чудовищем, богиней хаоса Тиамат (напоминающей дракона, змею, ящера).

Обычай дарить подарки под новый год с пожеланиями удачи и счастья был установлен ещё древними римлянами 1 января 153 года до н.э. Тогда же начали складываться и первые приметы. Считалось, например, что каков будет первый день, таков будет и весь год. Поэтому следовало в *Новый год* веселиться, отложив все заботы, одеваться красиво и во всё новое.

В 46 году до н.э. Юлий Цезарь ввёл новый календарь (сейчас его называют «юлианским»), и первым днём года стали считать 1 января. В этом была своя философия, ведь символом января у римлян считался двуликий бог Янус. Одно его лицо обращено назад к прошлому, другое – вперёд к новому. В этот день римляне приносили жертву Янусу, украшали дома и дарили друг другу подарки и монеты с изображением двуликого бога.

А как же Новый год попал к нам?

В нашей стране ещё с 10 века Новый год отмечался 1 марта: *как над землёй поработаешь, так и год проведёшь*. В 1492 году царь Иван III перенёс празднование Нового года на 1 сентября, совместив праздник со сбором податей и окончанием страды. Один из иностранных современников так описывал виденное им в России в 1636 году зрелище встречи Нового года: «На дворцовом дворе собралось более 20 тысяч человек, старых и малых. Из церкви, стоящей с правой стороны входа на площадь (речь идёт об Успенском соборе), вышел патриарх со своим духовенством из священников. Все в церковном облачении со множеством образов и с развёрнутыми старыми книгами. Его же Царское Величество со своими государственными сановниками, боярами и князьями, шёл с левой стороны площади.// Затем в длинной речи патриарх произнёс благословение Его Царскому Величеству и всему народу и пожелал всем счастья на новый год. // Народ в подтверждение патриарших новогодних пожеланий громко кричал «Аминь». Сирые, убогие, беззащитные и гонимые находились тут же в толпе с поднятыми вверх прошениями, // которые относились в царские покои».

Царь Пётр, возвратясь из очередной поездки *за знаниями*, привёз в Россию моду брить бороду, курить трубку, одеваться в европейский сюртук и **праздновать начало года по-европейски – в январе**. И, для пущего удобства отношений с Европой, велел сменить и отсчёт лет. Последний осенний Новый год 1 сентября 7208 года отметили весело. А утром 15 декабря того же года (тогда ещё 7208-го) барабанный бой призвал москвичей собраться на Красной площади. С высокого помоста царский дьяк зачитал указ Петра I «О новом счислении лет». Предписывалось **«писать впредь с января 1 числа 1700 года во всех бумагах лета от Рождества Христова, а не от сотворения мира»**. 20 декабря 7208 года тот же дьяк огласил ещё один указ **«О праздновании Нового года»**.

В полночный час 1 января 1700 года во всех церквях впервые прошло ставшее после традицией полночное бдение.

Постепенно неизменными атрибутами праздника стали **ёлка и Дед Мороз**, а встреча Нового года в ночь на 1 января превратилась в интернациональный ритуал, в котором и в России, и за границей участвуют люди самых разных вероисповеданий.

Здравствуй, Дедушка Мороз!

(и сказка, и быль)

Перед самым Новым Годом... где-то на краю земли,
куда метели с вьюгами все тропы замели,
встречаются Деды Морозы в Снежном замке
с мешками за спиной, чтоб разместить подарки.
Хоть разные они совсем, но все похожи.
И старшие, и те, кто помоложе, на всех наречиях говорят.
На каждом Дедушке свой праздничный наряд.
Задором молодым горят глаза!
И все спешат – опаздывать нельзя.

Мороз **из Польши** - самый старший брат. Сияет белизной
епископа наряд: Дед в мантию и в митру облачён... Подарками
мешок заполнил первым он. Волшебный конь уже копытом бьёт,
Святого Николая в путь зовёт! Всю ночь им предстоит по

башмачкам раскладывать подарки малышам.

На Корбобо халат в полоску яркую. Малыш осёл везёт мешок с подарками. Помощница,
снегурочка Коргыз, поддержит Дедушку: подаст в пути кумыс. Прибудут в срок подарки к
малышам - **в Узбекистан**.

В Японию вернётся Одзи-сан. Всю ночь подарки он разносит сам. Фонариками путь ему
осветят к домам своим и взрослые, и дети. Гостей встречают грабли у дверей – греби в дом
счастье, не жалей!

В широкополой шляпе Пер Ноэль: «Пошевеливайтесь, братцы, поскорей!..» От
нетерпения он посохом стучит. Дед Январь **во Францию** спешит. Не лёгкая его работа ждёт –
бросать всю ночь подарки в дымоход.

Норвежский Ниссе – домовый и добрячок. Росточком не велик и носит колпачок. По
Суперзамку он гуляет не спеша: гостинцы подбирает малышам. Сосульки, леденцы... - всё, что
сосётся. Впрок лакомствами Дед здесь запасётся! Потом своим любимым человечкам он
оставит сладости за печкой.

Монгольский Дед Увлин Увгун оделся просто. В его стране совпали Новый год и
Праздник скотоводства. Вот и является Увлин в народ, как скотовод. С ним рядом мальчик
Шина Жила (Новый год). Подарки всем он щедро раздаёт. В мешке их много - целый воз!
Ведь Главный скотовод сегодня - Дед Мороз.

Домой **в Германию** спешит Вайнахтсман. Мерцаньем праздничных огней его встретят в
каждом доме... Но оставит этот Дед подарки на балконе.

А Дед Мороз **якутский** - Чысхаан, давно разнёс гостинцы по домам. В висящий на стене
чулок закинул он подарок точно в срок. Для всех Морозов в Снежный замок он главный
передал подарок.

Нам из Великого Устюга Дед Мороз этот подарок - «ХОЛОДОК» - привёз.

Суров по виду этот **русский** Дед. Он в шубу красную одет. Искрится иней серебром на
рукавах. Из дуба посох расписной в его руках. Под шапкой меховой - седая голова... Он над
Морозами российскими – глава!

Прощаясь, Дед Мороз садится в сани. Помчатся вихрем кони с бубенцами! Пора
раскладывать под ёлочки подарки...

В ночь Новогоднюю Морозам будет жарко!
Хоть Новый год по-своему все празднуют. И Дедушки Морозы тоже разные.
Все знают – малыши их очень ждут.
Из замка в эту ночь ко всем подарки попадут!

Чудесный праздник Новый год!

Под Новый год Яга седая
Сидит у печки, причитает:
- Пейзаж бессменный за окошком...
Стоит мой дом на курьих ножках.
Не повернётся к лесу задом,
Куда ни глянь, тоска-досада...

На лавке чёрный кот мурлычет:
- Не в моде мы, Ягуса, нынче.
Теперь про Поттера читают.
Там *Молния*-метла летает.
Там *гиппогрифы*, кони-птицы.
Тебе такое не приснится...
В стране той мерзкий рыжий кот
Живёт - по кличке *Живоглот*.
Как я желанием горю
Сразиться с крысой *Петтигрю*...
Там *Когтевраны*, *Дементоры*,
Там *Пуффендуи*, *Гриффендоры*... -
Иноязычный мир, иной.
Стареем мы, Яга, с тобой...
Там русским духом и не пахнет.
Неужто сказ про нас зачахнет? -
Совсем Яге тоскливо стало.
От грустной речи задремала...

Вдруг заскрипели курьи ножки.
Лес покачнулся за окошком:
К нему избушка встала задом,
А к свету белому – фасадом.
Глазам своим Яга не верит:
Открылись сами настежь двери...
Полянка. Снег вокруг искрится.
Снегурочка - краса-девица -
Ведёт к порогу Новый год,
Мороз от них не отстаёт.
И следом сани с бубенцами
Подарки разгружают сами...
Яга на стуле покачнулась
И... к сожалению, проснулась.

В избе всё так же, только вот:
По-доброму мурлычет кот,
А у двери стоит метла,
«ПЛАНЕТОЛЁТ» - Яга прочла.
В избе натоплено и чисто,
В углу на ёлочке пушистой
Гостинцы-сладости висят...
Российский в доме аромат!

ДЕТСКОЕ ЧТЕНИЕ

Виктория Лукина

(Харьков)

РОЖДЕСТВЕНСКИЙ ВЕРТЕП

Рис. В. Лукиной

- Завтра Рождество, а у меня ещё столько дел, – воскликнула бабушка, - двери вымыть, окна протереть, ковры почистить, зеркала умыть, а ещё - пряники медовые испечь!

- Я ёлку украшу и тебе помогу! – пообещал Тёма.

Он заглянул в гущу еловых веток, и разноцветные шары улыбнулись ему, продемонстрировав отсутствие двух передних зубов – точь-в-точь, как у Тёмы. Еловая ветка пригласила его светлые вихры на макушке, а меховой Снеговик сбивчиво зашептал:

- Слышь, Тёмыч... по старой дружбе... усади меня рядом со Снегурочкой!

Гирлянда замигала и, сотрясаясь от смеха, пропищала:

- Влюбился, влюбился!

Тёма устроился у телевизора. На экране закружились снежинки, и удивительной красоты ледяная карета помчалась по улочкам сказочного города. Метелица в развевающейся снежной шубе послала Тёме воздушный поцелуй, а сидевший рядом с ней белый медведь протянул мальчику мороженое на палочке. Ах, какое же оно оказалось вкусное, прохладно-ванильное, в ломкой шоколадной глазури!

Бабушка приложила ладонь к его лбу:

- Артемий! Ты чего это уснул в такое время? Да у тебя же жар! Ну-ка, показывай горло!

Она сунула внуку подмышку градусник:

- Я сбегая в аптеку, а ты держи термометр, пока господин Мозер не крякнет пять раз, это будет как раз через десять минут!

- Бабушка, почему ты зовёшь меня Артемием, а свои старые великанские часы господином Мозером? Меня ведь Тёмой зовут.

Бабушка, надевая дублёнку, сказала:

- Я зову тебя так потому, что твоего прапрапрадеда звали Артемием. Отец его был знатным плотником, и однажды на Рождество они повезли в Москву царский заказ – резные деревянные корпуса для швейцарских часов фирмы Генри Мозера. Ехали на подводе много дней, и однажды ночью стала их преследовать волчья стая. Кони шарахнулись в сторону, сани перевернулись, отец расшибся сильно, а мальчик не растерялся – взял отцовское ружьё и стал отстреливаться от волков. На рассвете помощь подоспела, заказ царю доставили в срок, да только на корпусе самых больших напольных часов картечь выбоины оставила! Забраковали его и вернули плотнику назад, а за отличную работу царь подарил ему умный

часовой механизм с бронзовым маятником и золочёными стрелками. С тех пор эти часы передаются в нашем роду из поколения в поколение и имя собственное имеют – господин Мозер! Я мигом вернусь, не забудь вынуть градусник вовремя!

Мальчик подошел к часам. Они напоминали деревянный терем, и казалось, смотрели на Тёму свысока, поблёскивая многогранными стёклышками, словно ухмыляясь в стрелки-усы. Наверху светился циферблат, а за прозрачной дверцей раскачивался маятник. Часы тяжело дышали, слышно было, как где-то в глубине их поскрипывают невидимые механизмы, как вздыхают они, вспоминая былые годы. На боковой стенке дугой пролегли следы ружейной дроби, расстрелявшей волков много лет назад. Тёма прикоснулся к ним, и вдруг... что-то щёлкнуло, зазвенела невидимая пружина, раздалось протяжное «О-о-ох!» и древний господин Мозер, как охрипший селезень, прокрякал пять раз:

- Кххря... кххря... кххря... кххря... кххря.

Тёма положил градусник на стол, а Часы, отдышавшись от боя, проскрипели:

- Пора, малыш! Подойди и прокрути ключик завода один раз!

Всё произошло мгновенно – ключик легко повернулся, стрелки помчались как угорелые – тик-тик-тик... так-так-так... а Тёма вдруг уменьшился, влетел внутрь часов и исчез.

Ёлка ахнула и собралась было упасть в обморок, но железная крестовина удержала её, а Снеговик шмыгнул носом-морковкой: «Ну и дела!»

* * *

Тёма дрожал от холода - непонятным образом он перенёсся из своей тёплой квартиры в незнакомый тёмный сарай. Рядом стояли деревянные вёдра с подмёрзшей водой и лежало изогнутое коромысло. В углу кто-то фыркал и дышал клубами пара. Дверь скрипнула, вошёл мальчик в тулупчике и высокой меховой шапке со свечой в руке:

- Каурка, Каурка!

Кудрявый рыжий жеребец выглянул из темноты и заржал так громко, что Тёма ойкнул.

Мальчик оглянулся:

- Ты кто такой?

- Я - Тёма, у бабушки на каникулах живу, мне семь лет.

- И мне семь лет, меня Артемием кличут. А здесь ты как очутился?

- Я заблудился, - сообразил Тёма.

- Скажем, что ты с соседнего хутора.

Артемий положил перед Кауркой охапку сена и, взяв гостя за руку, повёл за собой.

В маленькой горнице Тёма переоделся в холщовую рубаху до колен и портки, а на ноги обул плетёные лапти. Артемий подвязал ему под левую руку пояс:

- Тебе-то и одного хватит, а я ещё и нательный ношу, он - как оберег - беды отводит.

- А где их покупают?

- Их не покупают, а ткнут. Моя сестра Настёна весной замуж выходит, к свадьбе она должна выткать сто поясов – чтоб всем гостям раздать.

Они вошли в избу: у входа - пышет жаром изразцовая русская печь, а вдоль стен - широкие лавки. Весь пол яркими половичками застелен. В углу, над столом, висят иконы и горит лампадка. У печи стряпают хозяйка и две милые старушки – в нарядных сарафанах, волосы подвязаны узорными платками. Девушки лепят пироги, а отец со старшими сыновьями мастерят из дерева какие-то фигурки. Младшие дети обули валенки, надели шубейки и побежали на улицу – встречать первую звезду.

- Сейчас Паука достанем, - сказал Артемий, - не бойся, он не настоящий!

Он принёс из чулана длинный, до потолка, шест, наверху которого было прикреплено подобие меховой шапки и стал водить им по потолку и углам, собирая пыль и паутину.

- И я хочу, - воскликнул Тёма, - у моей бабушки есть пылесос, а такого Паука нет.

Он обошёл весь дом, собирая паучков и пылинки, а когда Паук из чёрного превратился в пыльно-серого, выбежал на морозное крылечко и вычистил его в снегу. Потом они с Артемием стали чистить песком все дверные ручки до блеска, а чтобы до вечера руками их не захватили, обмотали каждую светлой тряпицей.

Застелила матушка стол праздничной скатертью – с бахромой и кружевными прошвами, выставила нарядную посуду, в центр – каравай, солонку и свечу. Старушки сотейники носят: блины с солёной икрой, севрюгу заливную, гуся с мочёными яблоками и открытую кулебяку с грибами, квашеной капустой и клюквой.

За окошком стало темнеть, тонкий бледный месяц нарисовался, а под ним – махонькая, не набравшая ещё яркости первая звёздочка.

- Звезда зажглась! - закричали малыши с улицы. - Пора начинать Святую вечерю!

* * *

Поздним вечером сытые румяные дети расселись на полу, а за цветастой занавеской установили столик. Свечи мерцали в нарядной комнате, окна затянули морозные узоры, а трёхцветная кошка, улыбаясь, мурлыкала на лавке.

Артемий шепнул Тёме на ухо:

- Сейчас увидишь настоящий кукольный театр – «Рождественский вертеп» называется!

- Вертеп? - удивился Тёма. - Я такого слова никогда не слышал.

- Чудной ты всё-таки, не с Луны ли ты свалился? – засмеялся Артемий. - Вертеп – значит «пещера», это всем известно! Раньше к нам на святки приезжали школяры с представлениями, а в этом году мы с тятёй сами сделали и короб сосновый и куколок размером с указательный палец... смотри, уже начинается!

На столике возник деревянный домик в два этажа. Верхний ярус его, оклеенный синей бумагой, и был пещерой Рождества. В нем размещались маленькие ясли, в которых лежал спеленатый младенец Христос, фигурки Иосифа и Девы Марии, склоненные над ним, вол и ослик, согревающие Иисуса своим дыханием. На крыше была вырезана Вифлеемская звезда, возвестившая всему миру о чудесном рождении Сына Божия.

В нижнем ярусе по едва заметным прорезам на фоне золотого дворца двигались силуэты царя Ирода и его воинов с мечами в руках. Старшие братья Артемия, присевшие за домиком, водили фигурки и озвучивали рождественскую историю:

«Отправилась Дева Мария вместе с мужем Иосифом в город Вифлеем, потому что римский император Август приказал провести перепись населения. Дорога была долгой и трудной, они шли пешком по гористой местности, а когда достигли Вифлеема и стали искать место для ночлега, оказалось, что все постоялые дворы заполнены.

Вышли они за пределы города и наткнулись на пещеру, в которой обычно пастухи прятались от непогоды. Там и родила Мария своего сына, и в тот же миг загорелась на небе Вифлеемская звезда, возвещающая всему миру радостную весть.

А в окрестностях города в эту ночь не спали пастухи у костра, сторожа свои стада. И опустился к ним с небес сияющий ангел: «Я возвещаю вам великую радость - родился Спаситель, который есть Христос Господь!».

Звезда привела к пещере и волхвов – странствующих мудрецов, которые принесли ему драгоценные дары.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Но царь Ирод, которому предсказали рождение Иисуса, приказал убить всех младенцев мужского пола, рожденных в эту ночь. И было убито его воинами 14 тысяч детей в возрасте до двух лет. Спасая своего сына, Мария и Иосиф уехали в Египет, а после смерти царя Ирода вернулись в Назарет».

В этот момент в нижнем ярусе появился деревянный чёртик. Он утащил Ирода и его воинов в темноту – теперь маленькому Иисусу не грозила никакая опасность.

Свечку задули, дверцы закрылись, занавеска задёрнулась. Дети, укладываясь спать на тёплой печи, ещё долго обсуждали историю рождения Христа, шептались и шушукались, пока не уснули.

Тёма и Артемий легли на полу, укрылись овчиной.

- Утром мы с отцом в Москву поедem. Повезём царский заказ - корпуса резные из кедра и дуба для швейцарских часов Генри Мозера. Лучших коней запряжём, и Каурку тоже – он выносливый, крепкий. Пять дней и ночей нам ехать до столицы. Дохи меховые поверх тулупов наденем – это такие меховые шубы с широченными рукавами и без застёжек, медвежьё шкуру – в ноги, а на руки – заячьи варежки, иначе в пути замёрзнуть можно!

Тёма обнял своего нового друга и взволнованно зашептал:

- Обязательно возьмите с собой ружьё, а волков не бойся – ты сильнее их!!!

- Волки? – Артемий нахмурился. - Спать пора, Тёма, смотри – звёздочка прямо в окошко светит!

* * *

Бабушка растормошила уснувшего Тёму:

- Давай-ка, внучек, лекарство примем!

- Я утром буду здоров и обязательно начищу все дверные ручки и паутинки во всех углах соберу, а ещё давай устроим Рождественский вертеп! Папа с мамой приедут, и мы им покажем кукольное представление! Вот только не знаю, из чего нам фигурки сделать, их же много – красивая Дева Мария, старый Иосиф, маленький Иисус, а ещё пастухи и мудрецы, и злой Ирод?

- Откуда ты всё это знаешь? - удивилась бабушка. - Мы слепим фигурки из солёного теста. Рецепт очень простой: два стакана муки, стакан мелкой соли и полстакана воды! А потом раскрасим их акриловыми красками - будет не хуже, чем в настоящем кукольном театре! Ты только выздоравливай, Тёмочка!

- Называй меня Артемием, бабушка, мне так уже больше нравится!

Бабушка присела на краешек кровати и вместо сказки на ночь, прочитала ему строки из старенького томика стихов Бориса Пастернака:

*«...Он спал, весь сияющий, в яслях из дуба,
Как месяца луч в углубленье дупла.
Ему заменяли овчинную шубу
Ослиные губы и ноздри вола.*

*Стояли в тени, словно в сумраке хлева,
Шептались, едва подбирая слова.
Вдруг кто-то в потёмках, немного налево,
От яслей рукой отодвинул волхва,
И тот оглянувшись: с порога на Деву,
Как гостя, смотрела звезда Рождества...»*

СТОЛИК У ОКНА

*Рубрику ведет Анна Народицкая
(МОССАЛИТ, Москва)*

ЕСЛИ БЫ ДА КАБЫ, или ОТЛОЖЕННАЯ ЖИЗНЬ

- Как хорошо тебя снова увидеть! А то я сижу тут одна, скучаю. Тортики надо есть в компании, присоединяйся! Что? Ты худеешь? На диете с понедельника? А я, пожалуй, закажу! Ну что еще поднимет настроение в такую холодрыгу?

Знаешь, мне интересно, отчего люди всегда решают именно с понедельника начать новую жизнь? Нет, ну правда, чем он так провинился, что на него вечно все сваливают? Я предлагаю начать с любого другого, с пятницы, например. А что, хороший день, накануне выходных. Легче совершать героический подвиг, пока никто не видит и не упрекает в случае неудачи: «Ага! Не выдержала, съела торт! Не утерпел, выкурил сигарету! Не смогла рано встать, не сделала гимнастику, проспала!» А так, прошли выходные потихоньку, съела чуть поменьше, встала чуть пораньше и попрыгала перед зеркалом, улыбаясь себе, выкурила в половину меньше сигарет. И, главное, без особого напряжения, ведь выходные на то и существуют, чтобы отдыхать. А потом, если у тебя всё получилось так, как задумала, придешь в понедельник на работу и с гордым видом похвастаешься: «Я уже три дня держусь!» И в твою сторону посмотрят с уважением и тайной завистью, мол, во дает! Хороший день пятница!

Нам вообще свойственно всё откладывать «на потом». И вечно отговорки находятся: «вот окончу институт, тогда уж... вот выйду замуж, и после этого... вот дети вырастут, будет легче, вот выйду на пенсию и начину жить для себя...». Ну почему? Почему мы вечно думаем про то, что будет когда-нибудь? Почему не сейчас, не сегодня? Может, мы чего-то боимся? Чего? Того, что не сможем, не справимся, не хватит ума или таланта? Или это наше вечное «радостно-оптимистичное» представление о будущей реальности? Пусть сейчас всё не так, как хочется, но зато пото-о-ом... потом обязательно сбудется-свершится! Этакая сказочка со счастливым концом. Мантра для успокоения себя сегодняшнего и обещание ему же завтрашнему. Вот и получается, мы все время откладываем саму жизнь, как бы «жизнь на потом». Грустно и забавно одновременно. Особенно актуальна эта тема сейчас, в предновогодние дни.

В декабре большинство людей строит радужные планы на «после-нового-года». Пишут, как принято, желания на бумажке, потом сжигают ее и пьют вместе с шампанским, пока часы двенадцать бьют. И я так делаю, и я не исключение. И ты? Ну, вот видишь! Многим это свойственно, но я не о чудесах тебе говорю. Я о том, что нам свойственно, вопреки известной поговорке, откладывать на завтра то, что можно сделать сегодня. Вот ты говоришь, что на диете с понедельника, а я вспомнила беседу с одной знакомой. Она со мной тоже недавно поделилась, что похудеть собирается. Ну, и заявляет мне:

- Вот наемся в праздники, а потом уж, после январских каникул, строго-настрого сяду на диету.

- Так не ешь ночью, - предлагаю ей, - зачем наедаться, чтобы потом истязать себя?

- А как же новогодние традиции? Курочка жареная, салат оливье? – гордо поднимает голову подруга, словно ночным оливье поддерживает святую семейную традицию из поколения в поколение.

Рис. А. Народицкой

- Но ведь ты сама жаловалась, что тебе от оливье плохо становится! – напоминаю я ей, - ела всю ночь, а потом таблетки пила, помнишь?

- Ну, это тогда было, - оправдывается знакомая, - а теперь, может, обойдется. Традиция все-таки. Ничего, я потом возьму себя в руки. – И женщина громко вздохнула...

Нет, мы все-таки мазохисты! Сначала создаем проблемы, а потом героически их преодолеваем. А пока боремся с препятствиями, снова находим причину откладывать все на потом. «Вот когда преодолею...»

А еще есть любимое выражение «отговорка», которое ты, конечно, знаешь – «если бы». Тоже часто говоришь? Ну вот! Причем это относится абсолютно ко всему.

«Если бы я у меня было больше времени, я бы поехал, освоил, выучил... а так не могу!»

«Если бы я похудела... а пока все равно толстая, так что еще кусочек можно».

«Если бы не вышла замуж... (или вышла) жизнь сложилась по-другому, а так не моя вина».

Перечислять варианты можно долго, но я думаю, что пока мы пользуемся этими отговорками, жизнь-то так и не начнется. И что самое смешное, в старости можно обе причины соединить вместе – «ЕСЛИ БЫ я не откладывал НА ПОТОМ, все было бы иначе...». После этих слов надо обязательно найти виноватых и гордо, но горько скорбеть о загубленной судьбе до последнего выдоха.

Да, конечно, и сама я, как говорится, не без греха. Потому и знакома мне эта тема. Но я уже исправляюсь. Честно.

А вот еще о чем я подумала: известно ведь, все творческие люди, художники, писатели, музыканты испытывают вдохновение. А ты представь себе, что они тоже откладывали бы все на потом, и так ничего не наваяли. Но муза-то ждать не станет! И тогда (о ужас!) захотела бы я к примеру почитать любимого О.Генри и не смогла... нету его, не написал ничего. Всегда что-то отвлекало писателя от гениальных рассказов. И думал О.Генри: вот закончу дела, а потом сяду, напишу. Но дела все никак не заканчивались. Так и не написал он ни строчки. Представляешь?

Или, например, собрался Врубель «Демона» живописать, а ему говорят:

– Не время сейчас, ремонт надо капитальный делать.

Где уж тут над полотном работать, когда бардак в доме. И думает Врубель: ладно, потом напишу «Демона». А потом другие заботы отвлекли, так он и не собрался. Захотели мы пойти в Третьяковскую галерею, а Врубеля там нет и в помине... Это страшно представить даже! И

главный ужас в том, что, вполне вероятно, им, гениям, тогда и вправду могло быть некогда остановить круговорот забот и заняться какой-то новой творческой идеей. И, возможно, из-за этого сейчас у нас нет тех роскошных картин и интереснейших книг, которые должны были быть, ЕСЛИ БЫ их не отложили НА ПОТОМ... вот как.

Думаю, нам всем тоже стоит стараться воплощать планы и мечты не потом, а сразу, как только они появляются. По мере возможности, конечно, во всяком случае, начинать работать над их «сбычей». Вот я прямо сейчас и начну. Хотя я и заказала торт, но знаешь что? Я не стану его есть! Не буду откладывать на потом, начну диету прямо сейчас, а не с какого-то там понедельника или Нового года, и тем самым поддержу собственную теорию. Я обещаю! Ага! Ты уже улыбаешься? Ну и хорошо! Разве это не счастье, когда душа радуется? Здесь и сейчас. Чему угодно: любимой работе, тортику, общению с друзьями. И даже можно почувствовать себя счастливым от выполненного обещания, главное вовремя, а не потом. Понимаешь?!

А вообще-то, кажется, я знаю, как помочь всем людям, не меняя их привычку откладывать на потом. Нет, у меня не мания величия, у меня идея! Что если на потом откладывать разные нехорошие желания? Например: потом позавидую, позже; потом поленюсь, в выходные; потом нагрублю, в другой раз; навру не сейчас, а через пару недель. Или вот еще – впаду в депрессию в следующем году, а сейчас не буду унывать! И злиться сегодня не стану, потом, когда время пройдет, сяду и позлую вволю! Но потом-то уже ничего этого не захочется или времени не останется, потому что свободное время ушло на исполнение мечты. И тогда «если бы» отпадет само собой, ведь мало кто захочет сожалеть о том, что вовремя не обидел кого-то, или не довел себя завистью до язвы желудка. Получается, что привычка откладывать «на потом» осталась, а качество жизни улучшилось. Это же здорово!

У меня сейчас такое чувство волшебное появилось: кажется, все, что мы тут с тобой наговорили, сбудется! Смотри, снег повалил! Какая красота!!! Это Дед Мороз нас, наверное, услышал и подал знак. А мы-то сидим у окошка в тепле и пьем кофе. Здорово! Смотри, ёлку понесли... неужели их уже начали продавать?

Слушай, а знаешь, что я еще решила? Я, пожалуй, все-таки дам себе последнее обещание «на потом» в этом году. Какое? Я пообещаю себе с Нового года НИЧЕГО ХОРОШЕГО НЕ ОТКЛАДЫВАТЬ НА ПОТОМ, жить настоящим. И еще, обещаю с Нового года НИКОГДА НЕ СОЖАЛЕТЬ О ПРОЖИТОМ. И выполню! Даже не сомневайся! Вот встретимся здесь в следующем году, увидишь. Ну что, с наступающим Новым годом тебя! Всего тебе самого хорошего! Счастья! Здоровья! И главное, живи каждым днем, каждым мгновением! Удачи тебе! До встречи в новом году!

С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ!

Материал любезно предоставлен сайтом www.yaturistka.ru

ЧТО ЕДЯТ В НОВОГОДНИЕ ПРАЗДНИКИ В РАЗНЫХ СТРАНАХ МИРА

В новогоднюю ночь случаются чудеса! Можно отправиться в путешествие, даже не выходя из дома. Достаточно приготовить традиционный праздничный ужин какой-нибудь далекой страны, например, Японии или Мексики. Или поставить на новогодний стол одно из экзотических блюд: гречневую лапшу соба, фаршированную утку, карпа, запеченного целиком, индейку в шоколаде, хлебный пудинг или просто имбирное печенье...

Китай

На китайском новогоднем столе непременно появляются пельмени, лапша, отвар из персиков и блюда из пяти видов овощей или злаков, символизирующие 5 отдельных видов счастья. Каштаны олицетворяют прибыль, креветки — радость и счастье, курица — процветание. В это время распускаются персиковые и абрикосовые деревья, мандарины, миндаль, арбузы — их

красная сладкая мякоть символизирует удачу в наступающем году. Пельмени делают с начинкой из свинины с капустой и луком. Обычно в один кладут монетку или драгоценный камень, и нашедшего их ожидает большая удача в наступающем году. Длинные нити лапши воспринимаются как символ долгой жизни. Китайцы очень трепетно относятся к цветовой гамме праздничного новогоднего стола - белым на нем может быть только рис. Обязательно надо попробовать все блюда, иначе не будет счастья. По китайскому обычаю на Новый год надо готовить рыбу целиком, что считается символом крепких семейных связей. Также они готовят курицу, тоже целиком — с головой, хвостиком и лапами — это символизирует единство семьи. Китайцы в Новый год обязательно съедают вегетарианское кушанье под названием йаи, с добавлением разнообразных приправ.

Япония

Чтобы поприветствовать божества, которые приносят удачу и счастье, в японский Новый год – осёгацу – готовят оригинальные блюда, которые предпочитают и одобряют боги. Специальная новогодняя кухня (осэтирёри) включает не только подношения божествам, но и простые блюда, которые едят все японцы во время трехдневного традиционного праздника. Существуют различные версии осэти от традиционных до современных и даже экзотических для Японии (итальянская, французская, китайская кухня), но все они основаны на главном принципе ходзонсёку — сохраненная еда. В Японии хозяйки готовят под Новый год пищу из продуктов, приносящих, как они считают, счастье: верят, что морская капуста приносит радость, жареные каштаны — успех в делах, горох и бобы — здоровье, вареный рис — спокойствие, икра сельди — семейное счастье и много детей, лапша, как и у китайцев, символ продолжительной жизни. Поэтому соба (лапша) должна быть обязательно ненарезанной, так как чем длиннее лапша, тем длиннее наша жизнь.

Филиппинские острова

На Филиппинских островах народ готовит в ночь Нового года множество разнообразной еды, чем больше пищи, тем лучше, так как богатый новогодний стол считается залогом такого же богатого и сытого приходящего нового года.

Тибет

Тибетские хозяйки пекут на Новый год горы пирожков с разнообразными начинками и угощают ими всех подряд, знакомым и незнакомым, ведь чем больше раздашь, тем богаче будешь!

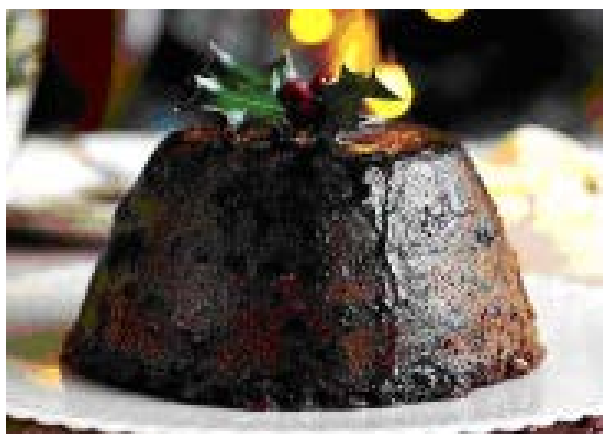

В некоторых провинциях Тибета на новый год традиционно едят овечью голову с гарниром из овощей и соусом. Считается, что голова на праздничном столе — благоприятный знак.

Англия

В Англии традиционной рождественской едой считается пудинг и фаршированная индейка с овощным гарниром из брюссельской капусты. Индейку традиционно фаршируют каштанами с тертыми сухарями и шалфеем, а к ней подают дивный соус из крыжовника, клюквы или сливок.

Пудинг готовят из хлебных крошек, муки, сала, изюма, яиц и различных пряностей. Перед подачей пудинг обливают ромом, поджигают и пылающим ставят на стол.

В Англии, если тебя пригласили в гости на Новый год, ты должен принести с собой хлеб, уголек и щепотку соли, которые символизируют еду, тепло и благосостояние.

США

В Америке традиционным блюдом также считается фаршированная индейка. Индейку напихивают всем, что завалялось в холодильнике: хлебом, сыром, черносливом, чесноком, фасолью, грибами, яблоками.

Но традиционным новогодним блюдом жителей Нового Света считается блюдо с циничным названием «Хромой Джон» — свиной окорок с красной фасолью. На юге США считают,

что для счастья и богатства в новом году нужно съесть горох или бобы под бой новогодних часов. Часто можно услышать, что горох, зелень, капуста символизируют деньги.

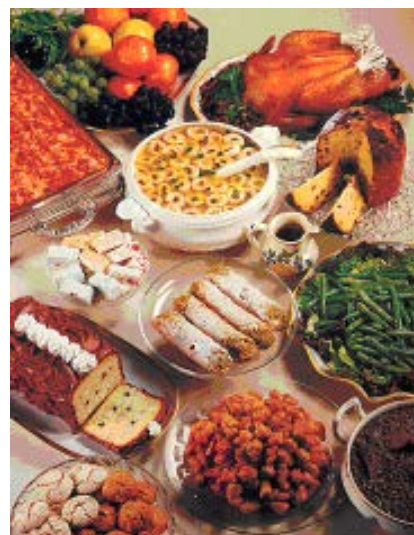
Мексика

Несмотря на то, что Мексика является страной бурито, начо и фахито, на Новый год мексиканцы предпочитают запекать молодого поросенка. Его подают с гарниром из риса запеченным в духовке с черной фасолью и сладким перцем. На стол у мексиканцев принято подавать много овощей и листовой салат, а также пасиньо, серрано и халапеньо, фаршированные твердым сыром.

На десерт — незатейливая выпечка из кукурузной муки. Мексиканцы также фаршируют индюшку бобами, кукурузой и другими овощами и, естественно, не жалеют огненно-острого соуса с перцем чили. Другое фирменное блюдо у них — индейка в шоколаде.

Италия

Среди традиционных блюд на новогоднем столе обязательно должны присутствовать домашние капеллетти, трюфели, копченый лосось, кампоне, индейка, миндальные пирожки, паровая треска или окунь в белом вине, маленькие пельмени — тортеллини с ветчиной прошутто и сливочным соусом. Но главное блюдо новогоднего стола — домашняя колбаса из свинины - котеккино. Ее нарезают небольшими кружками и подают с гарниром из кукурузной крупы и тушеной чечевицы. На десерт итальянцы готовят кекс панеттоне с сухофруктами внутри, напоминающий пасхальный кулич, украшенный изюмом и цукатами. В Италии к новогоднему столу принято подавать виноград, орехи, чечевицу как символ и залог долголетия, здоровья и благополучия.

Испания

Испанцы накрывают обильный стол, на котором обязательны сласти: печенье с тмином, миндальные пирожные. Едят жареного барашка, моллюсков, индейку, молочного поросенка, пьют херес. В Испании обычаем считают с боем часов в полночь съесть двенадцать виноградин – по числу ударов часов. С каждой виноградиной загадывают желание – двенадцать заветных желаний на каждый месяц в году, которые обязательно сбудутся!

Германия

В Германии центральное место на столе занято гусем с красной капустой и шариками из картофеля и хлеба. Обязательно подают ярко раскрашенное блюдо с яблоками, орехами, изюмом и пирогами. Символика здесь такая: яблоко — плод познания добра и зла, орехи с их твердой скорлупой и вкусной сердцевинкой символизируют тайны и трудности жизни. В Германии говорят: «Бог дал орех, а человек должен расколоть его». Если на новогоднем столе есть сельдь или карп, это принесет счастье в грядущем году.

Польша

В Польше на стол по традиции ставят 12 блюд, и ни одно из них не должно быть мясным. Обязательно рыба! Основное праздничное угощение — символ семейного счастья и благополучия — карп. А еще — грибной суп, борщ, ячменная каша с черносливом, клецки с маслом, на десерт — шоколадный торт.

Обязательно на столе должен быть штрудель — слоеный рулет с яблоками, предмет гордости каждой хорошей хозяйки.

Крансекаке (*Kransekake*) — пирог из колечек, сложенных пирамидкой, юлекаке (*Julekake*) — рождественская круглая булка с изюмом, фатигман (*Fattigman*) — хворост, крумкакер (*Krumkaker*) — вафли, манделькаке (*Mandelkake*) — миндальный пирог.

Норвегия

По традиции, на Рождество в Норвегии надо иметь 7 видов выпечки. Самые распространенные норвежские мучные изделия:

Индия

В Индии Новый год отмечают пловом бирьяни и окрошкой. Плов бирьяни готовится, конечно, из баранины. К рису и моркови добавляют кишмиш, орехи кешью, зеленый горошек, ананасы, зеленый горошек и большое количество местных специй — кумин, гвоздику, кориандр, куркуму, кардамон. Специи придают рису несколько цветов, из-за чего блюдо выглядит очень празднично и «нарядно». К плову подается райта — индийская окрошка на основе кефира из помидоров, картофеля и огурцов. На десерт готовят ласи — простоквашу, взбитую с имбирем и сахаром.

СОБИРАЕМ ЧЕМОДАНЫ

Светлана Сударикова
(МОССАЛИТ, Москва)

Фото Светланы Судариковой

РОЖДЕСТВО В АВСТРИИ

С тем, что Рождество - самый любимый праздник, пожалуй, согласится каждый австриец. Именно в этот период страна превращается в маленькую сказку, где на каждом шагу вас ждут приятные сюрпризы и нечаянные радости от соприкосновения с чудом, потому что чудеса повсюду.

Рождественская витрина

И первое чудо, которое откроет для себя турист, приехавший в этот период в Австрию, это рождественское убранство городов, улиц, домиков, магазинов.

Каждая витрина — маленькое произведение искусства, волшебство, созданное многолетней традицией. Рождественские мили начинаются 1 декабря. Период с 1 по 25 декабря носит название Адвент. Именно с этого момента и начинается праздник.

Повсюду на улицах открываются рождественские рынки, или, как здесь их называют — Кристиндльмаркт, то есть рынок младенца Христа. На площадях и улицах появляются целые городки, состоящие из небольших торговых палаток, где можно купить все, начиная от елочных украшений и кончая шапками, свитерами, игрушками, сладостями. Если вы замерзли, непременно попробуйте глинтвейн или пунш, который тут же разливают. Горячий напиток, пахнущий яблоком, цитрусом и корицей, не просто согреет, но и поднимет настроение. Вдобавок можно купить различные вкусности: сосиски, бутерброды с паштетом (ауфштрих) и очень любимые австрийцами, да и туристами, лангоши.

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

Лангош – это огромная жаренная в масле лепешка с хрустящей корочкой, похожая на большой толстый блин.

По вашему желанию лангош смажут растертым чесноком и посыплют солью. В расположенных тут же жаровнях готовят жареные каштаны и жареный картофель, которыми можно полакомиться из заботливо свернутого кулька.

Кристkindльмаркт в Вене у ратуши

Рождественские палатки в Бадене

В общем, с голоду вы не умрете. А еще прибавьте к этому удовольствию музыку, сверкающие гирлянды, детские карусельки и удивительные ароматы, витающие в воздухе. Главный рождественский рынок расположен напротив ратуши в Вене. Сама же ратуша превращается в огромный адвенткалендарь, где каждое окно – это один из 25 дней перед Рождеством. Такие же календари продаются в виде коробок конфет, и каждый день можно открывать одно окно и доставать сладость.

Слово Адвент пришло из латыни и означает «прибытие». Это 4 недели перед Рождеством, время покаяния, поста и молитвы, когда все светские увеселения запрещены. Положили начало этой традиции в XI веке францисканцы, а законодательно закрепил папа Пий V в 1570 году. Конечно, сегодня отнюдь не все следуют строгим правилам, это, скорее, время праздника и веселья. В домах появляются рождественские венки с четырьмя свечками, в каждое воскресенье Адвента зажигается одна свеча. В первое воскресенье Адвента горит одна свеча, в следующее 2, затем 3, и лишь в Рождественскую ночь на венке зажигают все 4 свечи. Причем традиция святособлюдается. Так, если на огромном венке, который, как правило, выставляется на Грабене (улица в центре Вены) вы увидите горящими только 2 электрические свечки, не удивляйтесь – это означает, что до Рождества осталось еще 2 недели.

Рождественский венок в г. Марицель

Пряничный домик в витрине
кондитерской в Вене

На время Адвента выпадает несколько религиозных праздников. Это день святой Барбары – 4 декабря, когда в вазах зацветают веточки вишни, предварительно поставленные в воду. День святой Люции – 13 декабря, и, конечно, день святого Николая, отмечающийся 6 декабря. В этот день святой Николай приходит к детям и кладет в заранее поставленные к двери ботиночки различные сладости. Однако, если вы в течение года вели себя плохо, дрались, ленились, не слушались родителей и плохо учились – не видать вам конфет, как своих ушей. Тогда вместо святого Николая к вам заявится его слуга Рупрехт и положит в ботинки розги.

Разумеется, на Рождество в домах появляются ели, празднично декорированные в соответствии с модой и желанием хозяев. Самая главная елка стоит у ратуши в Вене.

И вот наступает 24 декабря. В час дня все до единого магазины закрываются. Вечером не будут работать многие ресторанчики, только те, что предлагают посетителям отпраздновать Рождество. Закрываются и рынки, на улицах наступает тишина. К вечеру все идут в церковь, а затем всей семьей собираются на рождественский ужин, где будут есть рождественскую утку, дарить подарки и петь рождественские песни и гимны. Самый популярный, конечно же, «Stille Nacht! Heilige Nacht!» (Тихая ночь, святая ночь). Эту песню в 1818 году в деревне Оберндорф под Зальцбургом написали священник Йозеф Мор (слова) и Франц Губер (музыка). Несмотря на широкую популярность песни, очень долго авторы считались неизвестными. Авторство приписывали и Гайдну, и Моцарту. Существует несколько легенд открытия авторства песни. Однажды на репетиции детского хора, который как раз готовил песню к празднику, дирижер сделал замечание мальчику, который все пел невпопад. Но тот дерзко ответил, что он-то как раз поет правильно, потому что его папа написал эту песню. Так автор стал известен. Так это или нет, теперь установить невозможно. Окончательно авторство было установлено лишь в 1854 году. Сам Йозеф Мор относился к своему творению несерьезно, да и счастья ему это не принесло – он умер в нищете, а теперь трудно представить себе Рождество без этой песни. Она переведена на многие языки, в том числе и русский.

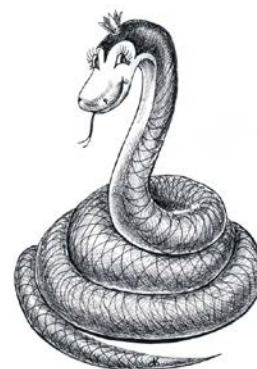
Но вот праздничный ужин окончен, на столе горят четыре свечи, сквозь оконный проем видна сияющая в небе Рождественская звезда, и где-то далеко-далеко, в теплом и уютном вертепе в который раз открывает глаза младенец Иисус, чтобы снова стать спасителем мира.

С Рождеством!

С НОВЫМ ГОДОМ И РОЖДЕСТВОМ!

*Анна Народицкая
(Моссалит, Москва)*

2013 ГОД – ГОД ЧЕРНОЙ ВОДЯНОЙ ЗМЕИ!

Неотвратимо, неизменно
Подходит очередь моя.
С числом 13 непременно
Вползает черная змея.

Вода всегда моя стихия,
И, плавно продолжая речь,
Вам подготовила стихи я,
Дабы от бед предостеречь.

Чтоб год прожить, не зная горя,
Внемлите вы моим словам,
Понятно много станет вскоре,
Когда я вам советы дам...

Не позволяйте покушаться
На достижения никому,
Вас будут многие стараться
Отправить камешком ко дну -

Чужой успех всегда мешает.
Друзьям - ни-ни! С врагами - нем!
Тот крепче спит, кто меньше знает,
Коль нет врагов, то нет проблем.

Не врите близким и любимым!
Обманом блага не найти.
Останьтесь добрым и терпимым
На вами избранном пути.

Ревнуйте, дамы, но не сильно.
Доверьтесь тем, кто любит вас,
И счастье будет столь обильно,
Что убедитесь в том не раз.

Вокруг мужчин не обвивайтесь,
Но будьте гибкими, как я.
Не плюйтесь ядом, не кусайтесь,
Ведь вы же дама, не змея.

Удачных браков в чем причина?
Мужьям прекрасный дам совет:
Тогда вы истинный мужчина,
Когда скандалов в доме нет.

В делах сердечных проявите
Змеи излюбленный прием:
Вас прогоняют – уходите.
Пусть ищут после днем с огнем.

Нашли? Вползайте в дом скорее
И затайтесь в уголке.
Любовь тем дольше, чем мудрее.
Глаза в глаза, рука в руке...

Я приползла к вам не напрасно,
Прислушайтесь, друзья мои.
И будет ваша жизнь прекрасна
В год черной водяной змеи!

Московский BAZAR, № 3 (5) 2012 г.

www.mossalit.ru
mos.bazar2011@yandex.ru

© МОССАЛИТ, 2012